

ФАКУЛЬТЕТ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ПРИ УЧАСТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ УПРАВЛЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ПО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№ 1 (2) / 2014

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЗДАН НА ОСНОВЕ ЖУРНАЛА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»
(ИЗДАВАВШЕГОСЯ С 2006 ПО 2011 ГГ.)
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук,
доцент, подполковник
милиции в отставке

**КОРРЕКТУРА, ВЕРСТКА
Е. В. ЮЖАКОВА**

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО «ЭСКУЭЛА»**

Адрес редакции:
Россия, 454081, г. Челябинск,
ул. Артиллерийская, д. 100
Тел./факс: 8 (351) 243-05-25
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-54870
от 26 июля 2013 г.

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)
путем заключения договора с Российской
научной электронной библиотекой

Ответственность за аутентичность
и точность цитат, имен, названий и иных
сведений, а также за соблюдение законов
об интеллектуальной и иной собственности
несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 10.06.2014
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 300 экз. Заказ № 76

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», 2014

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

доктор юридических наук, доцент
подполковник милиции в отставке
С. В. ЗУЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

кандидат юридических наук, доцент
полковник милиции в отставке

Н. П. ГЕРАСИМОВА

кандидат педагогических наук, доцент
полковник милиции в отставке

Г. А. КАЗАРЦЕВА

доктор исторических наук, профессор
полковник милиции в отставке

В. С. КОБЗОВ

кандидат исторических наук, доцент
полковник милиции в отставке

В. Н. МАЙСАК

доктор исторических наук, доцент
полковник милиции в отставке

Т. К. МАХРОВА

доктор юридических наук, профессор
полковник милиции в отставке

Р. А. САБИТОВ

кандидат исторических наук, доцент
полковник милиции в отставке

А. И. СЕМЕНОВ

доктор юридических наук, профессор
полковник милиции в отставке

А. Б. СЕРГЕЕВ

доктор педагогических наук, доцент
полковник милиции в отставке

З. Р. ТАНАЕВА

кандидат юридических наук, доцент
полковник внутренней службы в отставке

Ф. М. ТЮЛЬПАНОВ

В НОМЕРЕ

Административное право и процесс

<i>Дорогова Е.В. Юридическая сущность информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей</i>	4
<i>Князева И.Н. О некоторых проблемах назначения административных наказаний</i>	7
<i>Майорова Е.Н. Порядок рассмотрения судом дел об административных правонарушениях</i>	11
<i>Чех О.И. Факторный анализ административно-правового регулирования отношений в сфере здравоохранения</i>	14

Гражданское право и процесс

<i>Гришмановский Д.Ю. Проблемы развития института медиации в России и пути их преодоления</i>	19
<i>Овчинникова О.В. Оценка оснований возмещения судебных расходов</i>	23
<i>Пучков О.А., Солопова Н.С. Парадоксы правового регулирования интеллектуальной собственности в Российской Федерации</i>	27
<i>Савченко Е.Я. Гражданско-правовая ответственность за экстремистскую деятельность</i>	32

Международное право. Конституционное право

<i>Балагурова Н.Н. Улучшение качества жизни граждан как одно из условий обеспечения национальной безопасности и повышения конкурентоспособности Российской Федерации</i>	37
<i>Поперина Е.Н. Пределы допустимого вмешательства в сферу частной жизни</i>	41
<i>Фарыма В.И., Ладыгина А.И. Понятие и классификация основных прав и свобод личности</i>	47
<i>Шадрин В.М. Зарубежный опыт конституционно-правового регулирования права на образование</i>	51

Методика и методология науки и образования

<i>Беленько И.А. Функции иностранного языка в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов</i>	57
<i>Ванюшина И.Н. Основы организации и содержание профессиональной подготовки полиции Швеции</i>	60
<i>Мазур М.А. Исторические аспекты проблемы формирования патриотической культуры сотрудников органов внутренних дел</i>	65
<i>Сырников А.Ю. Профилактика травматизма на занятиях физической культурой и спортом</i>	70
<i>Танаева З.Р. Компетентностный подход к подготовке сотрудников правоохранительных органов в свете реализации ФГОС ВПО</i>	73

Общие аспекты теории и истории государства и права

<i>Герасимова Н.П. Возникновение, функционирование и развитие правоотношений</i>	76
<i>Кобзов В.С. Погибли при исполнении ... и за исполнение</i>	81

Кондратьев С.М. Эволюция института юридической ответственности военнослужащих в досоветском российском праве	87
Махрова Т.К. Таможенные правила Оренбургской приграничной торговли в конце XVIII – первой половине XIX вв.	93
Шведов И.В. Участие чинов запасных частей Казанского военного округа в общественной жизни в период Февральской революции	98

Проблемы противодействия преступности

Бахтеев С.С. Проблемы алкоголизма и преступности	101
Гончаров Д.Ю. Законодательство о борьбе с преступностью в современных условиях: система, границы	104
Майоров А.В. Понятие и структура системы противодействия преступности	112
Райхерт Л.С. Перспективы профилактики бытового насилия в связи с изменением кодифицированного законодательства Республики Казахстан	117
Черепашкин А.С. Миграционные процессы и преступность: криминологический аспект	120

Научный дебют

Семагина О.С. (предисловие Т.К. Махрова) Никколо Макиавелли о природе государства (к 500-летию трактата «Государь»	123
--	-----

Уголовное право и процесс

Зуев С.В. Полицейское дознание второй половины XIX века в России	126
Кудряшов А.В. Влияние реформы МВД России на уголовное законодательство	130
Мартынов А.Н. Криминалистическая характеристика лиц, совершивших мошенничество в сфере кредитования с использованием юридических лиц	133
Попов К.И. Использование в доказывании результатов контроля и записи переговоров	137

Юридические аспекты экологии

Тюльпанов Ф.М. Сравнительно-правовой анализ систем органов управления исполнительной власти в области охраны окружающей среды США и Российской Федерации	141
Фаткулин С.Т. Проблемы реализации уголовной ответственности за экологические преступления	147

Служу Отечеству!

Семенов А.И. От начальника уголовного розыска Магнитогорска – до начальника МУРа	153
--	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 342.95

Е.В. Дорогова
E.V. Dorogova**ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ И (ИЛИ) РАЗВИТИЮ ДЕТЕЙ**

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с пониманием определения «информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей». Предлагается классификация информации в широком смысле и применительно к закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Рассматривается вопрос отнесения рекламы к разрешенной информации. Определяются цели Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию».

Ключевые слова: информация, вред, информационная продукция, реклама, защита.

**LEGAL ESSENCE OF INFORMATION HARMFUL
TO CHILDREN'S HEALTH AND (OR) DEVELOPMENT**

The article deals with the problematic issues related to understanding the definition of «information harmful to children's health and (or) development». We suggest a new classification of information in a broad sense and in the context of the law "On the protection of children from information harmful to their health and (or) development". The question of advertising as a permitted information is considered in the article. The objectives of the Federal Law «On Protection of children from information harmful to their health and (or) development» are defined.

Keywords: information, harm, information products, advertising, protection.

До сих пор не утихают дебаты по поводу не так давно принятого Федерального закона РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Данный закон ввел новый режим для старых явлений, закрепил некоторые термины, ранее не использовавшиеся. В связи с этим возникает ряд вопросов, в том числе и о юридической сущности информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей. Для начала обратимся к Федеральному закону РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [4, ст. 2].

Анализируя данный Федеральный закон, можно выделить следующую классификацию информации:

запрещенная к распространению – направленная на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность [4, ст. 10]. Частным случаем такой информации будет являться та, которая запрещена к распространению среди детей;

ограниченная к распространению – государственная, служебная, профессиональная, коммерческая тайна или иная информация, соблюдения

конфиденциальности которой предусмотрено федеральными законами. Частным случаем такой информации будет являться та, распространение которой среди детей ограничено;

разрешенная к распространению информация – созданная с соблюдением требований законодательства.

Информацию в рамках ФЗ РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» можно подразделить следующим образом:

информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей – информация (в том числе содержащаяся в информационной продукции для детей), распространение которой среди детей запрещено или ограничено [2, ст. 2];

иная информация. Специального термина для ее обозначения не содержится, но ее существование следует из самого факта выделения первой группы [1].

Согласно определению информационной продукции, информация является составной частью данного понятия. Но, к примеру, в законодательном определении доступа детей к информации данное понятие воспринимается как нечто отдельное от информационной продукции. Такое непростое понимание понятийного аппарата вызвано тем, что определение «информационная

продукция – предназначенные для оборота на территории Российской Федерации продукция средств массовой информации, печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ) и базы данных, а также информация...» дано через понятия «продукция» и «информация», а не только через понятие «информация». Обращаясь к другим статьям Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию», можно заметить, что «информационная продукция определяется через понятие «информация» либо через конкретные признаки той или иной информационной продукции. Исходя из этого, следует сделать вывод, что соотносить понятие «информация» и «информационная продукция» следует как содержание и форму, так как любая информационная продукция содержит какую-либо информацию.

Анализируя нормы Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию», можно выделить следующие признаки вредной для детей информации:

- побуждает к причинению вреда своему здоровью, жизни;
- провоцирует безнравственное поведение;
- отрицает семейные ценности;
- вредит правовому воспитанию;
- вызывает страх, ужас, панику;
- вызывает интерес к сексу;
- ее разглашение ущемляет права и законные интересы другого несовершеннолетнего;
- вредит половому воспитанию детей.

Федеральные законы «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не ограничивают оборот некоторых видов информационной продукции, исходя из чего можно сделать вывод, что согласно действующему законодательству не считается вредной информация:

- научная, научно-техническая, статистическая; имеющая значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества;
- общественно-политического или производственно-практического характера, распространяемая в периодических печатных изданиях;
- учебников и учебных пособий, рекомендуемых или допускаемых к использованию в образовательном процессе в соответствии с законодательством об образовании;

транслируемая в прямом радио или телеэфире, демонстрируемая посредством зрелищных мероприятий;

нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающие правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления;

о состоянии окружающей среды;

о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну);

накапливаемая в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией.

Данный перечень является открытым. И если свободное распространение большинства видов информации не вызывает возражений, то часть из них вызывает сомнения.

Во-первых, распространение передач прямого эфира без знака информационной продукции может вызвать споры. С одной стороны, нет возможности провести экспертизу информационной продукции и установить возрастное ограничение. С другой стороны, кто возьмет на себя ответственность в случае, если в такой передаче осуществится распространение информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей? Возможно, следует заранее осуществлять некоторую возрастную фильтрацию, исходя из сценария передачи (такого просто не может не быть), темы, контингента, приглашенного к участию в передаче, либо ставить ограничение 18+, дабы наверняка следовать целям защиты детей от вредной информации.

Во-вторых, сомнения касаются учебников и учебных пособий. В статье 15 ФЗ РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию» сказано, что «содержание и художественное оформление информационной продукции, предназначенной для обучения детей в дошкольных образовательных организациях, должны соответствовать содержанию и художественному оформлению информационной продукции для детей, не достигших возраста шести лет». Отсюда возникает вопрос, является ли продукция, предназначенная для обучения детей в дошкольных образовательных организациях, учебными пособиями или учебниками. Если да, то получается, что учебники и учебные пособия

необходимо удалить из списка распространяемой информационной продукции без знака информационной продукции. Если нет, то необходимо дать законодательное определение понятию «учебники и учебные пособия» в рамках данного закона. Ведь на полках в магазинах встречаются книги с заголовками «Учебник для дошкольников».

Данный перечень некоторые авторы дополняют «информацией, распространенной любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [3, ст. 3], то есть рекламой [1]. Но, несмотря на то, что Федеральный закон РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию» устанавливает, что нормы данного закона не распространяются на рекламу, нельзя утверждать, что реклама признается информацией не вредной для детей. Федеральный закон РФ от 13 марта 2006 г. № 38–ФЗ «О рекламе» содержит массу норм, призванных защищать несовершеннолетних от возможного вредного воздействия информации. Он не требует применять классификацию информационной продукции, но та реклама, которая согласно ФЗ РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию» могла бы быть ограничена к распространению среди детей, Федеральным законом «О рекламе» запрещена вообще или должна распространяться в специально отведенное время. Таким образом, можно не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что реклама признается не вредной информацией для детей. Реклама регулируется Федеральным законом «О рекламе», который содержит специальные нормы по отношению к нормам Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и

(или) их развитию», а значит, законодатель посчитал излишним дублировать одни и те же нормы в разных нормативно-правовых актах.

Целью ограничения распространения информации, причиняющей вред здоровью детей и (или) их развитию, исходя из названия, является защита здоровья и развития детей. Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» гласит, что «ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4, ст. 9]. Учитывая тот факт, что данная статья содержит общую норму для всех правоотношений с информацией, а специальная норма отсутствует в законе «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию», можно утверждать, что целями закона является защита всех перечисленных выше благ. В подтверждение данного суждения следует отметить, что статьями 9 и 10 ФЗ РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию» разрешена информация о насилии, применяемом в случаях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Из всего вышесказанного хотелось бы сделать вывод, что рассматриваемый нами Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» ввел новые понятия, закрепил основы регулирования важных социально значимых правоотношений, но вместе с тем появились новые вопросы, которые требуют всестороннего рассмотрения, чтобы достижение целей данного законодательства стало максимально возможным и эффективным.

Примечание:

1. Иванов И. С. Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: расширенный научно-практический комментарий // Справ.-правовая система Консультант-Плюс (дата обращения 8 февраля 2014).
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436–ФЗ // Российская газета. – 2010. – 31 декабря.
3. О рекламе : федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38–ФЗ // Российская газета. – 2006. – 15 марта.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ // Российская газета. – 2006. – 29 июля.

ДОРОГОВА Евгения Вадимовна, преподаватель кафедры Государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ). E-mail: EVgeniyA2406@yandex.ru

DOROGOVA Evgenia Vadimovna, Lecturer of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University). E-mail: EVgeniyA2406@yandex.ru

УДК 342.924

И.Н. Князева
I.N. Knyazeva

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся правового регулирования системы административных наказаний, вызывающие затруднения в правильном выборе и назначении административных наказаний, исходя из их соотношения от менее строгого к более строгому. Автором предложены изменения в действующее законодательство об административных правонарушениях.

Ключевые слова: законодательство об административных правонарушениях, система, виды административных наказаний, альтернативные санкции, субъект административной ответственности.

ON SOME PROBLEMS OF THE ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IMPOSING

The article considers the vital problems concerning the legal regulation of the administrative punishment system, which cause the difficulties in the correct selecting and imposing the administrative punishment. On the basis of their balance, i.e. from a less strict to a stricter one, some changes are proposed to be introduced into the current legislation about the administrative offenses.

Keywords: legislation about the administrative offenses, system, forms of administrative punishments, alternative sanctions, subject of administrative responsibility.

Существующая в современном законодательстве об административных правонарушениях система административных наказаний динамично изменяется вместе с самим законодательством. В настоящее время в части 1 статьи 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3] установлен исчерпывающий перечень из десяти видов административных наказаний, которые могут применяться к физическим и юридическим лицам за совершение административных правонарушений:

предупреждение;

административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;

лишение специального права, предоставленного физическому лицу;

административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

дисквалификация; административное приостановление деятельности;

обязательные работы;

административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

Помимо установления новых видов наказаний, законодатель увеличивает размеры уже существующих видов наказаний. Так, например, размер административного штрафа за совершение ряда административных правонарушений установлен для граждан в пределах трехсот тысяч рублей; для должностных лиц – шестисот тысяч рублей; для юридических лиц – шестидесяти миллионов рублей (часть 1 статьи 3.5 КоАП РФ). Подобные нововведения затрудняют правоприменительную практику в случаях, когда при рассмотрении дела и назначении наказания либо пересмотре постановления (решения) по делу об административном правонарушении необходимо определить, какой вид наказания является менее строгим, а какой – более строгим с тем, чтобы не было нарушено право на защиту. Дело в том, что в КоАП РФ законодатель не выстроил «лестницу наказаний» так же, как это сделал в статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], содержащей упорядоченный перечень уголовных наказаний от менее строгого наказания к более строгому, тем самым затруднив практическое применение норм законодательства об административных правонарушениях, о чем свидетельствует судебная практика.

Отчасти такая позиция законодателя может объясняться тем, что к уголовной ответственности

привлекаются только физические лица и сравнение наказаний по строгости санкций является в данном случае корректным. В свою очередь к административной ответственности привлекаются не только физические лица (граждане; должностные лица; лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица), но также и юридические лица, то есть две группы субъектов. При этом к разным субъектам административной ответственности могут применяться различные виды санкций. Так, например, к юридическим лицам из десяти видов административных наказаний могут применяться лишь четыре:

предупреждение; административный штраф;

конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;

административное приостановление деятельности (часть 2 статьи 3.2 КоАП РФ).

В связи с этим сравнение административных наказаний по степени их строгости для всех делинквентов является весьма затруднительным и представляет актуальную проблему правоприменения [3].

Вместе с тем в целях правильного и единообразного назначения административных наказаний, представляется необходимым упорядочить их систему. Ориентиром для решения данной проблемы могут послужить материальные нормы Особенной части УК РФ. Если обратить внимание на санкции, установленные за совершение преступлений, то становится очевидным, что законодатель, определяя альтернативные санкции, располагает их от менее строгих к более строгим, то есть в соответствии с «лестницей наказаний», установленной в статье 44 УК РФ. Например, совершение действий, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»), наказывается штрафом, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо обязательными, либо исправительными, либо принудительными работами, либо лишением свободы.

При детальном изучении норм КоАП РФ можно отметить, что он определяет соотношение некоторых наказаний по их тяжести. Так, в силу части 2 статьи 4.4 КоАП РФ при совершении лицом одного действия (бездействия), содержащего составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статей) названного Кодекса и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, органу,

должностному лицу, административное наказание назначается в пределах санкции, предусматривающей назначение лицу, совершившему указанное действие (бездействие), более строгого административного наказания. Такая же правовая позиция содержится в пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В случае, предусмотренном частью 2 статьи 4.4 КоАП РФ, административное наказание назначается в пределах санкции, не предусматривающей назначение административного наказания в виде предупреждения, если одной из указанных санкций предусматривается назначение административного наказания в виде предупреждения (пункт 1 части 3 статьи 4.4 КоАП РФ). Отсюда можно заключить, что предупреждение является менее строгим наказанием, чем административный штраф.

В соответствии с частью 1 статьи 3.12 КоАП РФ административное приостановление деятельности назначается только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, если менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания. Применительно к некоторым санкциям, предусматривающим возможность назначения юридическим лицам наказания в виде административного штрафа либо административного приостановления деятельности, можно сделать вывод, что штраф является менее строгим наказанием по отношению к приостановлению деятельности (например, статья 17.7 «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении», статья 20.10 «Незаконное изготовление, продажа или передача пневматического оружия» и др.).

Далее, исходя из юридической конструкции санкций, учитывая только основные наказания, можно определить, что административный штраф является также менее строгим наказанием и по отношению к конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (часть 1 статьи 16.1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки»); к лишению специального права, предоставленного физическому лицу (часть 4 статьи 12.9 «Превышение установленной скорости движения»; часть 4 статьи 20.8 «Нарушение правил производства,

продажи, хранения или учета оружия и патронов к нему, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием»); к административному аресту (статья 7.27 «Мелкое хищение»; статья 20.1 «Мелкое хулиганство»); к административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (часть 1 статьи 18.8 «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации»); к дисквалификации (статья 9.18. «Нарушение порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт»); к обязательным работам (часть 2 статьи 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях»; части 1-6 статьи 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»); к административному запрету на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (статья 20.31 «Нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований»).

К санкциям, состоящим из основного и дополнительного наказания, такой же подход неприменим, то есть нельзя сделать вывод, что основное наказание всегда будет строже дополнительного, поскольку административный штраф в силу части 1 статьи 3.3 КоАП РФ установлен только в качестве основного наказания, а, например, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения или административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства могут быть и дополнительными наказаниями, несмотря на то, что они являются более строгими видами наказаний, чем административный штраф.

Очевидно, что при введении новых видов наказаний, законодатель не во всех случаях учитывает им же созданную конструкцию норм КоАП РФ, устанавливающих альтернативные санкции в определенной последовательности, что вносит путаницу и затрудняет правоприменение.

Учитывая исключительность такого вида наказания, как административный арест, что прямо определено в части 2 статьи 3.9 КоАП РФ, его следует отнести к самому строгому из всех

видов административных наказаний, установленных законодательством об административных правонарушениях [1]. Этот вид наказания выражается в том, что лица, подвергнутые административному аресту, отбывают его в условиях изоляции от общества в общих помещениях или помещениях для одиночного содержания [8]. В связи с этим в санкциях норм Особенной части КоАП РФ при наличии иных альтернативных наказаний, административный арест должен быть перечислен самым последним. Однако это не всегда учитывается законодателем. Например, в санкции части 1 статьи 20.25 КоАП РФ наказания перечислены в такой последовательности: административный штраф, административный арест, обязательные работы, а в санкции части 2 статьи 20.25 КоАП РФ – административный арест, обязательные работы, несмотря на то, что по своей юридической природе административное наказание в виде обязательных работ является менее строгим наказанием, чем административный арест, что также вытекает из сравнительного анализа части 1 статьи 3.13 и части 1 статьи 3.9 КоАП РФ. А потому административные наказания в санкциях части 1 статьи 20.25 и части 2 статьи 20.25 КоАП РФ следовало бы перечислить следующим образом: административный штраф, обязательные работы, административный арест; и обязательные работы, административный арест соответственно.

Критерием определения строгости санкций должен быть избран вид административного наказания, но не его размер, поскольку размер наказания не определяет сущность и юридическую природу каждого конкретного вида наказания.

Как уже отмечалось выше, часть 1 статьи 3.2 КоАП РФ с момента начала ее действия [2] неоднократно изменялась, был исключен такой вид наказания, как возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения [6], введены новые виды наказаний: административное приостановление деятельности [4]; обязательные работы [5]; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения [7], однако при этом не были внесены изменения в части 2 и 3 названной нормы, с тем, чтобы исключить внутренние противоречия и несогласованности. Как видно, возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения ранее предусматривалось пунктом 3 части 1 статьи 3.2 КоАП РФ, но в связи с тем, что указанный пункт утратил силу, ссылку на него следовало исключить и из содержания частей 2 и 3 этой же статьи.

В связи с этим предлагается изложение частей 2 и 3 статьи 3.2 КоАП РФ в следующей редакции:

«2. В отношении юридического лица могут применяться административные наказания, перечисленные в пунктах 1, 2, 4, 9 части 1 настоящей статьи. 3. Административные наказания, перечисленные в пунктах 4–11 части 1 настоящей статьи, устанавливаются только настоящим Кодексом.»

Представляется, что обозначенные проблемы свидетельствуют о необходимости обобщения и системного научного анализа норм КоАП РФ, определяющих виды административных наказаний, их правовую сущность и содержание с целью систематизации законодательства об административных правонарушениях.

Примечания

1. В научной литературе встречается иная точка зрения. Подробнее см., напр.: Осинцев Д.В. Спорный вопрос квалификации административного правонарушения: «вновь» – еще не повторно. – http://www.ruzh.org/rlj/2009/2009_3/DJVU/2037.pdf (дата обращения 16 декабря 2013 г.)

2. В соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. № 196–ФЗ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях введен в действие с 1 июля 2002 г.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195–ФЗ (ред. от 15 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации : федер. закон от 9 мая 2005 г. № 45–ФЗ (ред. от 29 декабря 2012 г.) // Российская газета. – 2005. – 13 мая.

5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» : федер. закон от 08 июня 2012 г. № 65–ФЗ // Российская газета. – 2012. – 09 июня.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 398–ФЗ // Российская газета. – 2010. – 30 декабря.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований : федер. закон от 23 июля 2013 г. № 192–ФЗ // Российская газета – 2013. – 25 июля.

8. О порядке отбывания административного ареста : федер. закон от 26 апреля 2013 г. № 67–ФЗ // Российская газета. – 2013. – 30 апреля.

9. См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 27 ноября 2012 г. № 8658/12 по делу № А34–3078/2011 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 23 октября 2013 г.).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ (ред. от 03 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

КНЯЗЕВА Ирина Николаевна, доцент кафедры правовых дисциплин Озерского филиала, Южно-Уральский государственный университета (НИУ), кандидат юридических наук. E-mail: irina6225@yandex.ru

KNYAZEVA Irina Nikolaevna, Assistant Professor, Chair of Legal Disciplines, Ozersk Branch of South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: irina6225@yandex.ru

УДК 342.95

Е.Н. Майорова
E.N. Mayorova

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СУДОМ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье рассмотрены проблемы вынесения решения по делу об административном правонарушении при рассмотрении дела судом. Проанализированы характерные особенности лингвистического толкования наречия «немедленно», применяемого в КоАП РФ. Проведено обобщение судебной практики по делам об административных правонарушениях. Выявлен различный подход к порядку вынесения судебного решения. На основе проведенного исследования предложен единый подход к порядку вынесения решения в судебном порядке.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями, совещательная комната, вынесение решения по делу об административном правонарушении.

COURT PROCEDURE FOR ADMINISTRATIVE OFFENCES

This article discusses the problem of determining the cases concerning administrative offences in court proceedings. The typical peculiarities of the linguistic interpretation of the adverb immediately are analyzed, which is used in the Administrative Offences Code of the Russian Federation. The generalization of judicial practice for administrative offences is carried out. Different approaches to judicial decision rendering are revealed. The unified approach to rendering a decision is suggested on the basis of the research.

Keywords: proceedings on administrative offences, considering the cases on administrative offences by the judges, consultation room, rendering of decision on administrative offences.

Производство по делам об административных правонарушениях находится в компетенции широкого круга субъектов административной юрисдикции: судьи, коллегиальные органы, должностные лица органов исполнительной власти. В последнее время наблюдается определенная тенденция внесения изменений в действующее законодательство, определяющая специфические особенности рассмотрения дел судьями. Вместе с тем неурегулированным остается еще достаточно большой перечень вопросов.

Одному из таких проблемных вопросов – вынесению решения по делу – посвящена статья 29.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которая указывает, что постановление по делу об административном правонарушении объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела. Федеральным законом № 413-ФЗ от 6 декабря 2011 г. в указанную статью были внесены изменения, в соответствии с которыми в исключительных случаях, по решению лица (органа), рассматривающего дело об административном правонарушении, составление мотивированного постановления может быть отложено на срок не более чем три дня со дня окончания разбирательства дела, за исключением дел

об административных правонарушениях, указанных в частях 3–5 статьи 29.11 КоАП РФ, при этом резолютивная часть постановления должна быть объявлена немедленно по окончании рассмотрения дела. День изготовления постановления в полном объеме является днем его вынесения [3].

В данном случае законодатель, учитывая большую загруженность судов, предусмотрел, в отличие от ранее действующей редакции, возможность отложения составления мотивированного определения. Вместе с тем неизменным осталась позиция о немедленном после окончания рассмотрения дела объявлении резолютивной части постановления.

Итак, что считается окончанием рассмотрения дела? В статье 29.7 КоАП РФ определяется порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, где детально описываются все действия со стороны лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, с момента объявления, кто рассматривает дело об административном правонарушении до осуществления в случае необходимости других процессуальных действий в соответствии с Кодексом. К иным процессуальным действиям можно отнести, например, проведение экспертизы, изъятие документов, доставление

нарушителя для составления протокола об административном правонарушении и т. п. [1].

Таким образом, немедленно после осуществления процессуальных действий, предусмотренных КоАП РФ, должно быть оглашено постановление по делу об административном правонарушении или его резолютивная часть.

Проведем толкование наречия «немедленно». С точки зрения языкового толкования Панова Л.Г., раскрывая сущность наречия «немедленно» в нарративном и диалогическом режимах, определяет его как – без промедления, тотчас же, сразу [5, с. 222–223].

Исходя из данного понимания наречия «немедленно» постановление по делу об административном правонарушении или его резолютивная часть должны быть объявлены сразу по окончании рассмотрения дела.

Как правило, если дело об административном правонарушении рассматривается во внесудебном порядке, так и происходит. При рассмотрении дела во внесудебном порядке должностное лицо, рассматривающее дело, по окончании его рассмотрения немедленно объявляет участникам процесса о вынесенном им решении. Более сложная ситуация складывается при рассмотрении дела судом.

Однозначного подхода к этому вопросу нет. Так, например, в п. 15 письма от 14 октября 2002 г. № 05–17–1 «Методические рекомендации по отдельным вопросам применения Кодекса РФ об административных правонарушениях» Пермский областной суд разъяснил, что «постановление по делу выносится в совещательной комнате» [2]. Имеющаяся судебная практика данного субъекта подтверждает позицию областного суда, и судьи для вынесения решения по делу удаляются в совещательную комнату.

Вместе с тем в судебной практике имеется и иная позиция по вопросу удаления судьи в совещательную комнату. Так, Междуреченский городской суд Кемеровской области, рассматривая дело по жалобе законного представителя ЗАО «Багомес» Присташ Я.В. на постановление мирового судьи судебного участка № 1 г. Междуреченска Кемеровской области от 22 июня 2010 г. по делу об административном правонарушении, установил, что по завершении рассмотрения дела законный представитель юридического лица обратилась к мировому судье с просьбой выдать копию постановления по делу об административном правонарушении. На это мировым судьей была дана резолюция, что мировой судья удаляется в совещательную комнату, по выходе из которой будет вручена копия постановления.

Из записи секретаря судебного участка № 1 г. Междуреченска, имеющейся на данном заявлении, следует, что 22 июня 2010 г. в 10 час. 36 мин. постановления по делу об административном правонарушении нет. Как следует из указанного решения, мировым судьей были нарушены требования ст. 29.11 КоАП РФ, регламентирующей объявление постановления по делу об административном правонарушении, в соответствии с которыми, постановление по делу об административном правонарушении объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела. При таких обстоятельствах было установлено, что постановление мирового судьи нельзя признать законным и обоснованным [4].

Приведенная судебная практика подтверждает отсутствие единого подхода к толкованию ч. 1 ст. 29.11 КоАП РФ при объявлении постановления по делу об административном правонарушении при рассмотрении дела в суде, что усугубляется отсутствием в КоАП РФ императивных норм, предусматривающих удаление судьи в совещательную комнату.

Обратимся к общепринятому пониманию совещательной комнаты. Вопросы совещательной комнаты посвящены соответствующие статьи УПК РФ и ГПК РФ. Так, ст. 302 УПК РФ закрепляет, что постановление приговора судом в совещательной комнате служит обеспечению его законности и обоснованности.

Несомненно, данные положения относятся к уголовному процессу, вместе с тем они в полном объеме могут быть применены и к административному процессу. Данное обстоятельство подтверждается и тем фактом, что дела об административных правонарушениях, рассматриваемые судами, являются достаточно сложными и, как правило, содержат большой объем материалов. Сложность дел, рассматриваемых судами, подтверждается и ст. 23.1 КоАП РФ, содержащей перечень статей, дела по которым рассматриваются судами.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы обратить внимание, что, несмотря на различный подход к совещательной комнате, в рамках административного процесса более целесообразной является позиция, предоставляющая судье возможность удаления в совещательную комнату. Соблюдение такого подхода к принятию решения призвано служить исключению постороннего влияния на судей при вынесении решения, что является гарантией выполнения конституционного требования независимости судей и подчинения их только закону, имеющей важное значение для принятия судом решений по своему

внутреннему убеждению, на основании материалов дела, которые исследовались в судебном заседании.

Полагаем, что для законодательного разрешения обозначенной проблемы необходимо внести

изменения в ст. 29.11 КоАП РФ, а именно ч. 1.1 «По окончании совершения всех процессуальных действий суд удаляется в совещательную комнату для вынесения решения по делу, о чем объявляется присутствующим в зале судебного заседания».

Примечания

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195–ФЗ (ред. от 15 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

2. Методические рекомендации по отдельным вопросам применения Кодекса РФ об административных правонарушениях : письмо Пермского областного суда от 14 октября 2002 г. № 05–17–1. – http://perm.news-city.info/docs/sistemsh/dok_oeuvxz.htm

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» : федер. закон от 6 декабря 2011 г. № 413–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 735.

4. Определение Междуреченского городского суда Кемеровской области от 23 января 2010 г. – <http://rospravosudie.com/act-opredelenie-v-otnoshenii-zao-niva-po-ch-1-st-19-5-koap-rf-mamedova-l-a-zantarin-roman-aleksandrovich-23-01-2012-19-5-ch-1-s>

5. Панова Л. Г. Наречия группы «сразу ... немедленно ... сию секунду» в нормативном и диалогическом режимах // Труды Межд. семинара «Диалог–2000». Т. 1 : Теоретические проблемы ; под ред. А.С. Нариньяни. – Протвино, 2000. – С. 222–223.

МАЙОРОВА Елена Николаевна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук.
E-mail: major.a@mail.ru

MAYOROVA Elena Nikolaevna, Assistant Professor, State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: major.a@mail.ru

УДК 342.951+351.77

О.И. Чех
O.I. Chekh

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье проведен системный анализ факторов административно-правового регулирования отношений в сфере здравоохранения. Раскрыты существующие подходы к классификации факторов, выявлены их особенности. Предложена система мер по их решению.

Ключевые слова: здравоохранение, факторы, административно-правовое регулирование, влияние, правоотношения в сфере здравоохранения, медицинская деятельность.

FACTORS AFFECTING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF PUBLIC HEALTH

The article presents system analysis of the factors of administrative and legal relations regulation in the field of public health. The existing approaches to the classification of these factors are considered, their peculiarities are singled out.

Keywords: public health, factors, administrative and legal regulation, influence, legal relations in the sphere of public health, medical activity.

В условиях модернизации системы национального здравоохранения актуализируется проблема поиска и научного обоснования концептуальных механизмов административно-правового регулирования в данной сфере.

Решение обозначенного вопроса не представляется возможным без выявления и системного анализа основополагающих факторов, влияющих на эффективность административно-правового регулирования в системе здравоохранения Российской Федерации.

Основными причинами изучения данного вопроса являются: во-первых, неоднозначность толкования и применения правовых норм, обеспечивающих административно-правовое регулирование отношений в сфере здравоохранения; во-вторых, недостаточная разработка методологических подходов к исследованию проблем правового обеспечения медицинской деятельности и ее законодательной регламентации; в-третьих, необходимость системного анализа административно-правового статуса органов, осуществляющих государственное управление здравоохранением и учреждениями здравоохранения.

Выявление и анализ факторов, влияющих на административно-правовое регулирование отношений в системе здравоохранения и административно-правового статуса медицинских учреждений, должны способствовать разработке и реализации инновационных механизмов дальнейшего развития системы здравоохранения.

Категориально-понятийный аппарат рассматриваемой проблемы включает четыре базовых

понятия: фактор, правовое регулирование, административно-правовое регулирование, административно-правовые отношения.

Под фактором в самом общем смысле понимают «движущую силу какого-либо процесса, определяющую его характер или отдельные его черты» [2].

Правовое регулирование представляет собой «процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание» [5, с. 258].

Отличительной особенностью правового регулирования как отдельного вида социального регулирования является его воздействие на поведение людей и общественные отношения, осуществляемое исключительно при помощи специальных правовых средств и методов.

Под основными факторами, влияющими на правовое регулирование, мы понимаем такие жизненные обстоятельства, события, условия, меры, процессы, оказывающие какое-либо влияние на жизнь общества и граждан и содействующие или препятствующие общественным отношениям.

В литературе под административно-правовым регулированием понимается «совокупность элементов и правовых средств, взаимосвязанных, взаимозависимых и образующих информационное единство в целях упорядочивающего воздействия и устойчивого развития общественных отношений в сфере исполнительной деятельности,

государственного управления и иных управленческих отношений в государстве и обществе» [1].

Административно-правовые отношения представляют собой «регулируемые и гарантируемые нормами административного права управленческие общественные отношения сторон (их права, обязанности, методы, формы, предписания, дозволения, запреты, ответственность и т. п.), складывающиеся в сфере исполнительной власти, государственного управления, и отношения управленческого характера, возникающие при осуществлении функций управления иных форм государственной власти, а также отношения, которые возникают в сфере негосударственного управления в связи с осуществлением последними функций государственного управления» [3].

Изучению вопросов административно-правового регулирования отношений в системе здравоохранения посвящены научные исследования и методические труды ученых: А.С. Пиголкина, Ю.А. Тихомирова, А. Нашиц, В.С. Афанасьева и других.

Системный анализ существующих классификаций факторов, влияющих на формирование правового регулирования, позволяет сделать существенный вывод о том, что их сочетание и особенности определяют эффективность самого процесса правового регулирования.

Так, А.С. Пиголкин считает, что основными факторами, влияющими на правовое регулирование, являются: экономические, политические, социальные, национальные, внешнеполитические, идеологические, организационно-волевые. При этом к политическим факторам он относит «политическую обстановку в стране, характер взаимодействия различных слоев общества и групп населения, уровень активности политических партий, движений и общественных объединений»; к социальным факторам – «степень заботы общества и государства о личности, ее интересах и потребностях, об охране и обеспечении ее прав и свобод» [8, с. 309–310].

По мнению Ю.А. Тихомирова, факторы можно разделить на две группы по характеру влияния: «факторы, находящиеся вне правовой системы, и факторы, находящиеся внутри правовой системы» [9, с. 400–401]. В зависимости от времени действия Ю.А. Тихомиров подразделяет факторы, влияющие на правовое регулирование, на постоянные и временные.

А. Нашиц делит все факторы, влияющие на правовое регулирование, на три большие группы: факторы естественной среды, факторы социально-экономической среды и человеческий фактор [6, с. 36–56].

При анализе факторов, влияющих на правовое регулирование, следует исходить из того, что правовое регулирование вызвано какой-нибудь причиной объективного или субъективного характера. Следовательно, факторы, влияющие на правовое регулирование, могут быть подразделены на объективные и субъективные. Однако дать их полный перечень невозможно. Влияние факторов на правовое регулирование носит динамический характер. Тем не менее, можно выделить прямые факторы – непосредственно влияющие на содержание и ход процесса регулирования, и косвенные – влияющие через другие факторы [4].

В дополнение к приведенным классификациям факторов следует выделить классификацию по виду влияния на позитивные факторы, способствующие улучшению системы права, появлению более качественных законов, иных нормативных правовых актов, посредством которых устраняются ошибки в правовом регулировании; и негативные факторы, препятствующие этому.

Следует особо подчеркнуть, что нормы права не должны и не могут регулировать все общественные отношения и все социальные связи людей. В связи с этим должна быть достаточно точно определена сама сфера правового регулирования, то есть те связи, которые необходимо урегулировать нормами права применительно к системе здравоохранения.

Следующим немаловажным аспектом изучения сферы правового регулирования в аспекте рассматриваемой проблемы являются сами отношения субъектов системы здравоохранения. Ведущие признаки, характеризующие данный вид отношений, предусматривают учет следующих позиций:

отражение как индивидуальных интересов членов общества, так и общесоциальных;

реализация взаимных интересов их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения другого;

построение отношений на основе согласия выполнять определенные правила, признания обязательности этих правил;

соблюдение правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой.

Таким образом, общественные отношения, обладающие данными признаками, составляют предмет правового регулирования в аспекте рассматриваемой проблемы, поскольку по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и требуют правового регламентирования в системе здравоохранения.

Системный анализ факторов, влияющих на правовое регулирование, показал, что каждому объективному фактору корреспондирует субъективный фактор, и только если объективный и субъективный факторы являются конгруэнтными или согласованными между собой, правовое регулирование будет эффективным и оптимальным.

В связи с этим в условиях преобразований российской действительности важно осмыслить новую роль норм административного права как совершенного инструментария регулирования современных общественных отношений.

Государственное регулирование в системе здравоохранения приобретает сегодня особое значение, так как является необходимым фактором повышения уровня жизни граждан нашего государства.

Именно на фоне проводимого реформирования прослеживаются несовершенство управления системой здравоохранения, проблемы регулирования административно-правовых отношений в системе здравоохранения и проблемы разграничения предметов ведения и полномочий органов здравоохранения. Анализ ситуации, сложившейся в здравоохранении, показал, что ошибки, зародившиеся в системе обеспечения ресурсов, привели к накоплению ошибок и в системе управления здравоохранением, так как, не получая необходимого финансирования и материально-технического обеспечения, органы управления сначала СССР, а потом и России пытались удержать прежний курс и не могли своевременно вносить в него необходимые изменения. Потому преобразования в сфере здравоохранения необходимо начать именно с области его управления, а именно административно-правового регулирования.

В решении данного вопроса особое значение приобретает анализ юридических факторов, которые являются основаниями для возникновения, изменения или прекращения административно-правовых отношений между ведущими субъектами управляющей и управляемой подсистем здравоохранения.

Необходимо отметить, что данные факторы имеют осознанный, волевой характер, отражая правомерные и неправомерные действия людей [10, с. 475].

Инфраструктура системы здравоохранения предусматривает административно-правовое регулирование медицинскими учреждениями государственной, муниципальной и частной системы здравоохранения соответствующими органами их управления.

В то же время приходится констатировать, что национальная система управления здравоохранением в настоящее время находится в стадии переходного периода, а поиск механизмов, обеспечивающих ее эффективность, – один из приоритетных вопросов государственной политики. Длительный период в стране не были определены приоритетные цели в области здравоохранения, стала разрушаться система профилактической медицины, а важнейшие преобразования в отрасли осуществляются без консультаций со специалистами. Кроме того, в процессе реализации реформы здравоохранения обнаружилось недостатки в деятельности Министерства здравоохранения и социального развития РФ, вызванные неэффективным сочетанием функций двух ранее самостоятельных государственных органов управления: Министерства здравоохранения и Министерства труда и социального развития.

В связи с этим эффективному осуществлению реформы системы здравоохранения препятствуют следующие негативные факторы:

малочисленность имеющегося высококвалифицированного персонала, отсутствие материальной заинтересованности к надлежащему выполнению служебных обязанностей;

недостаточность в учреждениях отрасли здравоохранения информации, стимулирующей индивида к планированию или мониторингу его работы;

несовершенство процессов координации деятельности между участниками процесса реформирования;

ограниченное развитие частного сектора здравоохранения, затрудняющее работу Правительства РФ по заключению контрактов на услуги в сфере здравоохранения.

Для преодоления негативного воздействия данных факторов на эффективность дальнейшего развития системы здравоохранения, возможно, следует повысить авторитет медицинской профессии; наладить систему обратной связи между ведущими структурами здравоохранения для самокорректировки системы управления здравоохранением; обеспечить взаимодействие между органами управления, медицинскими учреждениями и населением; принять закон, регулирующий отношения в сфере частной системы здравоохранения.

Одним из существенных факторов, влияющих на социально-экономическую эффективность функционирования и развития национальной системы здравоохранения, является качество предоставляемых медицинских услуг. В результате прогрессирует негативная тенденция:

к снижению доступности качественной медицинской помощи населению;

недостаточному финансированию здравоохранения на фоне низкой эффективности использования ресурсов и несбалансированностью структуры медицинской помощи;

декларативному характеру программы государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи и ее финансированию не в полном объеме;

отсутствию соответствующих условий предоставления доступной медицинской помощи для жителей различных территорий страны, а также сельского и городского населения;

нарушению принципа социальной справедливости, обусловленного существенными различиями в расходах бюджетов и средств обязательного медицинского страхования (ОМС) отдельных регионов и муниципальных образований для одного жителя;

неудовлетворительному состоянию материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений.

Таким образом, приходится констатировать, что отсутствие должного учета объективных и субъективных социально-экономических факторов в аспекте рассматриваемой проблемы не способствует созданию эффективной системы управления, которая бы обеспечивала стабильное и полноценное развитие здравоохранения в России.

В этих условиях решающее значение приобретает совершенствование административно-правового регулирования организации и деятельности всей системы здравоохранения в России, так как существующий механизм, организационные структуры, формы управления и действующее законодательство в значительной степени устарели и не отвечают новым общественно-политическим и социальным реалиям.

Сегодня не в полной мере разработаны вопросы правовой регламентации оказания

медицинской помощи, правового статуса субъектов отношений в сфере здравоохранения.

Таким образом, нормативно-правовая база здравоохранения требует дальнейшего совершенствования, так как соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие обеспечение охраны здоровья населения, не в полной мере отражают механизмы взаимодействия субъектов управляющей и управляемым подсистем в сфере здравоохранения.

Системный анализ имеющегося и доступного научного материала по проблеме факторного анализа административно-правового регулирования отношений субъектов в сфере здравоохранения позволил сделать ряд итоговых выводов, а именно:

факторный анализ направлен на изучение, оценку и использование в деятельности государственных, региональных, местных структурах здравоохранения, информации о состоянии управленческой, социально-экономической, финансовой, кадровой деятельности, необходимой для адекватной оценки текущего состояния процесса предоставления медицинских услуг населению и принятия мер по дальнейшему совершенствованию данного процесса;

выявленные факторы способствуют определению состояния законности нормативно-правового регулирования общественных отношений в системе здравоохранения, а также правомерности или противоправности поведения органов управления здравоохранением применительно к предоставляемому населению спектру медицинских услуг;

каждый отдельный фактор отражает содержание и особенности административно-правового регулирования с точки зрения социально-экономического, юридического, психологического аспектов взаимодействия управляющей и управляемой подсистем в сфере здравоохранения.

Примечания

1. Административное право. Общая часть : учеб. / под ред. В. А. Юсупова, В. Д. Симухина. – М., 2003
2. Афанасьев В. С. Проблемы укрепления законности и правопорядка // Общая теория государства и права ; под ред. В. В. Лазарева. – М., 1996.
3. Бельский К. С., Козлов Ю. М., Колибаба Н., Овсянко Д. М. и др. Административное право : учеб. – М., 2005.
4. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2013.
5. Корельский В. М., Первалов В. Д. Теория государства и права : учеб. М., 1997.
6. Нашиц А. Правотворчество и законодательная техника. – М., 1974.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

8. Пиголкин А. С. Правотворчество: проблемы теории государства и права ; ред. В. С. Нерсесянц. – М., 2000.
9. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. – М., 2003.
10. Тихомиров Ю. А. Правотворчество // Общая теория государства и права : акад. курс. В 3 т. Т. 2: Право. – М., 2007.

ЧЕХ Ольга Ивановна, преподаватель кафедры правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), филиал в г. Озерске. E-mail: chexolia@mail.ru

ЧЕХН Olga Ivanovna, Lecturer, Legal Disciplines Chair, Ozersk Branch of the South Ural State University (National Research University), E-mail:chexolia@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347.469.1

Д.Ю. Гришмановский, В.В. Баранова
*D.J. Grishmanovski, V.V. Baranova*ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ
В РОССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются основные проблемы развития института медиации как вида досудебного урегулирования конфликтов. Проанализированы основные причины использования примирительных процедур и их отличительные особенности. Сформулированы выводы и рекомендации по использованию медиации в Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация; медиатор; судебный спор; примирительная процедура; досудебное урегулирование конфликта; медиативное соглашение.

PROBLEMS OF MEDIATION DEVELOPMENT IN RUSSIA
AND WAYS TO SOLVE THEM

The article considers the main problems of mediation development as a form of pre-trial conciliation. The main reasons of using the conciliation procedures and their distinctive features are analyzed. Conclusions and recommendations on using mediation in the Russian Federation are given.

Keywords: mediation, mediator, litigation, conciliation, pre-trial conciliation, mediated agreement.

В настоящее время законодательно установлен процесс медиации. На самом деле медиация не является новшеством в России, а в мире она зародилась с момента, как начали появляться конфликты.

Актуальность проблемы заключается в нескольких факторах. Во-первых, медиация как вид досудебного урегулирования конфликтов законодательно закреплена, но как таковая не работает. Во-вторых, данный процесс развивается достаточно медленно из-за отсутствия соответствующих кадров – медиаторов.

Для начала следует разобраться, что же такое медиация в российском законодательстве, ее принципы, особенности, а также проблемы и пути решения.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон) [2] процедурой медиации признается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

В статье 3 Закона закреплены основные принципы процедуры медиации: взаимное волеизъявление сторон, добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

На сайте Высшего Арбитражного Суда существует отдельный раздел, посвященный медиации, в котором дается десять причин,

почему стоит использовать примирительные процедуры.

Эффективно – договоренности, достигнутые сторонами в процессе проведения примирительных процедур, исполняются гораздо чаще, чем судебные решения.

Недорого – использование примирительных процедур не влечет необходимость несения судебных расходов; в случае заключения сторонами мирового соглашения возвращается 50% госпошлины.

Быстро – при желании можно урегулировать спор буквально за несколько часов.

Сохранение деловых связей – в случае примирения деловые отношения сторон не только сохраняются, но и станут еще крепче.

Защита «слабой» стороны, которая не всегда имеет возможность привлечь для защиты своих интересов высококвалифицированных юристов.

Все в руках сторон – используя примирительные процедуры, стороны самостоятельно приходят к устраивающему их результату примирения, в отличие от судебного разбирательства, где решение принимается судом.

Конфиденциально – примирительные процедуры характеризуются отсутствием публичности, что позволяет избежать разглашения конфиденциальной информации.

Ориентация на интересы сторон – использование примирительных процедур позволяет удовлетворить действительные интересы сторон.

Выбор посредника (медиатора) – при использовании некоторых примирительных процедур стороны вправе самостоятельно выбрать лицо, содействующее урегулированию спора, что вызывает доверие сторон к такому лицу и укрепляет авторитет результата примирения.

Комфорт, доверие, сотрудничество – отсутствие необходимых элементов процессуальной формы и судебной атрибутики создает психологический комфорт для участников спора, атмосферу доверия и сотрудничества.

Отличительные черты процедуры медиации в России заключаются в следующих основополагающих моментах, некоторые из которых носят проблемный характер [3].

Медиация является добровольной. Законодательно не закреплены категории дел, по которым должна проводиться обязательная примирительная процедура. И в таком случае основная цель, для которой и вводился данный закон, утрачивается. Скептически настроенные или просто не проинформированные о данной процедуре субъекты по-прежнему обращаются в суд, тем самым нагрузка на судебную систему остается высокой, и вместе с тем снижается продуктивность работы судей. Высший арбитражный суд РФ в свою очередь выступал с предложением по введению обязательности такой процедуры по некоторым категориям споров, однако оно не нашло поддержки у законодателей. Хотя в странах англо-саксонского права, таких как Великобритания и США, подобные эксперименты и принесли успех [4].

Законодательное закрепление обязательности процедуры медиации по некоторым категориям дел не нарушит принцип добровольности. У субъектов сохранится возможность обращения в суд, исчерпав данную процедуру, которая поможет более четко понять свои требования и требования другой стороны и тем самым ускорит судебный процесс.

Медиация, даже носящая обязательный характер, призвана дать гражданам, юридическим лицам и иным субъектам, шанс высвободиться из-под гнета государственного, административного давления и самостоятельно разрешить значимые проблемы, не боясь предвзятости и субъективности лица, облеченного властью на принятие решений. Государство проявило волю, делегировав такое право каждому члену российского общества.

Следовательно, законодательное закрепление обязательной процедуры медиации по некоторым категориям дел разгрузит судебную систему от огромного количества дел, спор по которым мог

бы разрешиться и мирным путем. Судьи смогут более качественно работать с более сложными и серьезными делами.

Следующей отличительной чертой является ограниченность споров, по которым может использоваться медиация. По Закону данная процедура применяется к спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, экономических и иных связанных с предпринимательской деятельностью отношений, при условии, что такие споры не затрагивают и не могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в медиации, и публичные интересы. Так, медиация не применяется к коллективным трудовым спорам, а также публично-правовым спорам. Данное ограничение автоматически исключает жилищные, земельные, административные, публично-правовые и другие виды конфликтов, которые также успешно могли бы разрешиться путем нахождения определенного компромисса.

В данном случае сфера деятельности медиации должна быть расширена, но не должна затрагивать особо сложные категории дел.

В связи с этим возникает другая проблема – кто будет оценивать сложность дела. Решение такого вопроса лежит на поверхности. Если дело уже передано на рассмотрение суда или третейского суда, то сложность оценивает сам судья. Судья в таком случае должен быть законодательно ограничен в возможности направления на обязательную процедуру медиации. Но это не значит, что сами стороны спора не смогут обратиться к медиатору в добровольном порядке по взаимному волеизъявлению. А в иных случаях – сам медиатор может отказаться от рассмотрения спора, направив стороны в суд.

Процедура медиации проводится до начала или во время рассмотрения спора в суде. Если процедура медиации (на основании заключенного соглашения о проведении процедуры медиации) проводится во время рассмотрения спора в суде, то судья по ходатайству сторон может отложить судебное разбирательство на срок, не превышающий шестидесяти дней [1].

Процедура примирения проводится медиатором, привлекаемым сторонами для урегулирования конфликта.

Медиатор не является арбитром, представителем какой-либо стороны спора или посредником между сторонами, не обладает правом принимать решение по спору. Он способствует урегулированию конфликта, помогает сторонам в ходе дискуссии выявить их истинные интересы и потребности, найти решение, удовлетворяющее всех участников. Медиатор не должен демонстрировать слабость позиции одной стороны в

присутствии другой. По сути, он выполняет следующую работу: организует процесс переговоров, выслушивает мнения сторон, рассматривает аргументы, исследует перспективы решений, стараясь привести стороны к компромиссу. Это обычно происходит следующим образом: стороны встречаются с медиатором, излагают свои позиции и мнения по проблеме. Медиатор, предварительно ознакомившись с представленными документами по теме вопроса, уточняет моменты, выясняет, правильно ли расставлены акценты в позициях сторон, рассматривает острые моменты с разных точек зрения, но не высказывает своего решения. Затем, проанализировав полученную информацию, собрав все детали, встречается с каждой стороной отдельно, уточняет, чего именно хочет сторона, помогает ей увидеть пути разрешения спора, затем доносит информацию до другой стороны, проделывая такую же процедуру, сообщая стороне то, на что дала согласие другая. Постепенно стороны двигаются к решению, почти никогда не встречаясь, пока не приходит время подписывать соглашение. Медиативное соглашение является результатом процедуры и является обязывающим для сторон, представляя собой гражданско-правовую сделку.

Медиатор выбирается сторонами на добровольной основе без влияния на решения третьей стороной.

Законодатель выдвигает определенные требования к медиатору, которые дифференцируются по статусу. Непрофессиональным медиатором может быть лицо, достигшее возраста 18 лет, имеющее полную дееспособность, отсутствие судимости и интереса к делу и при этом не являющееся государственным или муниципальным служащим.

Профессиональным медиатором признается лицо, достигшее возраста 25 лет, имеющее высшее образование, прошедшее курсы профессиональной подготовки медиаторов по программе, утвержденной в порядке, установленном Правительством РФ и получившее соответствующее свидетельство профессионального медиатора.

Из данной особенности вытекает явная проблема – отсутствие четких требований к образованию медиаторов, за исключением наличия высшего образования у профессионального медиатора. Цели, которые стоят перед медиатором обязывают быть специалистом в различных областях. Поставленные Законом цели предполагают необходимое глубокое представление о праве, экономике, сформировавшееся правосознание, знание психологических аспектов поведения и психики людей. Порой даже самый высококвалифицированный юрист, не имеющий знаний

психологии человека, не сможет дирижировать спором так, как это предполагается законом. Более того, иногда для разрешения гражданских споров и споров, связанных с предпринимательской деятельностью, нужно глубокое понимание экономических процессов. Вытекает вывод, что профессиональным медиатором должен стать лишь человек, имеющий специальное, комплексное образование.

И здесь уже возникает следующая проблема – где получить такое образование. Можно предложить следующий путь решения – для тех, кто только учится в вузах, следует ввести специальный предмет, посвященный медиации. Такие дисциплины должны преподаваться на соответствующих направлениях: экономика, юриспруденция, психология, управление. А вот для студентов, которые обучаются на других специальностях, но готовых практиковать медиацию, а также для остальных граждан должны проводиться специальные курсы. В настоящее время, такие курсы действуют в нескольких городах, одним из которых является Екатеринбург. Но такие курсы являются краткосрочными и высокими по стоимости.

Законодательство о медиации устанавливает сроки проведения процедуры, которые не должны превышать 60 дней, если спор передан на рассмотрение в суд, и 180 дней, если медиация проводится до обращения в суд.

Итоговым актом, который завершает процедуру, является медиативное соглашение, заключаемое в письменной форме и содержащее согласованные сторонами обязательства. Данное соглашение подлежит исполнению на принципах добровольности и добросовестности сторон. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами после передачи спора на рассмотрение в суд, может быть положено в основу мирового соглашения, утверждение которого влечет прекращение производства по делу.

Здесь законодательно не устанавливается контролирующий орган по исполнению медиативного соглашения. Добровольность и добросовестность сторон – относительные явления, которые не предполагают каких-либо гарантий. Всегда найдутся люди, которые даже такое соглашение будут игнорировать назло своему оппоненту. Следовательно, вновь придется обращаться к медиатору или в суд. А это также отдаляет нас от основной идеи законодательного закрепления медиации – разгрузки судебной системы.

Для решения этой проблемы должны быть контролирующие исполнительные органы, полномочия которых можно возложить на судебных

приставов, создав в их структуре соответствующий отдел, избежав тем самым дополнительной нагрузки на сотрудников данного органа.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в России идет становление процедуры медиации, в которой существует две основные проблемы, которые можно разрешить, применив рассмотренные в статье

предложения. Во-первых, пропаганда данной процедуры и организация ее доступности каждому, в том числе и малообеспеченным слоям населения. Во-вторых, развитие кадрового состава с введением в образовательную программу вузов нового предмета – основы медиации – и специальных курсов в каждом субъекте страны.

★

Примечания

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. Закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред от 10 января 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 30 июля.

3. Основополагающие принципы медиации. – <http://mosmediator.narod.ru> (дата обращения 29 января 2014 г.).

4. Шамликашвили Ц.А. Внедрение медиации в России. – <http://www.mediacia.com> (дата обращения 29 января 2014 г.).

ГРИШМАНОВСКИЙ Денис Юрьевич, преподаватель кафедры правовых дисциплин филиала в г. Озерске, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: grishmanovsky@mail.ru

БАРАНОВА Виктория Владимировна, студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Челябинский филиал.

GRISHMANOVSKI Denis Yurievich, Lecturer of Legal Disciplines Chair, Ozersk Branch of South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: grishmanovsky@mail.ru

BARANOVA Viktoriya Vladimirovna, Student, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch.

УДК 347.921.6

О.В. Овчинникова
O.V. Ovchinnikova

ОЦЕНКА ОСНОВАНИЙ ВОЗМЕЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ

На основе анализа норм арбитражно-процессуального законодательства, материалов судебной практики автор обозначает ряд проблем определения и возмещения судебных расходов, предлагает возможные пути их решения.

Ключевые слова: судебные расходы, распределение судебных издержек, судебное представительство, оплата, подтверждающие документы.

ASSESSING REASONS FOR LEGAL COSTS

The author identifies a number of problems of determination and compensation of legal costs on the basis of the norms analysis of the arbitral procedure law and proceedings of the judicial practice. Possible ways for solving these problems are suggested.

Keywords: legal costs, apportionment of court costs, legal representation, disbursement, supporting documentation.

Возмещение судебных расходов проигравшей стороной является неотъемлемым элементом реализации права на судебную защиту по арбитражным делам. Распределение процессуальных издержек производится по правилам, предусмотренным главой 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ, стабильная судебная практика применения которой до настоящего времени не сложилась.

Тем не менее, в последние годы судами различных инстанций неоднократно принимались решения о возмещении крупных сумм судебных расходов по арбитражным делам. Наиболее известным является постановление Высшего Арбитражного суда РФ от 15 марта 2012 г. по делу иностранной корпорации «Аэлита Софтвэз», в ходе рассмотрения которого указанной компании удалось доказать обоснованность затрат на оплату представителей в суде и проведение компьютерно-технической экспертизы в сумме около 3 млн рублей [9]. Указанная тенденция поддержана судами первой инстанции: 28 мая 2013 г. Арбитражным судом г. Москвы вынесено определение о взыскании с ОАО «Металлсервис» в пользу ОАО «Хлебозавод № 6» расходов на оплату юридических услуг в сумме 25 млн рублей [8].

Широкое распространение подобной практики открывает возможность злоупотребления правом на взыскание судебных расходов путем оформления фиктивных документов о выплате юристам значительных денежных сумм по несложным делам.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 АПК РФ заявление по данному вопросу может быть разрешено при рассмотрении дела по существу, либо

подано в арбитражный суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции. Рассмотрение заявления производится по правилам, предусмотренным статьей 159 АПК РФ. При этом оно должно быть подано в письменной форме, направлено в электронном виде или занесено в протокол судебного заседания, а заявленные в нем требования обоснованы представленными доказательствами [1].

Анализ практики арбитражных судов показывает, что при рассмотрении дел о распределении судебных расходов судьи руководствуются принципом разумности и подтвержденности произведенных затрат, который предполагает представление документов в обоснование заявленных требований.

В своих разъяснениях Высший арбитражный суд РФ не дает четкого перечня доказательств, подтверждающих оплату услуг представителя в арбитражном процессе, отмечая лишь тот факт, что в соответствии со статьей 110 АПК РФ возмещаются только фактически понесенные судебные расходы. Суммы, подлежащие выплате заявителем за оказанные ему юридические услуги во исполнение принятого обязательства в будущем, не взыскиваются [5].

В связи с этим большое значение имеет не только обоснование «разумности» оценки оказанных юридических услуг, но и подтверждение факта выплаты указанных в договоре денежных средств. В ходе исследования и оценки судом представленных доказательств стороны должны занимать активную позицию. Суд может вмешиваться в этот процесс только в случаях злоупотребления правом выигравшей стороной, либо

явного превышения разумных пределов при расчете взыскиваемых сумм заявителем. При этом представителю проигравшей стороны следует не только не допустить взыскания судебных расходов с превышением разумных пределов, но и убедиться в том, что эти расходы действительно понесены.

А.И. Илалутдинов указывает, что истребуемая денежная сумма должна быть соразмерна объему проделанной представителем работы и обычно применяемым ставкам оплаты того или иного вида работ у конкретного юриста, предлагая выстраивать позицию проигравшей стороны путем обращения к критериям разумности судебных расходов, обращая внимание также на действительность и необходимость осуществленных затрат [3].

А.Н. Чашин предлагает методику противодействия взысканию незаконных либо несправедливых судебных расходов, особое внимание уделяя арбитражным делам, по которым юридические услуги оказываются физическим лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя.

Он полагает, что подобные действия образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ. Соответственно, если сторона подает заявление в суд о возмещении ей расходов, являющихся предметом правонарушения (субъект которого – представитель, оказывающий услуги без регистрации), а равно вытекающих из деятельности, связанной с нарушением действующего законодательства, ее требование является злоупотреблением правом и не подлежит удовлетворению [10].

Однако на основании ч. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Соответственно, разовое оказание юридических услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не является нарушением требований законодательства.

В силу ч. 3 ст. 59 АПК РФ представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций в арбитражном суде могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица. Смысловое толкование данной нормы не позволяет прийти к выводу о наличии каких-либо законодательно закрепленных ограничений. С учетом того, что договор оказания юридических услуг по смыслу ст. 432

ГК РФ предполагается возмездным, в арбитражном процессе допустимо участие лица, оказывающего платную юридическую помощь без регистрации.

В подтверждение того, что заявленные к возмещению расходы фактически понесены, сторона представляет в материалы дела соответствующие документы: договор на оказание услуг, акт приема-передачи оказанных услуг и другие документы, конкретизирующие предмет договора или отображающие затраченное представителем время на оказание услуг. На момент обращения в суд с заявлением о взыскании судебных расходов сторона, требующая их возмещения, должна представить платежные или иные документы, безусловно подтверждающие, что услуги представителю оплачены [2].

Из изученных судебных актов видно, что принимая меры по предотвращению имущественных потерь доверителя, юристы проигравшей стороны нередко пытаются оспорить законность договора об оказании юридической помощи. Однако, в соответствии со сложившейся судебной практикой, суды взыскивают судебные расходы за фактически оказанные услуги в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, не оценивая при этом юридическую силу договора между представителем и доверителем.

Так, Арбитражным судом Челябинской области 20 сентября 2012 г. по делу № А76-7291/2012 принято решение о взыскании судебных расходов с Министерства строительства, инфраструктуры и дорожного хозяйства Челябинской области в пользу ТСЖ «Росток» за оказание юридических услуг ЗАО «Редакция «Референт». При этом доводы ответчика о том, что оказание услуг в области права противоречит целям и задачам ЗАО «Редакция «Референт» и его уставу, не входит в перечень видов деятельности данной организации, не приняты во внимание. Судом указано, что субъектам гражданского оборота не запрещено заниматься деятельностью, не указанной в их учредительных документах, если эта деятельность не требует наличия специальной правоспособности, например лицензирования. Суд также отметил, что при рассмотрении вопроса о возмещении судебных расходов стороне, в пользу которой принят судебный акт, значение имеет единственное обстоятельство, понесены ли соответствующие расходы [7].

Соответственно, оценивая обоснованность требований, заявленных выигравшей стороной, необходимо определить, имеются ли достаточные доказательства оплаты. Перечень документов, подтверждающих несение расходов, имеет

отличия в зависимости от формы организации, оказывающей юридические услуги. В случае заключения договора представительства с юридическим лицом платежные документы должны быть оформлены в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» и Положения о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации от 12 октября 2011 г. Формальное несоответствие документов указанным требованиям само по себе не может повлечь отказ в удовлетворении требований о взыскании расходов на оплату услуг представителя, однако наличие таких нарушений, как несоответствие реквизитов платежного поручения реквизитам, указанным в договоре, может существенно повлиять на решение суда.

Так, Арбитражным судом г. Москвы 28 мая 2013 г. отказано в удовлетворении заявления ЗАО «Металлсервис» о взыскании с ОАО «Хлебозавод № 6» расходов на оплату услуг представителей в сумме 25 млн рублей, поскольку факт произведенной оплаты не доказан заявителем надлежащими и бесспорными доказательствами.

Обращаясь с заявлением о взыскании судебных расходов, ОАО «Металлсервис» ссылается на состоявшееся между ним и Некоммерческим партнерством «Центр развития металлоторговли» договором на оказание юридических услуг от 07 июня 2010 г. № 02-Ю, акт от 11 февраля 2013 г. об оказанных услугах и платежное поручение № 987 от 11 февраля 2013 г. на сумму 50360000 руб. Между тем в платежном поручении в графе «Назначение платежа», указано, что осуществляется оплата за юридические услуги согласно иному договору – № 1-Ю от 11 января 2011 г.

ОАО «Металлсервис» ссылается на то, что стороны договорились изменить назначение платежа и указать платеж согласно договору № 2-Ю от 07 июня 2010 г. Однако данный довод не принят судом, в связи с тем, что является необоснованным и документально не подтвержденным подлинными доказательствами. В соответствии со справкой от 24 апреля 2013 г., запрошенной судом и представленной ОАО «Газпромбанк», по операциям между ОАО «Металлсервис» и Некоммерческое партнерство «Центр развития металлоторговли» изменение назначения платежа через банк не проводилось.

Решение об отказе во взыскании судебных расходов оставлено в силе судами апелляционной и кассационной инстанций [8].

При наличии договора представительства с физическим лицом суд не может предъявлять к отчетным документам требования, предусмотренные ФЗ «О бухгалтерском учете». В этом случае достаточно расписки, подтверждающей факт оплаты юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем физическому лицу, являющемуся исполнителем по договору оказания юридических услуг. Оплата считается произведенной даже при отсутствии расходно-кассового ордера организации, уплатившей денежные средства.

Необходимыми реквизитами такой расписки следует считать подпись лица, выдавшего расписку, а также сведения о выдаче денежных средств стороной и получение их представителем по определенному и подписанному сторонами договору. Последнее обстоятельство является подтверждением того, что состоялась фактическая передача исполнителю (представителю) денежных средств, что влечет прекращение гражданского обязательства заказчика по уплате сумм вознаграждения (п. 1, 2 ст. 408 ГК РФ) [4].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 21 декабря 2004 г. № 454-О, обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым – на реализацию требования статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Именно поэтому в части 2 статьи 110 АПК РФ речь идет, по существу, об обязанности суда установить баланс между правами лиц, участвующих в деле [6].

С учетом изложенного можно сделать вывод, что проигравшая сторона имеет возможность избежать необоснованного взыскания судебных расходов, осуществляя защиту своих имущественных интересов с учетом предложенных закономерностей. При этом наличие доказательств, подтверждающих факт оказания юридических услуг, получение представителем денежных средств в ином порядке, нежели определяемом правилами оформления бухгалтерских документов не должно освобождать ее от возмещения таких расходов.

Примечания

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95–ФЗ (ред. от 03 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Боглачева Е. В., Жолобова К. А. Взыскание судебных расходов в разумных пределах // Арбитражные споры. – 2012. – № 3. – С. 5–32.
3. Илалутдинов А. И. Возмещение судебных расходов на представителя: позиция проигравшей стороны // Вестник арбитражной практики. – 2012. – № 6. – С. 24–30.
4. Итоговая справка ФАС Уральского округа от 23 октября 2013 г. № 7/ОП-13 по актуальным (проблемным) вопросам главы 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «Судебные расходы». – <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 16 января 2014 г.).
5. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05 декабря 2007 г. № 121 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 21.12.2004 № 454-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда № 18АП-11330/2012 от 04 декабря 2013 г. по делу № А76-7291/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-28024/2013-ГК от 10 сентября 2013 г. по делу № А40-71609/10-82-61. – <http://9aas.arbitr.ru> (дата обращения 18 января 2014 г.).
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 марта 2012 г. № 16067/11 по делу № А40-20664/08-114-78. – <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 12 января 2014 г.).
10. Чашин А. Н. Методика противодействия взысканию незаконных либо несправедливых судебных расходов // Адвокатская практика. – 2012. – № 6. – С. 2–4.

ОВЧИННИКОВА Оксана Витальевна, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук. E-mail: ovchinnikova-ov@yandex.ru

OVCHINNIKOVA Oksana Vitalievna, Lecturer of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: ovchinnikova-ov@yandex.ru

УДК 34.096

О.А. Пучков, Н.С. Солопова
O.A. Puchkov, N.S. Solopova

ПАРАДОКСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена актуальным вопросам правовой регламентации интеллектуальной собственности в Российской Федерации. На основе анализа норм части IV Гражданского кодекса Российской Федерации авторы рассматривают важнейшие проблемные правовые институты, в частности содержание института интеллектуальной собственности; подмена объектов интеллектуальной собственности понятием интеллектуальных прав; критерий нематериальности объектов интеллектуальной собственности и др.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной собственности, содержание права интеллектуальной собственности, объекты нематериальных прав, нематериальность объектов интеллектуальной собственности.

PARADOXES OF INTELLECTUAL PROPERTY REGULATING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with current issues of intellectual property legal regulation in the Russian Federation. On the basis of the norms analysis of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation the authors analyze the most important problem legal institutions and, in particular, the content of the Institute of Intellectual Property; the substitution of the concept of intellectual property by the concept of intellectual rights; a criterion of object intangibility of intellectual property, etc.

Keywords: intellectual property, intellectual property results, content of intellectual property law, objects of intangible rights, object intangibility of intellectual property.

Сфера правового регулирования интеллектуальной собственности в РФ по-прежнему остается одной из самых проблемных, несмотря на введение в действие с января 2008 г. части 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой было предпринято полномасштабное, с точки зрения законодателя, правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности. Двухлетний период реализации положений части 4 ГК РФ выявил ряд важнейших проблем, которые нуждаются в скорейшем решении, так как, оставаясь нерешенными, они разрушат концепцию интеллектуальной собственности как таковой, лежащей в основе части 4 ГК РФ. Как пишут авторы одного из первых постатейных комментариев к четвертой части ГК РФ (под ред. И.А. Близнеца, А.Ю. Ларина): «история создания этой части Гражданского кодекса Российской Федерации достаточно длительна и в определенные периоды – драматична. Не все положения комментируемой части Гражданского кодекса Российской Федерации, с точки зрения авторского коллектива, одинаково удачны, поскольку некоторые из них лишь определяют общие, основополагающие подходы к регулированию тех или иных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Саму же идею кодификации законодательства в этой, несомненно, специфической области, безусловно, следует приветствовать, имея в виду, что наконец-то появился долгожданный комплексный правовой механизм. Тем не менее, уже сегодня очевидно, что для успешной реализации положений части четвертой ГК РФ потребуется дополнительное правовое регулирование, большая нормотворческая работа, в том числе федерального законодателя и правительства, а также соответствующих министерств и ведомств» [1, с. 3]. В основе же этой работы, как нам представляется, лежит четкое определение проблематики в сфере правового регулирования интеллектуальной собственности. Не претендуя на полномасштабный анализ всех этих проблем, остановимся на некоторых, на наш взгляд, самых значительных и интересных.

Нам представляется, что главной проблемой, порождающей весь спектр правовых проблем в сфере интеллектуальной собственности, является проблема ее содержания. В соответствии со ст. 128 ГК РФ (с изменениями в связи с вступлением в силу части 4 ГК РФ) к объектам гражданских прав относятся «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)». В ст. 1225 ГК РФ

термином «интеллектуальная собственность» охватываются результаты интеллектуальной деятельности, то есть то, что можно реально оценить как результат – то есть результат творческого труда, выраженный в какой-то объективной форме, которая чаще всего ассоциируется с материальным носителем. В ст. 1225 ГК РФ в качестве исчерпывающего перечня объектов интеллектуальной собственности указываются такие результаты интеллектуальной деятельности: «1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для электронно-вычислительных машин (программы для ЭВМ); 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщения в эфир или по кабелю радио- или телевизионных передач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изображения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименование мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения». Этот перечень является закрытым, то есть федеральный законодатель сделал вывод, что другие объекты интеллектуальной собственности появиться не могут. Этот вывод является не только ошибочным, но он противоречит общему и открытому подходу к пониманию интеллектуальной собственности, сформулированному во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. Интеллектуальная собственность трактуется в декларации «как совокупность абсолютных прав человека на блага, признаваемые интеллектуальными по характеру, и заслуживающие охраны, включая, но не ограничиваясь, научными и техническими изображениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями» [6, с. 1].

Как видим, перечень объектов является открытым, но появляется другая проблема, связанная с подменой «объекта интеллектуальной собственности» понятием «интеллектуальных прав», что не представляется оправданным в силу принципиальной разницы этих объективных и субъективных правовых категорий. В статье 1226 ГК РФ эта новелла находит свое развитие, то есть подтверждает факт, что в качестве предмета гражданского оборота выступают не сами объекты интеллектуальной собственности, а права на них. «На результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации

(результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, являющиеся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, – также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие)». Не вникая пока в проблематику этих прав, остановимся на вопросе: что такое права, «признаваемые интеллектуальными по характеру», о которых записано во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности? Это, безусловно, ключевой критерий, позволяющий наращивать объекты интеллектуальной собственности, пока не указанные в нормативных актах как национального, так и международного уровня.

Нам представляется весьма убедительной точка зрения Р.А. Мерзликиной, что «результат интеллектуальной деятельности отличается от всех иных объектов гражданского права наличием у них двух признаков: во-первых, *они нематериальные* (курсив наш – Авт.); во-вторых, носят творческий характер. Сочетание этих двух признаков и делает их отличными от всех остальных объектов гражданского права» [2, с. 92]. Таким образом, характер чего-либо должен рассматриваться как своеобразный отпечаток, признак, отличительная черта. Начнем с первой отличительной черты – нематериальности. Определение ее отсутствует в Советском энциклопедическом словаре (М., 1979), в философском энциклопедическом словаре (М., 1985), в словаре русского языка (сост. С.И. Ожегов. М., 1953), в юридической энциклопедии (Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. М., 2007) и т. д. Определение нематериальности отсутствует и в части 4 ГК РФ. Отсюда следует вывод, что само определение содержания интеллектуальной собственности неполноценно, поверхностно, а значит, не способно отражать всю полноту объектов интеллектуальной собственности. Традиционно в российском правоведении понятие нематериальности сводится к чисто практическому применению без вкладывания в него абсолютно однозначного теоретического смысла. Так, авторы «Юридической энциклопедии» Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров в статье «нематериальные блага» просто перечисляют их, не давая им определение: это «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места проживания и места жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права» [4, с. 542].

Таким образом, нематериальность отождествляется с явлением, противоположным имущественному праву. Признать факт, что интеллектуальная собственность может иметь особое состояние, не связанное с имущественным правом, – значит разрушить стройную концепцию интеллектуальной собственности, вполне сопоставимую с правом собственности на вещь, заложенную в ч. 4 ГК РФ. Но эта стройная концепция то и дело дает сбой, что не позволяет адекватно применять ее на практике. Обратимся к примеру, связанному с объектами авторского права, которые наряду с объектами патентного права, а также с объектами смежных с авторскими и патентными правами, входят в общий круг объектов интеллектуальной собственности. В мировой практике правового регулирования сферы интеллектуальной собственности, так же, как и в действовавшем до 1 января 2008 г. Федеральном законе «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. № 535 укоренился четкий перечень этих объектов по критерию сферы их возникновения – произведения науки, литературы и искусства. Такой подход не отрицается и в части 4 ГК РФ, но, тем не менее, вызывает недоумение ч. 1 ст. 1255 ГК РФ, которая, определив, что объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения, абсолютно абстрагируется от перечисления произведений науки. Перечисление объектов начинается с литературных произведений и заканчивается программами для ЭВМ: «литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов; фотографические произведения и произведения, созданные способами, аналогичными фотографии; географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам; другие произведения. К объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются, как литературные произведения».

Безусловно, что карты, планы, эскизы и пластические произведения не представляют собой содержания произведения науки. Более того, в п. 5 ч. 2 ст. 1259 ГК РФ содержится положение, что авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования. Иными словами, к объектам авторского права, как, впрочем, и вообще к объектам интеллектуальной собственности, федеральный законодатель не относит их фундаментальный признак – нематериальность, так как те объекты, которые перечислены в ч.1 ст. 1255 ГК РФ, вполне материальны, поскольку всегда ассоциируются с конкретной объективной формой выражения.

Возникает также вполне закономерный вопрос: как произведение науки может быть создано без идей, концепций, принципов, методов, фактов и т. д., которые, по нашему мнению, составляют концепт произведения науки. Известно, что на каждом этапе своего развития научное познание, лежащее в основе произведения науки, «использует определенную совокупность познавательных форм – фундаментальных категорий и понятий, методов, принципов и схем объяснения, то есть всего того, что объединяют понятием стиля мышления» [5, с. 404]. Также ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что произведение науки может носить теоретический или прикладной характер. А в последнем случае важнейшими элементами такого произведения будут являться факты, получаемые с помощью наблюдений и экспериментов и констатирующие качественные и количественные характеристики явлений и объектов.

Таким образом, следует отметить «уход» законодателя от анализа содержания интеллектуальной собственности как нематериального явления, его ничем необоснованное стремление обязательно «привязать» объект интеллектуальной собственности к материальному носителю. Но «нематериальность» как имманентное свойство интеллектуальной собственности все равно прокладывает себе дорогу «через тернии» материального мира, постоянно доказывая свой приоритет. Так, в ч. 1 ст. 1227 ГК РФ устанавливается, что интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; а в ч. 2 ст. 1227 ГК РФ разграничивается правовой режим интеллектуальных прав и вещных прав, так как устанавливается,

что переход права собственности на вещь не влечет перехода или предоставления интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, выраженной в этой вещи, за исключением случая, предусмотренного п. 2 ст. 1291 ГК РФ (при отчуждении оригинала произведения его собственником, обладающим исключительным правом на произведение, но не являющимся автором произведения, исключительное право на произведение переходит к приобретателю оригинала произведения, если договором не предусмотрено иное).

«Таким образом, – делают вывод авторы постановки комментария к четвертой части ГК РФ, – «переход права собственности на материальный носитель любого вида не влечет переход интеллектуальных прав на объекты, выраженные в этом материальном носителе» (курсив наш. – Авт.). То есть непостижимым, можно сказать, мистическим, образом, объект интеллектуальной собственности отрывается от своего материального носителя и обретает самостоятельное значение (можно даже сказать – приоритетное). Что же следует подразумевать под этим объектом? На наш взгляд, это образы, идеи, гипотезы и т. д., то есть то, что находится первоначально в сознании автора, в его специфическом мироощущении, что впоследствии может обрести объективную форму существования (образ может быть воплощен средствами живописи, ваяния, литературы). И форма эта уникальна, неповторима, оригинальна, как уникальны, неповторимы, оригинальны сознание автора и его мироощущение. В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением Р.Ш. Рахматуллиной, полагающей, что «оригинальное произведение по своим характерным чертам и по своей форме определяет индивидуальность автора» [6, с. 130]. Нам представляется, что все в действительности происходит наоборот.

Своеобразное пограничное состояние объектов интеллектуальной собственности (в частности, объектов авторского права), выражающееся в постоянном взаимодействии нематериального и материального их концептов, наиболее зримо проявляется в системе «иных прав», предусмотренных в части 4 ГК РФ. Иные права возникли в силу принципа двойственного характера авторского права, зафиксированного в ст. 1226, 1228, 1255, 1263, 1265-1270 и 1294 ГК РФ. Право на отзыв произведения (ст. 1269 ГК РФ), право доступа к произведениями изобразительного искусства, архитектуры (ст. 1292 ГК РФ), право авторов произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства

на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства и право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализации соответствующего проекта (ст. 1294 ГК РФ), право следования (ст. 1293 ГК РФ) – все они носят двойственный характер (одновременно имущественный и нематериальный). В связи с этим нельзя согласиться с мнением Е.А. Моргуновой, полагающей, что среди «иных прав есть «чисто» имущественные и «чисто» неимущественные. При этом последние автор личными тоже не называет, так как содержание их другое, связанное, на наш взгляд, с первичным признаком объектов интеллектуальной собственности – их нематериальностью. Так, автор полагает, что «право на вознаграждение, право следования законодатель называет иными правами, эти права по своему содержанию являются имущественными» [3, с. 16]. Пограничное состояние объекта авторского права выражается в том, что использование произведений основано на принципах, которые существенно отличаются от принципов пользования вещью. «Под собственностью в классическом смысле слова понимается распорядительная власть над конкретной вещью. Владеть какой-либо вещью не значит иметь возможность запрещать любому другому лицу владеть такой же вещью. Классическая собственность, таким образом, представляет собой не слишком большое ограничение свободы других людей. Напротив, потребление объектов нематериальной собственности, не допускает соперничества [6, с. 27]. Право следования (ст. 1293 ГК РФ) устанавливает, что в случае отчуждения автором оригинала произведения изобразительного искусства при каждой публичной продаже соответствующего оригинала, в которой в качестве продавца, покупателя или посредника участвует галерея изобразительных искусств, художественный салон, магазин или иная подобная организация, автор имеет право на получение от продавца вознаграждения в виде процентных отчислений от цены перепродажи (право следования). Право следования в соответствии с ч. 2 ст. 1293 ГК РФ распространяется на литературные и музыкальные произведения в отношении автографов (авторских рукописей) таких произведений. Тот факт, что право следования, как и другие иные права, имеет двойственный характер, подтверждается частью 3 данной статьи, в которой, по сути дела, разграничиваются понятия «оригинал произведения» и «результат интеллектуальной деятельности». Они явно не совпадают ни по объему, ни по содержанию. Результат интеллектуальной деятельности всегда

двойственен с явным приоритетом нематериального концепта, а оригинал произведения, напротив, актуализирует материальный концепт объектов интеллектуальной собственности. Как справедливо отмечают авторы постатейного комментария к четвертой части ГК РФ (под ред. И.А. Близнеца, А.Ю. Ларина), «как следует из последнего пункта рассматриваемой статьи, право следования действует в течение срока действия исключительных прав на произведения, *не может отчуждаться* (курсив наш – Авт.) и переходит только к наследникам автора. Положения о невозможности отчуждения права следования призваны оградить автора и его наследников от попытки «выкупить» данное право одновременно с приобретением оригинала произведения» [1, с. 214]. Мы поддерживаем точку зрения Р.А. Мерзликониной, полагающей, что «во многих случаях объекты интеллектуальной собственности, будучи нематериальными объектами, «соединяются с материальными объектами, воплощаются в них. При этом *объект интеллектуальной собственности не пропадает, не сливается с материальным*

объектом: оба объекта существуют по отдельности (курсив наш. – Авт.) [2, с. 92]. В связи с этим нормы права интеллектуальной собственности должны учитываться как общие нормы гражданского права: о праве собственности, договорах, относящихся к вещам, – так и специфические нормы права интеллектуальной собственности, регулирующие специфические состояния объектов интеллектуальной собственности, когда они воплощаются на нематериальном носителе, но при этом все равно не поглощаются им, как это происходит, к примеру, при реализации иных прав.

Таким образом, можно констатировать то, что важнейший критерий интеллектуальной собственности – нематериальность – не получил должной оценки, определения и фиксации в нормах ГК РФ, породив тем самым, множество других проблем, связанных не только с материальным носителем объекта интеллектуальной собственности, но и с объективной формой его существования, которые зачастую неоправданно отождествляются, а также с правовым статусом идеи.

Примечания

1. Добрынин О. В, Косунова Д. Д., Ларин А. Ю., Леонтьев К. Б. и др. Комментарий к четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации ; под ред. И. А. Близнеца, А. Ю. Ларина // Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности. – М. : Книжный мир, 2008.
2. Мерзликониной Р. А. Концепция развития права интеллектуальной собственности в системе гражданского права России // Государство и право. – 2007. – № 3.
3. Моргунова Е. А. Авторское право : учеб пособие ; отв. ред. В. П. Мозолин. – М. : Норма, 2008. – С. 16.
4. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия ; под ред. М. Ю. Тихомирова. 5-е изд., изм. и доп. – М., 2007. – С. 542.
5. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983.
6. Цит. по: Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) : учеб. пособие / под общ. ред. Н. М. Коршунова. – М. : Норма, 2008.

ПУЧКОВ Олег Александрович профессор кафедры правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Озерске, доктор юридических наук. E-mail: Poa@ ru66.ru
СОЛОПОВА Надежда Саввична, профессор кафедры социальных наук, Уральская государственная архитектурно-художественной академия, кандидат юридических наук.

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich, Professor of Legal Disciplines Chair, Ozersk Branch, South Ural State University (National Research University), Doctor of Law. E-mail: Poa@ ru66.ru

SOLOPOVA Nadezhda Savvichna, Professor of Social Sciences Chair, Ural State Academy of Architecture and Art, Candidate of Law.

УДК 347.95

Е.Я. Савченко
E.Y. Savchenko

ЭКСТРЕМИЗМ И ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье освещаются понятия экстремизма и экстремистской деятельности, раскрываются основание и условия гражданско-правовой ответственности за действия экстремистского характера.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, гражданско-правовая ответственность, противоправное поведение, вина, имущественный вред, моральный вред.

EXTREMISM AND QUESTIONS OF CIVIL LIABILITY

This article highlights the concept of extremism and extremist activity, reveals the basis and conditions of civil liability for the actions of an extremist nature.

Keywords: extremism, extremist activity, civil liability, wrongful conduct, guilt, property damage, moral damage.

Понятие экстремистской деятельности в российском законодательстве является неоднозначным и допускает весьма широкое толкование, несмотря на неоднократные указания на этот счет Комитета по правам человека ООН.

Впервые понятие «экстремизм» в российском праве в качестве юридического термина возникло в связи с подписанием и ратификацией Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Согласно данной Конвенции экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [6].

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») экстремистская деятельность (экстремизм) определялась более полно и включает в себя широкий круг действий, которые условно можно разделить на несколько направлений:

насилие: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; применение насилия в отношении представителя государственной власти либо угроза применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля;

подрыв безопасности РФ;
захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований;

осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма; воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, должностных лиц;

нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и другие направления [3].

Экстремизм является криминогенным фактором. Некоторые проявления экстремизма прямо указаны в УК РФ (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 и др.) [5].

За осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, лицу, участвовавшему в осуществлении экстремистской деятельности, по решению суда может

быть ограничен доступ к государственной и муниципальной службе, военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных учреждениях и занятию частной детективной и охранной деятельностью.

Усиление борьбы с экстремизмом касается не только очевидных уголовно наказуемых действий – терроризма, захвата или присвоения властных полномочий; созданиям незаконных вооруженных формирований; осуществления массовых беспорядков, хулиганства и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, указанных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Сегодняшняя борьба с экстремизмом затрагивает гораздо более тонкие сферы, которые не могут трактоваться столь однозначно: подрыв безопасности Российской Федерации; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения [4, с. 43].

Грань применения или неприменения закона в такой ситуации размыта, условна и может оправдываться степенью оценки давления на государство.

Тем не менее, законодатели многих стран, в том числе и России, идут на ужесточение санкций в отношении экстремизма, зачисляя в качестве экстремистских те религиозные, национальные, этнические, политические действия и основания деятельности, которые рассматриваются как угроза для государства или его основ.

Проблемы, связанные с экстремистской деятельностью, затрагивают многие отрасли законодательства Российской Федерации, в том числе и гражданское право. Следует отметить, что в гражданском законодательстве не выделены специальные нормы, которые бы регулировали вопросы, связанные с экстремистской деятельностью. Вместе с тем сегодня невозможно не учитывать данное явление действительности.

Нагляднее всего вопросы, связанные с деятельностью экстремистского характера проявляются в таких правовых институтах данной отрасли права, как «Гражданско-правовая ответственность», «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда», «Защита чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Это вызвано тем, что экстремистской деятельностью может причиняться вред, причем, как имущественный (материальный), так и моральный. Однако для того чтобы привлечь виновное лицо к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный вышеуказанной деятельностью, необходимо наличие основания и совокупности условий.

Основанием гражданско-правовой ответственности является гражданское правонарушение, т. е. в данном случае действия экстремистского характера, причиняющие кому-либо вред.

Совокупность общих условий, наличие которых необходимо для возложения ответственности на нарушителя гражданских прав и обязанностей, которые встречаются при любом гражданском правонарушении, называют составом гражданского правонарушения.

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности необходимо наличие четырех условий одновременно (кроме случаев, предусмотренных законом, когда возможно отсутствие какого-либо условия).

Первое условие: противоправное (неправомерное) поведение нарушителя, в данном случае – совершение действий экстремистского характера (например, изображение свастики на личном автомобиле гражданина; распространение от имени организации листовок с призывами к насилию или национальной розни и т.д.).

Второе условие: наличие вреда (убытков) у потерпевшего лица.

Вред – это всякое умаление личного или имущественного блага.

В зависимости от объекта правонарушения выделяют имущественный (материальный) и моральный вред.

Материальный вред всегда связан с имущественными потерями для потерпевшего (в виде повреждения вещи, утраты заработка и т. д.). Моральный же вред может как повлечь за собой материальные утраты, так и не повлечь таковых (например, распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию лица).

Имущественный вред согласно статье 1082 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее – ГК РФ) может возмещаться в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т. п.). Однако этот способ применить возможно не всегда, поэтому суд в соответствии с обстоятельствами дела вправе применить к лицу, совершившему экстремистские действия, другой способ возмещения причиненного им вреда – возмещение убытков [2].

Понятие убытков дает статья 15 ГК РФ – это расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [1].

Например, если в результате экстремистских действий получило повреждение маршрутное такси, что повлекло простой в работе его собственника в течение трех дней, то реальный ущерб в данном случае составит стоимость ремонта такси, а доходы, не полученные его собственником за весь этот период, являются упущенной выгодой.

Согласно статье 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшему компенсацию сверх возмещения вреда [2]. Думается, что это как раз тот случай. В гражданском праве, как правило, причиненный вред возмещается в пользу потерпевшего лица (кредитора). Однако в случаях, когда правонарушение носит особо злостный характер или представляет повышенную опасность для общества, законом может быть предусмотрено также и взыскание штрафных санкций в доход государства. В данном случае целесообразно было бы предусмотреть отдельным пунктом статьи 1064, либо особой статьей ГК РФ (например, статьей 1064.1) следующее: «Лицо, причинившее вред действиями экстремистского характера, обязано помимо полного возмещения потерпевшему такого вреда, выплатить по решению суда штраф в доход государства в размере 100% от суммы причиненного вреда».

Согласно пункту 3 статьи 1083 ГК РФ суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев,

когда вред причинен действиями, совершенными умышленно. Поскольку совершение экстремистских действий предполагает наличие исключительно умышленных действий, то, следовательно, в данной ситуации суд не вправе уменьшать размер возмещения такого вреда.

Помимо имущественного вреда, действиями экстремистского характера может быть причинен и моральный вред (например, при разжигании национальной розни может пострадать честь или достоинство гражданина). Согласно статьям 151, 1099 ГК РФ под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания лица, причиненные нарушением его личных неимущественных прав либо посягательством на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а в случаях, предусмотренных законом, – и нарушением его имущественных прав.

Компенсация морального вреда не зависит от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Размер компенсации морального вреда определяет сам потерпевший, но окончательный его размер устанавливает суд. При этом суд учитывает следующие факторы: обстоятельства дела, индивидуальные особенности потерпевшего гражданина (то есть характер причиненных ему физических или нравственных страданий); степень вины причинителя вреда (в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда); а также требования разумности и справедливости.

По общему правилу моральный вред взыскивается только при наличии вины причинителя вреда. Однако согласно статье 1100 ГК РФ моральный вред может взыскиваться и независимо от его вины. Вышеуказанная статья называет три таких случая, однако в ней установлено, что вина причинителя может не учитываться и в иных случаях, предусмотренных законом. Полагаем, что статью 1100 ГК РФ следует дополнить еще одним случаем и сформулировать следующим образом: «Вина причинителя не учитывается, если вред причинен действиями экстремистского характера».

Следует также отметить, что моральный вред в Российской Федерации взыскивается только в денежной форме.

Третье условие гражданско-правовой ответственности: причинная связь между противоправным поведением нарушителя и наступившим вредом.

Причинная связь – это такая связь между явлениями, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его.

Четвертое условие: наличие вины правонарушителя.

Вина – психическое отношение нарушителя к своему противоправному деянию и наступившим последствиям. В гражданском праве выделяют две формы вины: умысел и неосторожность. Причем, умысел не подразделяется на прямой и косвенный, как в уголовном праве. Неосторожность же делится на простую и грубую, причем является ли неосторожность грубой, определяет только суд с учетом обстоятельств дела.

По общему правилу форма вины в гражданском праве не имеет значения, кроме случаев, предусмотренных законом.

Следует учесть, что экстремистские действия не могут осуществляться лицом по неосторожности, либо вообще без вины. В любом случае здесь всегда присутствует одна форма вины – умысел. В связи с этим и ответственность виновного лица должна быть только в полном, либо повышенном размере (как уже было указано ранее); и здесь не может быть смягчающих обстоятельств (особенно если вред причинен жизни или здоровью гражданина).

Следует обратить внимание еще на один аспект гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный экстремистскими действиями нескольких лиц.

В гражданском праве в зависимости от субъекта выделяют индивидуальную и совместную ответственность. Совместная ответственность – это ответственность, при которой вред причинен деянием двух или нескольких лиц. Различают следующие разновидности совместной ответственности:

а) долевая ответственность – означает, что каждый из должников несет ответственность в определенной доле, установленной законом или договором, причем если доли сторон не установлены ни законом, ни договором, то каждый из должников несет ответственность в равной с другими доле. Правило о долевой ответственности применяются, когда иной вид ответственности для нескольких субъектов не предусмотрен законом или договором (статьи 321, 1047 ГК РФ);

б) субсидиарная (дополнительная) – это такая ответственность, при которой в недостающей части за основного должника отвечает другое лицо (например, ответственность поручителей по кредитному договору; ответственность законных представителей за несовершеннолетних детей от 14 до 18 лет). Такая ответственность применяется в строго установленных законом случаях (статья 399 ГК РФ);

в) солидарная (статьи 322-326, 1080 ГК РФ) – самый строгий вид ответственности. Сущность

ее в том, что кредитор (потерпевший) вправе требовать возмещения вреда или исполнения другого обязательства, как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, причем, как полностью, так и в части долга. В свою очередь остальные должники будут нести ответственность перед лицом, возместившим вред, но уже в равных долях. При этом лицо, исполнившее обязательство за другое лицо взыскивает свои убытки путем подачи регрессного иска в суд.

Согласно статье 323 ГК РФ солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью.

Согласно статье 322 ГК РФ солидарная ответственность возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом. На наш взгляд, целесообразно закрепить в законодательном порядке положение, согласно которому за вред, причиненный действиями экстремистского характера нескольких лиц, следует применять солидарную ответственность.

Необходимо также отметить еще один аспект гражданско-правовой ответственности за действия экстремистского характера. В частности, согласно статье 9 ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» в Российской Федерации запрещается создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. При осуществлении такой деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, вышеуказанные объединения, организации могут быть ликвидированы, а если они не являются юридическими лицами, то их деятельность может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора. Более того, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Согласно статье 10 вышеуказанного Закона до принятия решения суда в отношении таких организаций (объединений) их деятельность может быть приостановлена.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 29 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газета. – 2002. – 30 июля.
4. Савченко Е. Я. Экстремизм и вопросы гражданско-правовой ответственности // Юридическая теория и практика. – 2011. – № 1. – С. 42-45.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – № 25. – Ст. 2954.
6. Шанхайская конвенция в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Шанхайская организация сотрудничества: правовые вопросы сотрудничества в сфере безопасности : обзорные материалы. – Екатеринбург, 2007.

САВЧЕНКО Елена Яковлевна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ). E-mail: pspo.gigpd@mail.ru

SAVCHENKO Elena Yakovlevna, Assistant Professor of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University). E-mail: pspo.gigpd@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.4

Н.Н. Балагурова
*N.N. Balagurova***УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются и анализируются такие категории, как «благополучие», «качество жизни», которые непосредственно связаны с эффективностью социально-экономической политики государства, являющейся одним из приоритетов обеспечения национальной безопасности России и повышения ее международного престижа.

Ключевые слова: конкурентоспособность, социальная политика, национальная безопасность, благополучие, качество жизни.

**CITIZENS' LIFE QUALITY IMPROVING AS ONE OF THE CONDITIONS
TO ENSURE NATIONAL SECURITY AND COMPETITIVE RECOVERY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article discusses and analyzes such categories as «well-being», «life quality», which are directly related to the effectiveness of state socio-economic policy, that is one of the priorities of Russia's national security and enhances its international prestige.

Keywords: competitiveness, social policy, national security, well-being, quality of life.

Традиционно термин «конкурентоспособность» служил для характеристики экономической сферы жизнедеятельности – соперничества предприятий, компаний, отраслей, экономик. Однако в наши дни он используется и в более широком контексте – как соперничество государств.

Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе [5]. В настоящее время основным средством обобщенной оценки конкурентоспособности стран является Индекс глобальной конкурентоспособности, состоящий из 113 переменных, которые объединены в 12 контрольных показателей, определяющих национальную конкурентоспособность (качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал) [3]. Страны с высокими показателями национальной конкурентоспособности, как правило, обеспечивают более высокий уровень благополучия своих граждан [6].

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «благополучие» определяется как наличие таких условий, при которых человек с успехом может стремиться к достижению великого для себя блага – всестороннего развития. Оно является понятием как социальным, т.к. эти условия составляют общественный интерес и постепенно вырастают и развиваются от трудов и забот общества, так и понятием политическим, потому, во-первых, что эти заботы общества могут достигать цели только при содействии государства, и, во-вторых, потому, что и государство как политический союз заинтересовано в том, чтобы эти условия росли и развивались [14]. Следовательно, говорить о благополучии населения можно лишь при признании данного государства социальным. Основными социальными целями развития нашего общества являются высокий уровень жизни в стране, жизни безопасной, свободной и комфортной; значимый рост благополучия граждан. Достижение этих целей неизбежно предполагает принятие решения о возможности ограничения или расширения функций государства по достижению достойного уровня жизни народа. Ведь именно государству принадлежит главенство в решении многочисленных социальных проблем [12, с. 82]. Для гармонизации отношений в обществе государство должно обеспечивать равные

условия и возможности для самореализации каждого члена общества. Нарушение или преимущественная защита интересов какой-либо социальной группы может привести к дестабилизации и социальному конфликту. Потребности граждан являются многообразными и зависят не только от субъективного состояния их свободы, воли и разума, но и тех объективных условий, в которых развивается определенное общество, государство. Не менее многообразны и способы удовлетворения таких потребностей. Социальная политика государства должна отражать социальную динамику государственной власти, ее соответствие той роли, для которой ее и формирует народ.

Содержание социальной политики складывается из следующих категорий: уровень жизни, образ жизни, качество жизни. Под уровнем жизни понимается обеспеченность населения необходимыми благами и степень удовлетворения индивидуальных потребностей человека в них. Образ жизни выражает установившуюся структуру ценностных ориентаций. Это своего рода этическая сторона в достигнутом уровне благосостояния, когда доступны все удовольствия, но человек выбирает только то, что считает нравственным, приличным и т. д. Качество жизни выражает меру индивидуальной доступности того, чем располагает общество (здоровье и здравоохранение, образование, отдых и т. д.). Другими словами, речь идет об условиях жизнедеятельности, а также о том, насколько достигнутые обществом условия жизни могут способствовать существованию «Я», реализации его совокупного творческого потенциала и сохранению аналогичных возможностей для последующих поколений [11, с. 406]. Как представляется, категория «качества жизни» является весьма сложной и многоплановой, «...это интегрированное понятие, включающее в себя множество разнородных и часто неподдающихся количественной оценке факторов» [10, с. 11].

Так, С.А. Баженов и Н.С. Маликов качество жизни определяют как социальное самочувствие населения, формируемое соответствием условий жизнедеятельности индивидуума его потребностям, интересами ценностям [1, с. 13].

Б.М. Генкин считает, что «качество жизни характеризуется степенью удовлетворения потребностей человека, определяемого по отношению к соответствующим нормам, обычаям и традициям, а также по отношению к уровню личных притязаний» [4, с. 34].

По мнению Л.А. Беляевой, качество жизни – это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в

объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе [2, с. 34].

Следует согласиться, что это понятие охватывает совокупность всех форм человеческой деятельности и олицетворяет собой синтез материальных и духовно-творческих сторон жизни, уровень реализации внутреннего потенциала человека, его интеллекта, творческого смысла жизни [13, с. 130], т. е. можно говорить, что качество жизни отражает уровень благосостояния населения, которое, в свою очередь, напрямую связано с эффективностью социально-экономической политики в государстве. Проблемы обеспечения высокого уровня и качества жизни граждан приобретают наибольшее значение в ходе социально-экономического развития страны. Российская Федерация – социальное государство, что официально признано на конституционном уровне (статья 7 Конституции РФ). При этом Конституция Российской Федерации не констатирует, что условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие, созданы. Она лишь утверждает, что на это направлена политика российского государства, или социальная политика. Следовательно, реализация данной конституционной нормы предполагает активную деятельность государства, направленную на обеспечение высокого уровня социальной защищенности граждан, достижение социальной справедливости и солидарности, гармонизацию отношений между институтами государственного управления и гражданским обществом и т. д. «Законодательная база по вопросам социальной политики недостаточно быстро развивается, ее в полной мере не касается процесс модернизации, и здесь еще работы непочатый край. Социальное многообразие стало решающим фактором развития личности, группы, этноса, стало влиять на развитие демократических государств», – отметил на экономическом форуме в Ярославле 8 сентября 2011 г. Д.А. Медведев. – Государство должно подстраиваться под современную жизнь, быть адекватным и беречь и преумножать социальное многообразие» [9].

Действительно, в последние годы федеральные органы законодательной, исполнительной власти усилили внимание к развитию социальной сферы, которое проявляется в принятии национальных проектов социального развития, в определенном росте инвестиций в человеческий

капитал, во внедрении адресных принципов социальной поддержки различных социальных групп и т. д. Тем не менее, проводимые в обществе реформы пока не привели к существенному улучшению социальной сферы российского общества. Напротив, наблюдается обострение ряда проблем социального характера. В их числе огромный разрыв в уровне доходов богатых и бедных слоев населения, несоответствие уровня оплаты труда его реальной эффективности во многих отраслях экономики, деградация системы здравоохранения и др. 85% российских граждан имеют низкие доходы и относятся к малообеспеченным группам населения. При этом в 2008–2011 гг. разрыв между бедными и богатыми в России продолжал расти – к такому мнению склонялось все большее число граждан. Так, если в июле 2010 г. 67% россиян считали, что разрыв между бедными и богатыми увеличился, то в мае 2011 г. так думали уже 73% [8].

Следует отметить, что качество жизни населения напрямую влияет на состояние национальной безопасности России. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определено, что национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [15].

В Стратегии впервые на официальном государственном уровне одним из приоритетов обеспечения национальной безопасности признано обеспечение повышения качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения. Указанные принципы обеспечения качества жизни российских граждан получили конкретизацию и развитие в Концепции долгосрочного социально-экономического развития

Российской Федерации на период до 2020 года [7], в которой определены пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. В частности, в Концепции-2020 определена долгосрочная социальная политика поддержки населения, которая включает следующие приоритетные направления:

первое – улучшение социального климата в обществе, снижение бедности и уменьшение дифференциации населения по уровню доходов;

второе – повышение эффективности государственной поддержки семьи;

третье – реабилитация и социальная интеграция инвалидов;

четвертое – социальное обслуживание граждан старших возрастов и инвалидов;

пятое – развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг;

шестое – формирование эффективной системы социальной поддержки лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, и системы профилактики правонарушений.

Как представляется, реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, безусловно, станет немаловажным фактором улучшения качества жизни российских граждан, который будет способствовать повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. От того, сможет ли наша страна повысить свою конкурентоспособность, зависит исход этого соперничества, затрагивающего интересы всех граждан страны.

Примечания

1. Баженов С. А., Маликов Н. С. Качество жизни населения: теория и практика (по результатам исследования качества жизни населения г. Белгорода) // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 10. – С. 13.
2. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 34.
3. В России опять снизилась конкурентоспособность. – <http://www.eg-online.ru>
4. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. – М., 2003. – С. 34.
5. Индекс глобальной конкурентоспособности. Информация об исследовании. – <http://www.veforum.org/gcr>

6. Индекс глобальной конкурентоспособности. Информация об исследовании...
7. Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года.
8. Коррупция в стране : пресс-выпуск Левада-центр от 8 июня 2011 г. – <http://www.levada.ru>
9. Медведев Д. А. Национальное многообразие России – не только вызов, но и преимущество. – <http://regnum.ru/news/fd-abroad/society/1443489.html>
10. Сейко Л.Ф. Государственное регулирование экономического роста и качества жизни населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – С. 11.
11. См.: Жуков В. И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. – М. : Академический проект, 2003. – С. 406.
12. См.: Лебедев В.А., Киреев В. В. Суверенная демократия как конституционная идея современной России. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2007. – С. 82.
13. См.: Салихова И. С. Право человека на достойную жизнь // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 130.
14. См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – <http://www.academic.ru> (дата обращения 11 января 2014 г.).
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

БАЛАГУРОВА Наталья Николаевна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук. E-mail: natalya_balagurova@mail.ru

BALAGUROVA Natalya Nikolaevna, Assistant Professor of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: natalya_balagurova@mail.ru

УДК 342.72

Е.Н. Поперина
E.N. Poperina

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В СФЕРУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В статье проводится анализ пределов допустимого вмешательства государства в сферу частной жизни. Рассматриваются нормы международного и отечественного законодательства, предусматривающие ограничение прав человека и гражданина в сфере частной жизни, а также допустимые пределы возможного вмешательства государства в частную жизнь и условия такого вмешательства. Выявлены некоторые проблемы правового регулирования в данной сфере и предложены пути их решения. Автором предлагается внесение изменений в отдельные нормативные акты, регламентирующие деятельность государства по ограничению права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, права и свободы человека и гражданина, ограничения права на неприкосновенность частной жизни, ограничение прав.

LIMITS OF ACCEPTABLE STATE INTERVENTION IN THE PRIVATE SPHERE

The article analyzes the acceptable limits of state intervention in the private sphere. The standards of international and domestic laws are considered that limit the human and civil rights in the private sphere, as well as the limits of possible government interference in private life and conditions of such intervention. Some problems of legal regulation in this area are singled out and solutions are suggested. The author suggests to amend certain regulations governing the activities of the state to restrict the right to privacy.

Keywords: constitutional right to privacy, rights and freedoms of man and citizen, restrictions on the right to privacy, limitation of rights.

Реализация права на неприкосновенность частной жизни сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. Отсюда возникает необходимость разграничения прав индивида и интересов государства и общества в целом.

Всеобщая декларация прав человека закрепила положение о том, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [1, п. 2 ст. 29].

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), ориентируясь на международные стандарты в области прав человека, допускает в определенных случаях их ограничение: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [5, ч.3 ст.55].

Таким образом, исходя из того, что данное положение имеет отношение ко всем правам человека, то оно относится, в том числе и к праву на неприкосновенность частной жизни.

Для того чтобы ограничение права на неприкосновенность частной жизни считалось легитимным необходимо соблюдение следующих условий.

Во-первых, согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. А поскольку пункт «в» статьи 71 устанавливает, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина находится в ведении Российской Федерации, то есть федеральных органов исполнительной власти, то можно сделать вывод, что устанавливать ограничения права на неприкосновенность частной жизни вправе только Федеральное Собрание Российской Федерации.

Во-вторых, ограничения права на неприкосновенность частной жизни могут устанавливаться «только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [5, ч. 3 ст. 55].

Таким образом, если не были нарушены основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обороноспособность и безопасность государства, то любые попытки ограничений права на неприкосновенность частной жизни будут являться незаконными и должны подлежать немедленному пресечению.

В-третьих, право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено только в той мере, в какой это необходимо в вышеуказанных целях. Возникает вопрос: кем и каким образом должна определяться эта мера? Очевидно, что эту меру должно определять государство в лице своих органов посредством издания федеральных законов. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) неоднократно обращался к этой проблеме в своих решениях. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» отмечалось: «Ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобренными целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, то есть не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных

норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения [12].

Международными актами запрещено вмешательство государства в сферу частной жизни. Так, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод запрещается «вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [3, п. 2 ст. 8].

Международный пакт о гражданских и политических правах устанавливает, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию» [7, п. 1 ст. 17]. Таким образом, в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, вмешательство в частную жизнь не должно быть произвольным и незаконным. Для того чтобы уяснить суть данной нормы, необходимо произвести толкование таких понятий, как «произвольное вмешательство» и «незаконное вмешательство». Замечания Общего Порядка, принятые Комитетом по правам человека, разъяснили данные термины следующим образом:

«незаконное вмешательство» означает, что любое вмешательство запрещено, за исключением случаев, предусмотренных законом. Вмешательство, разрешаемое государством, возможно только на основании закона, который должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта;

«произвольное вмешательство» означает, что любое вмешательство, допускаемое законом, должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и являться обоснованным в конкретных обстоятельствах [4, ст. 17].

Таким образом, вмешательство государства в частную жизнь граждан является нарушением статьи 17 Пакта о гражданских и политических правах в случаях, когда это противоречит национальному законодательству.

Российское законодательство содержит правовые нормы, допускающие вмешательство в частную жизнь. Эти правовые нормы условно можно разделить на четыре группы:

1 группа – правовые нормы, содержащие ограничения в связи с проведением оперативно-розыскной деятельности;

2 группа – правовые нормы, содержащие ограничения в связи с чрезвычайным положением;

3 группа – правовые нормы, содержащие ограничения в связи с необходимостью выбора между правом на неприкосновенность частной жизни и другим, более важным, правом;

4 группа – правовые нормы, содержащие ограничения в связи с обеспечением безопасности государства, законности, основ конституционного строя.

Прежде всего, рассмотрим ограничения, связанные с проведением оперативно-розыскной деятельности.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо не закрепляет право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на сбор сведений, относящихся к частной жизни, личной и семейной тайне. Однако можно предположить, что оно логично вытекает из содержания части 8 статьи 5 вышеназванного Федерального закона, где устанавливается запрет лишь на разглашение подобных сведений.

Следует обратить особое внимание на введенные в 90-х годах XX века системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ). СОРМ-1 была введена с целью осуществления телефонного прослушивания спецслужбами по своему усмотрению. СОРМ-2, введенная немного позднее, чем СОРМ-1, была введена для перехвата электронных сообщений в сети Интернет. Данные системы не могут не оставлять широкий простор для злоупотреблений и произвола. Так, в Курганской области был удовлетворен иск бывшего председателя Шадринского районного суда Людмилы Балакиной о признании незаконным прослушивания ее телефонных разговоров. По данным правозащитников, в Амурской области прослушивающими устройствами оборудуются СИЗО и следственные кабинеты изоляторов временного содержания города Благовещенска для получения информации о том, что говорит арестованный или задержанный во время встречи с адвокатом. Так же оборудованы и некоторые камеры СИЗО. Такие камеры можно узнать по отсутствию в них радиоприемников. По неофициальному сообщению одного из работников спецслужб Краснодарского края, телефоны и другие

средства связи руководителей общественных и общественно-политических объединений в крае находятся на автоматическом прослушивании [2].

Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» «органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, неприкосновенность его жилища и тайну корреспонденции» [10, ч. 1 ст. 5]. Кроме того, «проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации» [10, абз. 1 ч. 2 ст. 8]. Однако в соответствии с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. №86-О «По делу о проверке законности отдельных положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» преступное деяние не относится к сфере частной жизни лица, сведения о которой запрещено собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия. Поэтому проведение оперативно-розыскных мероприятий для решения задач оперативно-розыскной деятельности не является нарушением конституционных прав, предусмотренных статьей 24 Конституции Российской Федерации [11, п. 7].

По нашему мнению, российское законодательство в данной области по многим показателям соответствует стандартам, установленным Европейским Судом по правам человека. Сама процедура законодательно урегулирована и соответствует требованиям Европейского суда по правам человека. Прослушивание телефонов ограничено случаями, когда уже имеется информация о предполагаемом преступлении. Таким образом, законодательно запрещено прослушивание телефона по не подтвержденному фактами подозрению. Прослушивание может осуществляться только по письменному запросу и только по решению суда.

Согласно Стандартам Европейского Суда по перехвату телефонных сообщений перехват не будет считаться нарушением статьи 8 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека, если он осуществляется на основании

закона, удовлетворяющего следующим требованиям:

1) качество – то есть закон должен содержать эффективные заслоны возможным злоупотреблениям;

2) предсказуемость – то есть гражданин должен быть в состоянии самостоятельно либо с помощью адвоката предвидеть последствия какого-либо возможного действия;

3) доступность – то есть у гражданина должна быть возможность убедиться, что прослушивание соответствует законодательным нормам [3].

В процессе исследования были обнаружены некоторые пробелы в российском законодательстве.

В частности, эти недостатки касаются требования «качества» закона. В связи с этим предлагается внести дополнение в часть 5 статьи 6 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». В данной статье говорится о том, что информация о частной жизни гражданина не может «сообщаться органами федеральной службы безопасности кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами» [8, ч. 5 ст. 6]. По нашему мнению, для того, чтобы минимизировать злоупотребления в данной сфере, часть 5 статьи 6 должна содержать положение о том, что информацию такого рода следует уничтожать сразу же по достижении поставленной цели. Таким образом, предлагается следующая формулировка части 5 статьи 6 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»: «Полученные в процессе деятельности органов федеральной службы безопасности сведения о частной жизни, затрагивающие честь и достоинство гражданина и способные причинить вред его законным интересам, не могут сообщаться органами федеральной службы безопасности кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и должны быть уничтожены сразу же по достижении поставленной цели».

Кроме того, мы предлагаем закрепить право на неприкосновенность частной жизни в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса. Таким образом, мы предлагаем дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьей 13.1 «Право на неприкосновенность частной жизни» следующего содержания: «Ограничение права на неприкосновенность частной жизни допускается только на основании судебного решения».

По нашему мнению, закрепление принципа неприкосновенности частной жизни в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса будет способствовать более четкому определению оснований и условий ограничения права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве, а также круга процессуальных гарантий от произвольного нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

Еще одним существенным пробелом в российском законодательстве является отсутствие перечня преступлений, при которых разрешено прослушивание телефона, а также перехват почтовых, телеграфных и иных сообщений. Из содержания статьи 8 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» можно сделать вывод о том, что подозрение в совершении любого преступления может послужить основанием прослушивания телефонных переговоров, а также перехвату почтовых, телеграфных и иных сообщений, при условии наличия информации о преступлении, добытой из других источников. Таким образом, предлагается дополнить Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» статьей с перечнем преступлений, допускающих прослушивание телефонных переговоров, а также перехват почтовых, телеграфных и иных сообщений. Такой перечень даст гражданам возможность понять, какие их действия могут привести к такой реакции государства, как прослушивание телефонных переговоров, а также перехват почтовых, телеграфных и иных сообщений. Таким образом, будет соблюдено требование «предсказуемости», то есть граждане смогут самостоятельно либо с помощью адвоката предвидеть последствия своих возможных действий.

Третьим требованием законности является «допустимость». Данное требование будет считаться соблюденным лишь в том случае, если у гражданина будет возможность убедиться, что прослушивание соответствует законодательным нормам. В связи с этим мы предлагаем дополнить статью 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следующим положением: «После окончания прослушивания телефонных и иных переговоров лицо, чьи переговоры прослушивались, должно быть уведомлено о факте прослушивания за исключением случаев, влекущих угрозу цели расследования».

Рассмотрим вторую группу норм, допускающих вмешательство в частную жизнь. Это нормы,

содержащие ограничения в связи с чрезвычайным положением.

Под чрезвычайным положением понимается «вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающих отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей» [9, ч. 1 ст. 1].

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность установления отдельных ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя [5, ч. 1 ст. 56]. При этом в соответствии с частью 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени не подлежат ограничению. Однако допускается установление ограничений на право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища [5, ч. 3 ст. 56].

В последнее время некоторые авторы высказывают соображения о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации путем сокращения закрепленного в ней перечня прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения. В частности, предлагается изъятие из этого списка таких прав как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Однако мы склонны не согласиться с данной точкой зрения, поскольку находим ее нецелесообразной [6, с. 38]. Решение проблемы ограничения прав и свобод граждан в период действия чрезвычайного положения мы видим в совершенствовании федерального законодательства без внесения изменений в Конституцию Российской Федерации.

Следующая группа норм, допускающих вмешательство в частную жизнь, – нормы, содержащие ограничения в связи с необходимостью выбора между правом на неприкосновенность частной жизни и другим, более важным правом.

В данном случае проблемным является вопрос о том, как определить критерий такого приоритета.

Следует отметить, что в международном праве до сих пор является нерешенной проблема о соотношении разных прав человека. Зачастую возникают ситуации, когда причиной вмешательства одного человека в частную жизнь другого является стремление первого осуществить свое собственное право. На практике чаще всего подобное столкновение права на неприкосновенность частной жизни происходит с правом на информацию и самовыражение. Практика Европейского суда по правам человека в решении подобных дел неоднозначна, как и практика отдельных государств. В связи с этим в настоящее время государства абсолютно свободны в принятии решений о приоритете того или иного права. По нашему мнению, основным критерием такого приоритета должен быть уровень значимости конкретного права для населения конкретного государства и соответствие его Конституции.

Ориентируясь на Конституцию Российской Федерации, предполагается, что российский законодатель определил приоритет следующих прав и свобод по отношению к праву на неприкосновенность частной жизни:

- 1) право на жизнь (статья 20 Конституции Российской Федерации);
- 2) право на достоинство личности (статья 21);
- 3) право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22).

Все остальные права и свободы условно будут считаться менее важными, чем право на неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, по нашему мнению, в случае необходимости выбора между правом на неприкосновенность частной жизни и другим правом приоритет должен отдаваться праву на неприкосновенность частной жизни, кроме случаев, когда в противовес вступает право на жизнь, право на достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, которые конституционно признаны более важными правами.

И, наконец, рассмотрим четвертую группу правовых норм, допускающих вмешательство в частную жизнь, т. е. нормы, содержащие ограничения в связи с обеспечением безопасности государства, законности, основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

В тех случаях, когда интересы гражданина вступают в противовес с интересами безопасности государства, органы исполнительной власти прежде всего должны гарантировать безопасность государства всеми законными способами, поскольку от безопасности государства зависит безопасность личности и общества в целом.

Конституция Российской Федерации закрепила запрет на ограничение права на неприкосновенность частной жизни в условиях особых административно-правовых режимов. Однако в случае, если конкретным гражданином будет создана угроза безопасности государства, будут действовать нормы, ограничивающие его конституционные права, в том числе и права на неприкосновенность частной жизни, которые применяются в обычных условиях к любым

гражданам, обвиняемым или подозреваемым в преступлении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что баланс интересов государства и личности будет достигнут в случае ослабления внешних опасностей при разрешении внутренних противоречий в рамках закона. Именно в таком случае будут соблюдаться гарантии прав и свобод граждан, а государству будет обеспечена безопасность.

Примечания

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
2. Доклад о соблюдении прав человека в РФ в 2000 году. – <http://www.mhg.ru/publications/3675889> (дата обращения: 8 августа 2013 г.)
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.
4. Замечания Общего Порядка, принятые Комитетом по Правам Человека // Библиотека по Правам Человека Университета Миннесоты. – Замечание Общего Порядка 16.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
6. Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3 (21). – С. 34–38.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.
8. О федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40–ФЗ // Российская газета. – 1995. – 12 апреля.
9. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3–ФКЗ // Российская газета. – 2001. – 2 июня.
10. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144–ФЗ // Российская газета. – 1995. – 18 августа.
11. По делу о проверке законности отдельных положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определ. Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86–О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 6.
12. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова : постановл. Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15–П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.
13. Прослушивание телефонов в международном праве и законодательстве одиннадцати европейских стран (в том числе Украины и России) // Харьковская правозащитная группа. – Харьков, 1999. – http://www.kiev-security.org.ua/box/4/51_2.shtml#2 (дата обращения 1.07.2013).

ПОПЕРИНА Екатерина Николаевна, преподаватель кафедры правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), филиал в г. Озерске. E-mail: poperina@mail.ru

POPERINA Ekaterina Nikolaevna, Lecturer of Legal Disciplines Chair, Ozersk Branch of the South Ural State University (National Research University). E-mail: poperina@mail.ru

УДК 342.7

В.И. Фарыма, А.И. Ладыгина
V.I. Faryma, A.I. Ladygina

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются понятие прав и свобод личности и их закрепление в цивилизованном государстве. Приводится классификация основных прав и свобод человека и гражданина, основывающаяся на положениях международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: международные документы, Конституция Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, классификация основных прав и свобод человека и гражданина.

DEFINITION AND CLASSIFICATION OF FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS

The article discusses the concept of individual rights and freedoms and their consolidation in a civilized state. Classification based on the provisions of international and national law reveals the fundamental rights and freedoms of individuals.

Keywords: international documents, Constitution of the Russian Federation, classification of fundamental rights and freedoms of a man and a citizen.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [3, с. 2].

Построение правового государства и процесс демократизации общества органически связаны с развитием прав и свобод граждан и обеспечением прочных механизмов их гарантий: «...личное право невозможно без гарантий в политическом праве, уравнивающем всех друг перед другом» [2, с. 199].

В международных документах и Конституции РФ содержатся понятия «права» и «свободы». Существуют разные точки зрения по поводу природы этих понятий.

По мнению Е.А. Лукашевой, права и свободы идентичны по юридической природе и системе гарантий. И те и другие очерчивают социальные возможности человека в различных сферах, обеспечиваемые государством. Подобное различие в терминологии является скорее традиционным (с XVIII–XIX вв.), поэтому четкое разграничение провести трудно: термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности выбора, в то время как термин «право» «определяет конкретные действия человека (например, право участвовать в управлении делами государства)» [4, с. 134].

А.Я. Азаров под «свободами» понимает сферы, в которые государство не должно вмешиваться, но должно обеспечивать их защиту, а под

«правами» – правомочия в определенной сфере, внутри действия которых нет вариантов, кроме как воспользоваться или не воспользоваться [1, с. 32].

В международно-правовых документах используется термин «право на свободу чего-либо». Например, ст. 13 Всеобщей декларации о правах человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство...», ст. 18: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»; ст. 19: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их» и т. п. [5, с.275].

Отсюда можно заключить, что и то, что называется «правами», и то, что называется «свободами», по сути является правами. Слово «свобода» – это право делать что-либо свободно, без ограничений со стороны государства и других субъектов.

В принятой на референдуме 12 декабря 1993 года Конституции РФ права и свободы человека и гражданина провозглашены в числе основ конституционного строя. Человек признан источником своей свободы, существующей независимо от воли государства.

Обладание правами и свободами, на которые не может посягать государство, обеспечивает индивиду возможность быть самостоятельным субъектом, способным самоутвердиться в качестве достойного члена общества. Вместе с тем отношения личности и государства не исчерпываются обязанностью государства не посягать на права человека. Гражданин вовлечен в устойчивую политико-правовую связь с государством, состоящую из

взаимных прав и обязанностей. Лица, постоянно проживающие на территории конкретного государства, жизненно заинтересованы в обладании статусом гражданина. И государство, утвердившееся на основе права и демократии, может наиболее эффективно обеспечить права и свободы граждан.

В зависимости от принадлежности лица к конкретному государству выделяют следующие права:

- права российских граждан;
- права иностранных граждан;
- права лиц с двойным гражданством;
- права лиц без гражданства.

Основные права и свободы гражданина – это прежде всего конституционные права, которые являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому от рождения, т. е. носят естественный характер (ст. 17, п. 2 Конституции РФ). Принципиальным является также положение о том, что осуществление основных прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц, что имеет большое значение для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества и каждого человека. Ни одно общество не может предоставить человеку безграничную свободу, так как это привело бы к эгоистическому своеволию, к бесконечным столкновениям и конфликтам индивидуальных интересов. В том случае, когда права и свободы человека нарушаются в результате злоупотреблений со стороны других лиц, государство предоставляет возможность защищать эти права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в т. ч. государственными.

Правам и свободам человека и гражданина посвящена глава 2 Конституции РФ, в которую входят 47 статей.

Личные права и свободы

Личные права и свободы граждан играют особую роль и занимают первое место в системе конституционных прав и свобод (на международно-правовом уровне соответствующая группа прав определяется в качестве гражданских).

Основное назначение личных прав заключается в том, чтобы гарантировать человеческую жизнь и обеспечить защиту от всяких форм насилия, жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения; индивидуализировать гражданина, создать ему условия личной неприкосновенности и невмешательства в частную и семейную жизнь; гарантировать индивидуальную свободу, возможность беспрепятственного выбора различных вариантов поведения в сфере национальных, нравственных, религиозных и иных отношений, где индивид выступает как биосоциальное существо.

Эта группа прав принадлежит каждому человеку независимо от его гражданства, национальной и иной принадлежности и может быть реализована только самим человеком.

К личным правам и свободам Конституция РФ относит:

право на жизнь (ст. 20) – первое фундаментальное право человека, без которого все остальные права теряют ценность;

право на достоинство личности (ст. 21) – предполагает, что государство создает для человека такие условия жизни, которые бы не умаляли его достоинство;

право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22);

право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), под которыми закон понимает переписку, телефонные переговоры, телеграфные и иные сообщения, сведения медицинского, интимного характера и другую информацию, касающуюся исключительно данного человека, которая может в случае разглашения нанести ему моральный ущерб. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24);

право на неприкосновенность жилища (ст. 25);

право свободно определять и указывать свою национальную принадлежность и пользоваться родным языком (ст. 26);

право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства (ст. 27);

право на свободу совести (ст. 28);

право на свободу мысли и слова (ст. 29).

В Конституции определены положения, конкретизирующие реализацию личных прав и свобод. Так, например, запрещены пытки, насилие или другие унижающие человеческое достоинство обращения и наказания. Никто не может быть подвергнут без добровольного согласия медицинским, научным или иным опытам.

Человек может быть арестован только по решению суда. До судебного решения лицо не может быть задержано на срок более 48 часов.

Ограничение права на неприкосновенность частной жизни допускается только на основании судебного решения.

Каждый имеет право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Органы государственной власти и местного самоуправления обязаны предоставить соответствующие возможности.

Неприкосновенность жилища может быть нарушена только в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения.

Впервые в истории России Конституция гарантирует право свободного передвижения внутри и за пределами государства, свободно выезжать из России и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Политические права и свободы

Политические права и свободы наряду с личными (гражданскими), принадлежат к первому поколению прав человека: они были провозглашены буржуазно-демократическими революциями и получили юридическое признание в первых конституционных актах США, Франции, других государств в качестве естественных и неотчуждаемых прав человека.

Особенности политических прав и свобод:

они тесно связаны с личными правами, поскольку последние наполняют их конкретным содержанием (например, свобода манифестаций невозможна без права каждого индивида на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения, в то же время сами политические права выступают гарантией и условием реализации отдельных личных прав и свобод граждан);

принадлежат только гражданам данного конкретного государства и могут быть реализованы в обществе, в объединении граждан друг с другом;

связаны с осуществлением политической власти в государстве, характеризуют положение личности в политических отношениях и обладают политическим содержанием;

являются способом привлечения каждого гражданина к политическому народовластию на уровне как государственной власти, так и местного самоуправления.

К политическим правам граждан Российской Федерации относятся следующие права и свободы, закрепленные Конституцией РФ:

свобода мысли и слова (ст. 29), которую можно отнести как к личным, так и к политическим правам и свободам;

право на информацию (ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 29);

право на объединение (ст. 30);

право на проведение публичных мероприятий (ст. 31);

право на участие в управлении делами государства (ст. 32);

право на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33).

В России гарантируется свобода средств массовой информации. Свобода мысли и слова ограничивается запретом разжигать социальную,

расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Гарантируется свобода деятельности общественных объединений, а также не допускается принуждение к вступлению в какое-либо объединение или к пребыванию в нем.

Единственным условием свободного проведения публичных мероприятий является мирный характер мероприятия и запрет на оружие.

Граждане Российской Федерации обладают активным (право избирать) и пассивным (право быть избранным) избирательным правом, имеют право участвовать в референдуме, имеют равный доступ к государственной службе, а также право на участие в правосудии (например, в качестве присяжных заседателей).

Экономические, социальные и культурные права

Экономические, социальные и культурные права представляют собой второе поколение прав человека, которое возникло на основе борьбы трудящихся за улучшение своего положения. Особенностью данных прав является единство материального содержания, общесоциальная направленность, обусловленная принципом справедливости, необходимость более детальной конкретизации в текущем законодательстве.

Некоторые права оказались совершенно новыми для российской правовой системы, например право на свободу предпринимательской деятельности и право частной собственности.

Среди данной группы прав можно выделить экономические права и свободы, обеспечивающие свободу предпринимательской и иных форм трудовой деятельности:

право на свободу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34);

право частной собственности (ч. 1 ст. 35) и ее наследования (ч. 4 ст. 35);

право свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами (ст. 36);

право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37);

Здесь стоит выделить права, связанные с гарантией нормального физиологического развития личности и разрешением индивидуальных и коллективных трудовых споров:

право на труд и на вознаграждение за труд (ч. 3 ст. 37);

право на отдых (ч. 5 ст. 37);

право создавать профессиональные союзы, иные общественные объединения для защиты социальных и экономических интересов (ст. 13, 30).

Конституция РФ запрещает принудительный труд, а также требует создания условий, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Вознаграждение за труд не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Человек имеет также право на защиту от безработицы, что включает в себя законодательство по обеспечению занятости, оплату пособия по безработице. Для разрешения коллективных трудовых споров используются законные способы, в том числе право на забастовку.

Каждый человек имеет право на отдых: федеральным законом устанавливается продолжительность рабочего дня, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

Статья 7 Конституции РФ определяет Российскую Федерацию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Социальные права гарантируют человеку достойную жизнь, защиту от негативного воздействия рынка, обеспечивают нормальное физиологическое развитие личности, способствуют достижению социального партнерства в обществе. К социальным правам относятся:

право на государственную защиту материнства, детства и семьи (ч. 1 ст. 38);

право на государственную поддержку отцовства, инвалидов и пожилых граждан (ч. 2 ст. 7);

право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ст. 39);

право на жилище (ч. 1 ст. 40), на получение жилища малоимущими гражданами бесплатно или за доступную плату (ч. 3 ст. 40);

право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), включая бесплатную медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения;

право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42).

Социально-культурная составляющая прав и свобод способствует духовному развитию граждан. Среди культурных прав Конституция РФ провозглашает:

право на образование (ч. 1 ст. 43), на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (ч. 2 ст. 43);

право на бесплатное получение на конкурсной основе высшего образования (ч. 3 ст. 43);

свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1 ст. 44);

свобода преподавания (ч. 1 ст. 44);

право на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры (ч. 2 ст. 44);

право на охрану интеллектуальной собственности (ч. 1 ст. 44).

Культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений. С правами на участие в культурной жизни и на доступ к культурным ценностям связана обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Примечания

1. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. – М. : Московская школа прав человека, 2003. – С. 32.
2. Гаджиев К. С. Политическая наука. – М. : Международные отношения, 1996. – С. 199.
3. Конституция Российской Федерации. – М., 1993. – С. 2.
4. Лукашева Е. А. Права человека : учеб. для вузов. – М. : НОРМА-ИНФРА М), 2001. – С. 134.
5. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 1992. – С. 275.

ФАРЫМА Владимир Иванович, преподаватель кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ). E-mail: farima-vladimir@rambler.ru

ЛАДЫГИНА Анастасия Игоревна, студент Факультета Экономики и управления, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

FARYMA Vladimir Ivanovich, Lecturer of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University). E-mail: farima-vladimir@rambler.ru

LADYGINA Anastasiya Igorevna, Student of the Faculty of Economics and Management, South Ural State University (National Research University).

УДК 342.733

В.М. Шадрин
V.M. Shadrin

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

В статье рассматриваются исторические аспекты закрепления права на образование в конституциях зарубежных государств, анализируются различные подходы к формулированию конституционно-правовых норм, посвященных реализации этого права. Право на образование рассматривается как естественное, неотъемлемое право человека второго поколения, с позиций сформировавшегося в мировом сообществе в середине двадцатого века стандарта прав человека. Рассматривается опыт закрепления анализируемого права в конституциях некоторых современных государств.

Ключевые слова: право на образование, конституция, права человека.

FOREIGN EXPERIENCE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO EDUCATION

The article deals with the historical aspects of securing the right to education in the constitutions of the states, various approaches to the formulating the constitutional and legal provisions dealing with this right are analyzed. The right to education is seen as a natural, imprescriptible human right of the second generation, from the position of the human rights standard formed in the global community in the mid-twentieth century. The experience of fixing the analyzed rights in the constitutions of some modern states is considered.

Keywords: right to education, constitution, human rights.

Вплоть до эпохи Просвещения, обязанности и ответственность по образованию детей в Европе были возложены исключительно на родителей и церковь. Одна из первых систем обязательного образования на национально-государственном уровне была создана в Шотландии. Закон об образовании 1496 г. обязывал детей дворян и крестьян-фригольдеров посещать школу. Школы были созданы при каждом церковном приходе и финансировались прихожанами. Великая французская революция конца XVIII в. и Американская революция 1776 г. положили начало переводу образования, как процесса и результата усвоения определенной суммы знаний, навыков, умений [5], в сферу гражданских обязанностей.

Считалось, что государство должно принимать более активную роль в деле образования, обязано помочь сделать его доступным для всех. В Конституции Франции 1791 г. было указано, что «будет обеспечено и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное в части, необходимой для всех людей...» [11, с. 154]. Статья 22 Декларации прав человека и гражданина якобинской Конституции I года (1793 г.) ставила задачей общества доступность образования для каждого [10]. На тот момент, образование и в Европе, и в Америке было доступно лишь высшим социальным слоям, и государственное образование было воспринято как

средство понимания эгалитарных [2] идеалов, подчеркивающих революцию [1].

Революционные движения в Европе 1848–1849 гг. подорвали феодальные отношения и пережитки в ряде стран, поставили в порядок дня многие, давно назревшие исторические задачи. Более чем в 10 германских монархиях были установлены конституционные законы с гарантированными правами народных представительств. В январе 1850 г. Фридрих-Вильгельм IV октроировал новую Конституционную хартию, которая стала действующим основным законом Прусского королевства. Значительное место в Конституции было уделено развитию школьного образования (ст. 20–25), обязательность которого впервые была закреплена еще в 1763 г. указом Фридриха Великого. В Конституции провозглашалась свобода «науки и преподавания», бесплатное обучение в публичных начальных школах. Государство при этом гарантировало выделение необходимых средств для их содержания. Вместе с тем Конституция предписывала строгий государственный надзор за школами с целью пресечения всякого вольнодумства. Учителя публичных школ наделялись правами и обязанностями государственных чиновников со всеми вытекающими из этого последствиями (ст. 23). В Конституции Германской империи 1849 г. (Verfassung des deutschen Reiches) праву на образование

были посвящены статьи со 152 по 158. Их целью было отыскать приемлемый баланс в этом важном вопросе между ребенком, церковью, родителями и государством. Образование было определено как функция государства и отделялось от церкви. Однако центральная власть была явно не настроена моментально создавать образовательные институты. Скорее Конституция обосновывала лишь право граждан учиться, предоставляло свободу науке и технике, гарантировало право всякого использовать свои способности по своему усмотрению.

В XIX в. право на образование еще не входило в состав перечня классических прав человека. Как таковое оно отсутствует в Билле о правах 1689 г., Декларации независимости США 1776 г. и Французской декларации прав человека 1789 г. Эти акты акцентировали внимание на таких правах и свободах, как недопустимость произвольного ареста, свобода мысли и слова, свобода религии, право на жизнь и защиту личности, равенство, право собственности и право избирать и быть избранным и др. Это первое поколение прав человека, явившихся основой индивидуальной свободы, было пропитано духом невмешательства в личную жизнь человека. Государство представлялось потенциальной угрозой личным свободам, и поэтому должно было не вмешиваться в дела гражданского общества настолько, насколько это было максимально возможно. Право на образование и сопутствующее обязательство со стороны государства по его обеспечению не вписывалось в эту схему.

Либеральная концепция прав человека в XIX в. предусматривала сохранение основной обязанности родителей давать соответствующее образование своим детям, обязанность же государства заключалась в том, чтобы контролировать исполнение родителями этой обязанности. К тому же законодательство ряда государств уже предписывало обязательное школьное обучение. Законодательство о детском труде ограничивало время, в течение которого ребенок мог работать, и обеспечивало посещение школы. На уровне государства стали нормативно закрепляться учебные планы и минимальные образовательные стандарты. Однако государственная обязанность регулирования, предоставления и обеспечения образования исполнялась частично. В вопросах образования власть продолжала полагаться на церковь и родителей.

Во второй половине XIX в. право на образование проходит путь от «домашнего дела» до признания его естественным правом человека. В дальнейшем это было воспринято конституциями европейских государств.

Первым государством, закрепившим в 1917 г. право на образование на конституционном уровне, была Мексика. Текст документа в основном повторял положения предыдущей конституции 1857 г., но добавлял к ним три принципиально важные новеллы. В частности, статья третья предусматривала введение всеобщего бесплатного начального образования.

В Российской Империи закон об образовании отсутствовал, хотя проекты такового неоднократно предлагались и обсуждались. Основопологающим законодательным актом, регулировавшим деятельность начальной школы в России, было «Положение о начальных народных училищах», принятое в 1874 г. К начальным народным училищам относились: 1) ведомства Министерства народного просвещения: а) приходские училища в городах, посадах и селах, содержимые за счет местных обществ и частью за счет казны и пожертвований частных лиц, и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) ведомства Министерств государственных имуществ, Внутренних дел, Удельного, Горного: сельские училища разных наименований, содержимые за счет общественных сумм; 3) ведомства духовного: церковно-приходские училища, открываемые православным духовенством в городах, посадах и селах, с пособием и без пособия казны, местных обществ и частных лиц; 4) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами городскими и сельскими и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоюбого пола, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно [20].

В октябре 1918 г. «Положением о единой трудовой школе РСФСР» принцип обязательности обучения всех детей школьного возраста был установлен на уровне законодательного акта, единого для всей территории государства [4]. Устанавливались бесплатность обучения в школах 1-й и 2-й ступени, совместное обучение мальчиков и девочек, а также обязательный учет детей от 6 до 17 лет и снабжение учащихся учебными пособиями, питанием, одеждой и обувью.

Впервые глава, в которой закреплялись основные политические права и свободы, в том числе и право на бесплатное образование, была включена в Конституцию СССР 1936 г.: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобщим обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование...» (ст. 121).

В середине XX в. под влиянием таких международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.) в мировом сообществе сложился определенный стандарт, по которому право на образование включило в себя: право каждого человека на образование как таковое; бесплатность и обязательность начального образования; бесплатность общего образования; открытость и доступность среднего образования, включая профессионально-техническое среднее образование; общедоступность высшего образования на основе индивидуальных способностей; создание условий для постепенного перехода к бесплатному среднему и высшему образованию; свобода получения образования как в государственных, так и в негосударственных образовательных учреждениях, для которых государство вправе установить минимальные образовательные стандарты; свобода религиозного воспитания [7].

Вопрос о признании естественного характера права на образование в конституциях зарубежных государств решается по-разному.

Некоторые из них вслед за международными нормами признают право на образование за каждым (беженцами, вынужденными переселенцами, апатридами и т. д.) вне зависимости от принадлежности к гражданству страны (Бельгия [19, с. 344], Греция, Италия [17, с. 109], Нидерланды [15, с. 616], Швеция [8, с. 603], Япония [16, с. 399]). «Школа открыта для всех» (ч. 1 ст. 34 Конституции Итальянской Республики 1947 г.), «Все имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями, в порядке, предусмотренном законом» (ч. 1 ст. 26 Конституции Японии 1947 г.). Иные страны (Германия [14, с. 583], Испания [18, с. 56]) признают такое право только за гражданами своей страны. «Все граждане имеют право на образование» (ст. 27.1 Конституции Испании 1978 г.).

«Каждый имеет право на образование», — гласит ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации (1993 г.), почти дословно повторяя ч. 1 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека. В России право на образование признается как за ее гражданами, так и за любыми лицами, находящимися на законных основаниях на ее территории.

Конституции некоторых стран вообще не закрепляют право на образование (Франция, Великобритания, США) либо благодаря гибким формулировкам избегают спорного аспекта его принадлежности в зависимости от наличия или отсутствия гражданства (Индия [12, с. 441], Швейцария [13, с. 547]).

В настоящее время многие государства гарантируют право на образование в конституциях, основных законах, вместе с тем родители имеют возможность выбрать, как реализовать это право в отношении своих детей в соответствии с религиозными и философскими взглядами.

В европейских странах, США, Канаде, Австралии законодательно (в рамочной форме) рассматриваются основные положения, касающиеся целей образования, его структуры, организации, типов общеобразовательных учреждений. Законодательные условия обеспечивают реализацию образовательной политики, взаимодействие, установление принятых регуляторов, требований и свобод. Устанавливаются нормы сертификации образования, ответственности участников образовательного процесса. Иногда для этого могут приниматься специальные законы (Бельгия, Италия, Франция, Финляндия и др.).

В Финляндии всеобщее обязательное образование введено в 1921 г., т. е. только после выхода страны из состава Российской Империи. В настоящее время действует закон, вступивший в силу в 1998 г., по которому обязательное обучение можно получить не только в общеобразовательной школе, но и приобретая соответствующий объем знаний иными способами. По общему правилу ребенок идет в общеобразовательную школу в том году, когда ему исполняется 7 лет (по мотивированной просьбе родителей ± 1 год). В школе обучение длится 9 лет и заканчивается в 15–16-летнем возрасте, или через 10 лет.

Право лиц, проживающих в Финляндии, обучаться и получать знания в интересующей их области имеет законодательную основу и относится к основным правам. В Конституции прямо закреплено право на образование, на родной язык и культуру (касается шведоязычного и финноязычного населения, саамов, цыган и иных групп). Важным социально-правовым принципом, основывающимся на Конституции, является положение, согласно которому у каждого постоянно проживающего в Финляндии лица должна быть возможность на получение образования, соответствующего его способностям [6].

Основными принципами образовательной политики являются равноправие в получении образования независимо от имущественного состояния, пола, языка, национальности или места жительства, а также приоритет требований качества. Важным является также принцип пожизненного обучения: каждый имеет право продолжать саморазвитие и познание нового, а также расти морально и этически ответственным членом общества.

Конституция Финляндии закрепляет принципы бесплатности среднего и высшего образования, к тому же учеба дает право на получение финансовой поддержки от государства.

Обучение является публичным; доступ к обучению, однако, может быть ограничен по обоснованным причинам.

Языком обучения является обычно финский или шведский язык, которые являются государственными языками, но им может быть также саамский, цыганский язык или язык глухонемых. Изучение второго государственного языка включается в учебную программу. Обучение может проводиться и на другом родном для ученика языке, если это не будет мешать ему в учебе. В последнее время увеличилось обучение на английском языке.

Наряду с дошкольным, начальным, средним образованием, в Финляндии широко распространено обучение взрослых по принципу пожизненного обучения. Принцип пожизненного обучения находит свое выражение в широко развитой системе добровольного просвещения, в которую входят различные народные и открытые учебные заведения. В рамках этой системы осуществляются учебные программы и для лиц пожилого возраста [6].

Основывающийся на Конституции Финляндии социально-правовой принцип, согласно которому у каждого должна быть возможность на образование, соответствующее его способностям, имеет значение для системы высшего образования. Основные принципы образовательной политики страны, которыми являются равноправие в получении образования независимо от имущественного состояния, пола, языка, национальности или места жительства, а также приоритет требований качества, касаются системы высшего образования. После получения высшего образования у выпускника имеется возможность продолжать свое образование для получения степени лицензиата и далее доктора (например, юридических) наук.

Важным направлением образовательной политики Финляндии в последние годы является обеспечение доступности академического образования на всей территории страны. С этой целью образованы университетские центры в регионах, в которых отсутствуют вузы. Основная задача таких центров – сосредоточить деятельность различных вузов, а также предпринимательскую деятельность в единой сети в соответствующем регионе для обеспечения его жизнеспособности.

Основные принципы французского образования: свобода преподавания (государственные

и частные учреждения), бесплатность образования, нейтральность образования, светскость и нерелигиозность образования. Принципы системы образования имеют уже более чем столетнюю историю и были заложены в 1880–90-х гг. В преамбуле Конституции 1946 г., являющейся составной частью Конституции Французской Республики 1958 г. закреплено: «Организация общественного бесплатного и светского образования всех ступеней является долгом Государства». Образование обязательно для детей от 6 до 16 лет и состоит из нескольких ступеней (начальное, среднее и высшее). Во Франции сосуществуют частная и государственная системы образования. В частных учебных заведениях обучается около 20% всех учащихся. Государство утверждает все школьные программы для частных и государственных школ, организует конкурсы и экзамены. Только государство имеет право на выдачу дипломов до уровня бакалавра (*baccalaureat*).

Со времени закона Дебре от 1959 г. частное образование получает помощь от государства (*contrat d'association*) – именно государство оплачивает труд преподавателей и участвует в расходах на обучение (8 из 9-ти частных школ пользуются этой помощью).

Кодекс образования Франции (Приложение к распоряжению № 2000-549 от 15 июня 2000 г.) вслед за Конституцией Франции устанавливает, что приобретение общей культуры и признанной квалификации обеспечено всем молодым людям, каково бы ни было их общественное, культурное и географическое происхождение [9].

Каждый ребенок имеет право на школьную подготовку, которая, дополняя воздействие его семьи, содействует его образованию.

Школьная подготовка способствует развитию, позволяет приобрести культуру, готовит к профессиональной жизни и к исполнению своих обязанностей человека и гражданина. Она составляет основу непрерывного образования. Семьи привлекаются к осуществлению этих задач.

Чтобы содействовать равенству возможностей, соответствующие положения делают возможным доступ каждого в соответствии с его склонностями к различным типам или уровням школьной подготовки.

Образование есть первый национальный приоритет. Публичная служба образования задумана и организована для учащихся и студентов. Она содействует равенству возможностей.

Право на образование гарантировано каждому с тем, чтобы позволить ему развивать свою личность, повышать уровень начальной и непрерывной подготовки, включаться в общественную

и профессиональную жизнь, исполнять свое гражданское предназначение.

Чтобы гарантировать это право, распределение средств государственной службы образования учитывает объективные различия в ситуации, в том числе в экономическом и социальном плане.

Система образования в ФРГ признана одной из наиболее гибких и дифференцированных, приспособленных к быстрому изменению потребностей народного хозяйства. Она представляет собой классическую трехступенчатую структуру, состоящую из начальной, средней и высшей школы. Основным законом об образовании в Германии предоставляет право каждому гражданину свободно развивать свою личность и выбирать школу, место учебы и профессию по своим способностям и наклонностям. Школьное образование в соответствии со ст. 7 Конституции, находится под контролем государства, является обязательным с первого по девятый классы. Управление же находится в компетенции федеральных земель, в ведении земельных министерств образования и культуры (Kultusministerium). На федеральном уровне координируется Конференцией земельных министров культуры. Обучение начинается с 5- или 6-летнего возраста и продолжается от четырех до шести лет. При этом цель политики в области образования заключается в том, чтобы оказать оптимальную поддержку каждому человеку и дать ему возможность получить квалифицированную подготовку, отвечающую его интересам и потребностям. Каждый гражданин Германии в течение всей жизни имеет возможность получить общее, высшее и профессиональное образование. Германия является высокоразвитым индустриальным государством и не может обойтись без высококвалифицированных специалистов. Правительство Германии заинтересовано в качественной подготовке профессиональных кадров широкого профиля в различных научных областях и ежегодно выделяет крупные суммы на развитие системы образования. Обучение в государственных школах Германии является бесплатным как для граждан Германии, так и для граждан иностранных государств. Однако в системе немецкого образования представлены и частные образовательные учреждения, хотя их количество незначительно.

Система обязательного бесплатного начального светского образования в Англии формируется со второй половины XIX в. В 1883 г. парламент страны впервые утвердил ежегодные ассигнования на строительство и содержание школ для бедных. Таким образом, в Англии и Уэльсе

государство впервые стало непосредственно поддерживать систему народного образования.

В настоящее время, система школьного образования Великобритании делится на три этапа: primary education (начальная школа), secondary education (средняя школа), further education (старшая школа). Обязательным считается двенадцатилетнее образование с 5 до 16 лет. От 2 до 5 лет дети получают образование в Nursery Schools, а в 16 лет они заканчивают Secondary Schools и получают сертификат GCSE (сертификат об общем и среднем образовании).

В Великобритании основным документом, регулирующим образовательное право, является закон, поскольку нет писаной конституции. Все законы (акты обеих палат Парламента, прошедшие определенную процедуру принятия, подписания монархом и обнародования) обладают равной юридической силой. Необходимо иметь в виду, что, к примеру, в Шотландии действует собственный национальный Парламент, полномочия которого в сфере правового регулирования образования настолько широки, что можно говорить о самостоятельной системе образования.

В Великобритании правовое регулирование образования на законодательном уровне представлено сотнями разрозненных законов и актов делегированного законодательства, часть из которых устарела или была отменена. При этом работы по консолидации и кодификации на государственном уровне ведутся медленными темпами.

Условно законы об образовании Великобритании можно разделить на профилирующие и иные. К профилирующим законам, т. е. законам, предметом правового регулирования которых являются преимущественно отношения в сфере образования, относятся следующие.

Закон об образовании 1996 г. (Education Act 1996). На сегодняшний день для Англии и Уэльса – это базовый нормативный правовой акт в сфере образования.

Закон об образовании 1996 г. впоследствии несколько раз изменялся. Самостоятельный Закон об образовании в Шотландии появился в 2000 г. (Education and Training (Scotland) Act 2000). С 1999 г. Парламент Шотландии принял еще несколько законов об образовании, в частности: в 2001 г. – Закон «О поддержке студентов (Education (Graduate Endowment and Student Support) (Scotland) Act 2001)»; в 2002 г. – законы: «О стратегии охраны лиц с ограниченными возможностями и образовательных записях», «Об изменении школьного законодательства», «Об органах управления квалификациями»; в 2003 г. – Закон «О школьных завтраках»; в 2004 г. – законы:

«О дополнительной поддержке образования», «О школьном образовании (министерских полномочиях и независимых школах)»; в 2005 г. – законы: «О дальнейшем и высшем образовании», «О газельском языке»; в 2006 г. – Закон «О шотландских школах» [3].

Кратко рассмотрев историю закрепления права на образование в конституциях некоторых зарубежных государств, анализируя различные подходы к формулированию конституционно-правовых норм, посвященных реализации этого права, можно заключить: право на образование является естественным и неотъемлемым правом

человека, зафиксированном в конституциях большинства стран мира; на основе международно-правовых актов в мировом сообществе сформирован определенный стандарт прав человека, включающий в себя и право на образование. Нормы конституций большинства европейских государств соответствуют или приближаются к этому стандарту.

На современном этапе образование в Европейском регионе переживает период интенсивной интеграции. Россия в полную силу участвует в процессах унификации подходов к правовому регулированию всех уровней образования.

Примечания

1. Beiter K.-D. The Protection of the Right to Education by International Law. Martinus Nijhoff Publishers. – 2005. – P. 21–22.
2. Концепция, в основе которой лежит идея, предполагающая создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех членов этого общества.
3. Корф Д. В. Образовательное право и образовательная система Великобритании // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2006. – Т. 1.
4. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. – М., 1974.
5. Несмотря на большое количество существующих трактовок термина «образование», определения, которое бы полностью отражало всю многогранность этого сложного понятия, пока что не существует.
6. Орлов В. Образовательное право Финляндии. – <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/>
7. Рожков И. Право на образование. Как оно отражено в Конституции России и конституциях зарубежных государств // Директор школы. – 1994. – № 2. – С. 70.
8. См.: § 21, 22 главы 2 Конституции Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 3. – С. 603.
9. См.: Кодекс образования Франции. Законодательная часть. – М., 2003.
10. См.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. – М., 1957. – С. 330–342.
11. См.: Конституция Франции 1791 г. // Права человека : учебник-хрестоматия / отв. ред. А. Х. Саидов. – Ташкент, 2000. – С. 154.
12. См.: ст. 41 Конституции Индии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / В. В. Маклаков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 441.
13. См.: Статьи 19, 20, 41, раздела 3 Конституции Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) от 18 апреля 1999 г. // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 3. – С. 547.
14. См.: Статья 12, 7 Конституции Федеративной Республики Германии // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 1. – С. 583.
15. См.: Статья 23 Конституции Нидерландов (Королевства Нидерландов) от 17 февраля 1983 г. // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 2. – С. 616.
16. См.: Статья 26 Конституции Японии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / В. В. Маклаков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 399.
17. См.: Статья 34 Конституции Италии (Итальянской Республики) // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 2. – С. 109.
18. См.: Часть 1 статьи 27 Конституции Испании (Королевства Испания) // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – Т. 2. – С. 56.
19. См.: Часть 3 статьи 24 Конституции Бельгии (Королевства Бельгия) от 17 февраля 1994 г. // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – М., 2001. – Т. 1. – С. 344.
20. Хрестоматия по истории педагогики / сост. Н. А. Желваков ; под ред. С. А. Каменева. – М., 1936.

ШАДРИН Владимир Михайлович, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат исторических наук, доцент. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

SHADRIN Vladimir Mikhailovich, Assistant Professor of Social Studies and Management Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (NRU), Candidate of History. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147

И.А. Беленько
I.A. Belenko**ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

В статье раскрывается понятие «функции языка», анализируются функции иностранного языка с учетом его специфики как учебного предмета по сравнению с другими учебными предметами. Выделены наиболее важные функции иностранного языка в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов: коммуникативная, мыслеформирующая, познавательная, культурологическая, регулятивная, аккумулятивная и фатическая (контактостанавливающая).

Ключевые слова: иностранный язык; функция языка; компетенции; профессиональная подготовка.

FOREIGN LANGUAGE FUNCTIONS IN TRAINING FOR LAW ENFORCEMENT BODIES

The article reveals the concept of "language functions", analyzes the functions of a foreign language taking into account its specific character as an academic subject in comparison with other subjects. The most important functions of a foreign language in the training of law enforcement officers are singled out: communicative, thought-forming, cognitive, cultural, regulatory, accumulative and phatic (contact-making).

Keywords: foreign language, language function, competences, professional training.

Основной целью высшего профессионального образования является подготовка высококвалифицированного, конкурентоспособного, ответственного специалиста, готового к постоянному профессиональному росту и мобильности. Компетентностный подход, который положен в основу разработанных образовательных программ для бакалавров и магистров по направлению подготовки «Юриспруденция» в соответствии с целями и задачами профессиональной деятельности, указанными в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464), предполагает, что результатом освоения образовательных программ должен стать комплекс усвоенных студентами общекультурных (ОК) и профессиональных компетенций (ПК). Среди ОК и ПК компетенций мы выделяем те, которые можно сформировать на занятиях по иностранному языку. Прежде всего, это такие компетенции, как овладение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-3); овладение культурой поведения, готовность к кооперации с коллегами, к работе в коллективе (ОК-5); способность

работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-12); овладение необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке (ОК-13) и некоторые другие.

Проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов невозможно решить без включения в образовательный процесс специально организованного обучения общению, поскольку именно в общении человек самоопределяется и самопредъявляется. Недостатки коммуникативного развития специалиста заметно препятствуют его профессиональному и личностному росту, поэтому в образовательном процессе особенно важна коммуникативная функция иностранного языка, которая формирует коммуникативную (устную и письменную) компетентность будущего специалиста.

В лингвистике нет единого подхода к вопросу понимания и содержания функций языка. Чаще всего выделяют следующие функции:

- коммуникативная;
- когнитивная (познавательная);
- регулятивная;
- эмоционально-экспрессивная.

В понимании функции иностранного языка мы будем исходить из данного В.А. Аврориным определения: «Функция языка есть практическое

проявление сущности языка, реализация его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой, то, без чего язык не может существовать, как не существует материя без движения» [1]. Поскольку же язык, в том числе иностранный, по своей сущности – средство общения, то, в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов *коммуникативная* функция является первичной. Коммуникативная функция иностранного языка рассматривается нами как сложное интегрированное явление, в котором совмещаются все основные его свойства.

Рассмотрим теперь вопрос специфики иностранного языка как учебного предмета по сравнению с другими учебными предметами. Согласно Л.С. Выготскому, «можно сказать, что усвоение иностранного языка идет путем прямо противоположным тому, которым идет развитие родного языка. ...Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный – начиная с осознания и намеренности» [3]. Осознание средств, способов формирования и формулирования мысли, осмысление языка сопровождает весь курс овладения иностранным языком. Это не противоречит тому, что в процессе самого иноязычного общения сознанием контролируется только план содержания, т. е. то, что и в какой последовательности сказать. Форма выражения мысли реализуется на уровне фоновых механизмов деятельности. Таким образом, можно выделить *мыслетворческую* или *мыслетворческую* функцию иностранного языка. Далее мы отметим вторую особенность, свойственную языку вообще, и иностранному языку в частности. Иностранный язык, в отличие от других учебных предметов, является *одновременно и целью, и средством обучения*. Так, если всеми другими предметами обучающийся овладевает посредством языка как инструмента, то при овладении самим языком возникает проблема постепенного, управляемого извне освоения одних более легких средств и способов для решения с их помощью задачи освоения более сложных. С этим процессом связаны *регулятивная* и *познавательная* функции иностранного языка. С помощью иностранного языка студенты приобщаются к культурным, историческим ценностям страны изучаемого языка, развивают познавательный интерес. Следовательно, можно выделить *культурологическую* функцию иностранного языка. В процессе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов иностранный язык в условиях междисциплинарной связи

является средством расширения, дифференциации и уточнения понятийно-категориального аппарата. Исходя из этого мы выделяем *аккумулятивную* функцию языка.

Усвоение иностранного языка как учебного предмета не дает человеку непосредственных знаний о реальной действительности (например, в отличие от уголовного процесса, где дается конкретное определение субъектам уголовного процесса). «Язык является средством выражения мысли об объективной действительности, закономерности которой являются предметом других дисциплин. Иностранный язык в этом смысле как учебная дисциплина *«беспредметен»* [5]. Соответственно, в процессе обучения иностранному языку перед преподавателем встает задача первоначального определения специфического, удовлетворяющего потребность овладения иностранным языком предмета учебной деятельности. В качестве такого предмета в процессе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов может выступить, например, правоохранительная система, законодательство, система профподготовки юристов страны изучаемого языка и т. д.

«Специфика иностранного языка как учебного предмета заключается также и в его *«беспредельности»* [5]. Действительно, если сравнить иностранный язык с любым другим учебным предметом, то в каждом из них (уголовное право, криминалистика, конституционное право и др.) есть отдельные тематические разделы, овладев знанием которых, студент может сказать, что он знает «трасологию» как раздел криминалистики, отмечая при этом некую специфичность и направленность собственных интересов. При изучении иностранного языка такая ситуация невозможна – студент не может знать только раздел «Perfekt» (прошедшее разговорное время), не зная раздел «Partizip II» (причастие прошедшего времени) и т. д. Студент должен знать все составляющие языка от фонетики до грамматики и синтаксиса, то есть все! А это «все» практически не имеет границ. Таким образом, иностранный язык как учебный предмет *«беспределен»*.

Вместе с тем сторонники полифункциональности подчеркивают важность *условий* конкретного функционирования языка. Функции иностранного языка (их количество и характер) в таком случае определяются условиями его использования. В связи с этим в процессе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и на основе требований к результатам освоения образовательных программ для бакалавров и магистров мы

выделяем следующие наиболее важные функции иностранного языка: коммуникативную, мыслеформирующую, познавательную, культурологическую, регулятивную, аккумулятивную и фатическую (контактоустанавливающую).

Примечания

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л. : Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1975. – 276 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. – М. : Академия, 2004. – 368 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.-Л. : Огиз-Соцэкгиз, 1934. – 637 с.
4. http://albooking.net/book_173_glava_13_H.html
5. <http://psychlib.ru/mgppu/ZSnt1980/ZPH-048.HTM#Автор>
6. <http://www.ibl.ru/konf/041208/88.html> Тумалев А.В.
7. <http://prof.labor.ru/professiograms/cat1.php>

БЕЛЕНЬКО Ирина Анатольевна, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат педагогических наук. E-mail: Zauberschlaf@live.ru

BELENKO Irina Anatolievna, Assistant Professor of Social Studies and Management Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (NRU), Candidate of Pedagogics. E-mail: Zauberschlaf@live.ru

УДК 378.6

И.Н. Ванюшина
I.N. Vanyushina**ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПОЛИЦИИ ШВЕЦИИ**

В статье освещаются вопросы организации профессионального образования полицейских Швеции, особенности образовательной программы бакалавриата по специальности «Служба в полиции», а также требования к кандидатам на обучение по данной специальности.

Ключевые слова: служба в полиции, образовательный стандарт, профессиональная подготовка, умения и практические навыки, отбор кандидатов, порядок поступления.

**PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND CONTENT OF
SWEDISH POLICE'S PROFESSIONAL TRAINING**

The article highlights the organization of police's professional training in Sweden, peculiarities of the educational program for Bachelors majoring in «The Police Service», as well as requirements for candidates for training in this specialty.

Keywords: service in the police, educational standards, professional training, abilities and practical skills, candidate selection, order of intake.

Полиция Швеция является одной из многочисленных государственных организаций страны. В настоящее время в полиции Швеции работает более 28 тысяч человек, из которых 20 тысяч проходят службу в полиции (сотрудники полиции). Реформирование организации полиции Швеции также затронуло вопросы профессиональной подготовки сотрудников полиции.

За последние несколько лет организация профессиональной подготовки полиции Швеции перетерпела изменения, которые были направлены на обновление содержания программы профессиональной подготовки и увеличению времени обучения.

Основным этапом подготовки сотрудников полиции Швеции является обучение в образовательных учреждениях по программе бакалавриата «Служба в полиции» длительностью 2 года и 6 месяцев. Программа относится к категории офицерской подготовки. Окончательный переход к обучению сотрудников полиции по программе бакалавриата осуществится к 2015 году. Ранее подготовка сотрудников полиции осуществлялась в объеме, позволяющем получать основные знания и приобретать практические навыки, необходимые в работе полиции (начальная подготовка). Целью современной программы подготовки является достижение слушателем такого уровня знаний и практических навыков, который необходим для успешного выполнения задач, возложенных на полицию. Задачами программы обучения являются:

1) умение слушателя самостоятельно и критически анализировать сложившуюся ситуацию,

находить решение проблемы с помощью имеющихся знаний;

2) знание слушателем задач и функций полиции, правил и методов работы полиции;

3) готовность сотрудника полиции к профессиональным действиям в повседневных ситуациях;

4) выработка уверенности сотрудника полиции в своих профессиональных знаниях.

В настоящее время подготовку сотрудников полиции в Швеции осуществляют три образовательных учреждения: Академия полиции в Стокгольме и университеты в городах Умео и Векше, где действуют факультеты по обучению сотрудников полиции.

Формальными требованиями к поступлению на службу в полицию (обучение) являются:

1) гражданство Швеции;

2) достижение возраста 18 лет;

3) пригодность для работы в полиции: положительные личностные характеристики и отсутствие нарушений законодательства;

4) наличие права управления транспортным средством (категория «В»);

5) умение плавать (выполнение последовательно без перерыва: плавание брассом – 150 м, плавание на спине без рук – 25 м, поднятие манекена на глубине 1,5 м и плавание с ним 10 м в положении манекена «лицо над водой»);

6) состояние здоровья (физическая работоспособность, проверяется с помощью велоэргометрии);

7) медицинские показания (отсутствие ряда хронических заболеваний: психических заболеваний и поведенческих расстройств, диабета, некоторых хронических инфекционных заболеваний,

расстройств нервной системы, болезней сердца, органов дыхания, ревматических заболеваний и ожирения);

8) психологическая готовность (уровень самосознания, способность к адаптации, ответственность, сдержанность, коммуникативность);

9) соответствие квалификационным требованиям для поступления в университет.

Прием на обучение осуществляется на конкурсной основе. Поступление в образовательное учреждение осуществляется посредством заявки, направляемой на интернет-сайт Кадрового агентства – специального органа государственной власти Швеции, занимающегося вопросами отбора военнослужащих, сотрудников полиции, сотрудников системы исполнения наказаний и др. Прием заявок осуществляется дважды в течение года: весной и осенью. Заявление и все необходимые документы, подтверждающие соответствие кандидатов требованиям на службу в полицию, подаются в течение месяца с момента объявления. После завершения регистрации и онлайн-подачи заявления Кадровое агентство осуществляет проверку представленных документов и назначает время прохождения вступительных испытаний.

Вступительные испытания проходят в течение двух дней и начинаются с прохождения экзамена по плаванию и физической подготовке. В случае несдачи экзамена или отказа от него абитуриент к последующим испытаниям не допускается. Результаты сдачи экзаменов определяются в общей сумме баллов и отдельно за каждое испытание. После сдачи экзаменов осуществляется медицинское освидетельствование, психологическая диагностика и тест на употребление наркотических средств.

В дальнейшем Кадровое агентство осуществляет проверку кандидатов на наличие судимости и организует собеседование абитуриентов с представителями полиции. В случае если кандидат на обучение в полицию не прошел один из отмеченных этапов отбора, его поступление повторно возможно не ранее чем через два года. Система контроля повторного поступления осуществляется с помощью блокирования номера социального страхования в системе отбора.

По итогам отбора Кадровое агентство дает общую оценку кандидата, формирует список кандидатов на обучение в полицию и направляет его в Академию полиции и Университеты г. Умео и г. Векше. Списки абитуриентов, прошедших предварительный отбор, опубликовываются на сайте Кадрового агентства. На основании полученных результатов образовательные учреждения осуществляют набор на обучение. Зачислению

подлежат абитуриенты, набравшие максимальное количество баллов при прохождении испытаний. В 2013 году из 7278 кандидатов на учебу в Академию полиции было принято 328 человек, 39% из которых составили женщины. Средний возраст обучаемых в Академии полиции Швеции в настоящее время составляет 26 лет. При этом значительная часть лиц, поступающих на обучение, имеют трудовой стаж, половина имеет образование на уровне колледжа или университета. Лица, не прошедшие конкурс по сумме баллов, имеют право через полгода повторно направить документы для решения вопроса о зачислении.

Подготовка сотрудников полиции по программе «Служба в полиции» возможно с помощью дистанционных технологий, которая имеет такое же содержание, что и очная форма. Обучение осуществляется с помощью специального программного обеспечения, основанного на электронной системе Moodle, и проводится в форме прямых трансляций занятий, выполнения заданий, проведения исследований. Дистанционное обучение не освобождает слушателей от аудиторных занятий по отдельным темам и прохождения стажировок в отделах полиции. Слушатели дистанционного обучения делятся на учебные группы на основе географического расположения.

Программа обучения носит проблемно-ориентированный характер и включает различные области знания. Основным принципом обучения является получение и углубление знаний с помощью анализа и создания практических ситуаций. В этой связи теоретическое обучение осуществляется в сочетании с практикой, что достигается при помощи различных упражнений и практических занятий. Программа подготовки сотрудников полиции Швеции уделяет внимание вопросам повышения самосознания сотрудника полиции, способности принятия им обоснованных решений в различных ситуациях, а также воспитанию сотрудников полиции. Вопросы этики и толерантности, развитие нравственных ценностей и взаимоотношений интегрированы в программу обучения таким образом, что изучаются сотрудниками полиции на всем протяжении подготовки.

Программа подготовки сотрудников полиции состоит из 5 семестров обучения. В течение последнего семестра слушатели проходят стажировку в отделе полиции. Длительность семестра теоретического обучения составляет 20 недель, стажировка – 6 месяцев. В теоретической части обучения слушатели последовательно изучают учебные дисциплины, которые завершаются сдачей зачета или экзамена. Психологическая, огневая и

физическая подготовка, работа со средствами связи, практическое вождение осуществляются на протяжении всего обучения. Важной особенностью подготовки является проведение занятий слушателей в полицейском обмундировании и снаряжении.

Первый семестр обучения направлен на изучение основ работы полиции Швеции. В этот период происходит изучение правового положения полиции Швеции, полномочий сотрудника полиции, основ административного права, уголовного права и уголовного процесса, криминологии, планирования и управления. За время обучения отрабатываются навыки оказания первой медицинской помощи, применения физической силы и оружия, вождения автотранспортного средства. На этом же этапе обучения слушателями изучается конфликтология, целью которого является отработка методов разрешения различных конфликтных ситуаций, в том числе направленных на предотвращение применения сотрудником полиции физической силы. Преподавание осуществляется с помощью таких форм, как лекции, семинары, работа в группах, выполнение индивидуальных заданий и упражнений. В основе обучения лежит активное вовлечение слушателя в прецедентные ситуации, т. е. решение проблем и ситуаций, которые происходят в повседневной работе полиции.

Во втором семестре слушатели изучают вопросы, связанные с расследованием преступлений. В этом семестре изучаются вопросы уголовного процесса, криминалистики, судебной медицины, основы уголовного розыска. На данном этапе слушатели изучают методику и отрабатывают тактику проведения следственных действий. При обучении акцент делается в первую очередь на расследование преступлений против личности и преступлений против собственности. В рамках осваиваемых учебных дисциплин дополнительно изучаются вопросы сбора и сохранности доказательств, условия применения мер принуждения, психология следственных действий, работа с потерпевшими. Например, в рамках изучения криминалистики слушатель должен получить знания и навыки не только в области дактилоскопии, но и сбора образцов слюны человека и порядок последующей передачи для проведения ДНК-анализа.

В процессе обучения продолжается изучение конфликтологии с учетом прохождения дисциплин (конфликтология в следственных действиях), осуществляется психологическая, огневая и физическая подготовка, отработка навыков вождения, работа со средствами связи и

с компьютерным программным обеспечением. В части психологической подготовки сотрудников полиции уделяется внимание вопросам преодоления депрессии, изучению психологических методов подготовки к проведению полицейских операций. В качестве практических занятий используется ориентация человека с картой и компасом на незнакомой местности. В рамках огневой подготовки сотрудники изучают правила обращения с оружием, законодательство, регламентирующее применение сотрудником полиции оружия. На занятиях отрабатываются тактические приемы применения оружия в различных ситуациях (например, при остановке транспортного средства). Для проверки знаний правовых оснований и отработки тактики применения оружия используется анализ слушателями видеосюжетов различных практических ситуаций, в которых сотрудники полиции применяли оружие.

Третий семестр обучения состоит из модулей, направленных на изучение вопросов: 1) безопасности дорожного движения; 2) социальной депривации, психических расстройств и наркомании; 3) работы с несовершеннолетними. В семестре продолжается изучение криминалистики, огневой и физической подготовки и других дисциплин постоянного блока.

В сфере безопасности дорожного движения слушателями изучаются задачи, функции и методы работы полиции по обеспечению безопасности дорожного движения, процедуры рассмотрения нарушений правил дорожного движения и процесс расследования дорожно-транспортных нарушений. При обучении акцент делается на оказание помощи таким участникам дорожного движения, как лица с ограниченными возможностями, дети и пожилые люди, на изучение вопросов совершения дорожно-транспортных происшествий с участием лиц в состоянии опьянения, расследование несчастных случаев.

Курс, посвященный социальной депривации, психическим расстройствам и наркомании, направлен на изучение слушателями комплекса вопросов, в числе которых причины различных состояний психики человека, отклонения (расстройства) психики человека, особенности поведения человека, страдающего расстройством психики, наркоманией, алкоголизмом, а также вопросы тактики действий сотрудников полиции при контакте с такими лицами.

Изучение блока «Подростки» направлено на получение знаний о деятельности органов государства, участвующих в воспитании несовершеннолетних и профилактике совершения ими правонарушений, взаимодействии полиции с

данными органами. В рамках курса изучаются вопросы развития личности, молодежной культуры, психологии несовершеннолетних, методы работы с несовершеннолетними по профилактике правонарушений и их раскрытию.

Занятия по криминалистике в основном осуществляются в форме практических занятий, которые представляют работу слушателей на месте происшествия. На занятиях отрабатываются навыки работы с криминалистической техникой, закрепляются основные положения криминалистической тактики. Особое внимание при проведении занятий уделяется поиску следов преступления, вопросам фото- и видео фиксации места происшествия, ведению протокола осмотра места происшествия.

Огневая подготовка на данном этапе предполагает отработку различных методов стрельбы из служебного оружия, изучение тактики движений с оружием, стрельбу из различных положений (стрелковых позиций).

На завершающем этапе теоретического обучения (в четвертом семестре) изучается семейная криминология, преступления, совершенные на почве ненависти и курс о взаимодействии полиции Швеции. В этом разделе изучаются структура семейных конфликтов, содержание и формы дискриминации, расизма, ксенофобии, методы противодействия и их профилактики. При обучении обращается внимание на расследование преступлений, связанных с насилием в семье, в первую очередь насилием над детьми и сексуальным насилием. Слушатели изучают вопросы семейных отношений, виктимности детей и других членов семьи, причины насилия, особенности проведения следственных действий, сбора и оценки доказательств. Кроме того, при обучении уделяется внимание квалификации настоящих видов преступлений и взаимодействие полиции с иными правоохранительными органами. В рамках курса продолжается изучение конфликтологии применительно к рассматриваемым вопросам.

В рамках криминалистики и уголовного процесса изучаются вопросы расследований дел, связанных с насильственной смертью человека. На занятиях слушателями отрабатываются действия на месте происшествия, проведение иных следственных действий, осуществляется психологическая и стрессовая подготовка слушателей.

Огневая подготовка предусматривает приобретение навыков обращения с оружием и так-

тику стрельбы в составе патруля. Для этого используются симуляторы стрельбы с созданием различных практических ситуаций.

Курс о взаимодействии полиции Швеции является последним в теоретическом обучении и направлен на дополнительное изучение текущих задач полиции Швеции, форм взаимодействия с иными органами государственной власти, организациями и учреждениями при проведении различных специальных мероприятий.

В течение четвертого семестра слушатели выполняют тематическое исследование, посвященное одному из вопросов деятельности полиции, обучение завершается сдачей итогового экзамена.

После завершения обучения слушатель направляется в отдел полиции сроком на 6 месяцев для прохождения стажировки в должности помощника полиции. В дальнейшем, после успешного прохождения стажировки слушатель принимается на службу в должности сержанта полиции. С осени 2014 года стажировка в отделе полиции слушателями будет начинаться во второй половине четвертого семестра, после которой слушатели будут возвращаться в образовательное учреждение для завершения тематической работы и сдачи итогового экзамена.

Дальнейшее обучение сотрудников полиции осуществляется в форме повышения квалификации. В настоящее время образовательными организациями реализуются более 50 программ повышения квалификации по различным направлениям деятельности полиции. Программы повышения квалификации отличаются гибкостью и способностью к варьированию в зависимости от потребностей обучения. Повышение квалификации осуществляется очно или возможно очно с элементами дистанционного обучения. Основными общими программами повышения квалификации являются вопросы дорожного движения, тактики расследования преступлений.

Повышение квалификации осуществляется, также на основании запросов департаментов полиции. При поступлении запроса (заказа) на подготовку специалистов образовательной организацией разрабатывается программа обучения, которая согласовывается с соответствующим департаментом полиции. В числе таких программ программы повышения квалификации по методике допросов, психологии общения, управления конфликтами, обращению с оружием, информационным технологиям.

Примечания

1. Интернет-сайт полиции Швеции. – <http://polisen.se>
2. Интернет-сайт Академии полиции Швеции. – <http://www.polishogskolan.se>
3. Интернет-сайт Департамента по подготовке сотрудников полиции Университета в г. Умео Швеции. – <http://www.polis.umu.se>

ВАНЮШИНА Ирина Николаевна, преподаватель кафедры кадрового, морально-психологического и информационного обеспечения органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. E-mail: yanuch@bk.ru

VANYUSHINA Irina Nikolaevna, Lecturer of Chair of Personnel, Moral-and-Psychological and Information Support of Law Enforcement Agencies, Tyumen Institute for Advanced Training of Law Enforcement Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: yanuch@bk.ru

УДК 37.01

М.А. Мазур
M.A. Mazur

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В данной статье рассматривается историография формирования патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел, проводится анализ теоретического осмысления феномена патриотизма в истории философской и педагогической мысли, выделяются этапы развития проблемы и их характеристика.

Ключевые слова: патриотическая культура, патриотическое воспитание, патриотизм.

HISTORICAL ASPECTS OF THE POLICE STAFF'S PATRIOTIC CULTURE FORMING

The article focuses on historiography of the police staff's patriotic culture forming; analyses theoretical development of such phenomenon as patriotism in the history of philosophy and pedagogics; singles out the stages in the problem development and their character features.

Keywords: patriotic culture; patriotic upbringing; patriotism.

Проблема формирования патриотической культуры имеет многовековую историю, обращение к которой позволяет выявить сущность процесса формирования у граждан любви к своей Родине. Выдающиеся ученые, философы, историки, психологи, педагоги, публицисты, писатели в своих трудах неоднократно обращались к этой теме на протяжении всей истории развития человечества.

Однако постановка нами акцента на патриотическое воспитание сотрудников ОВД требует исследования именно того исторического периода, когда: а) органы внутренних дел функционировали в современном виде; б) началась теоретическая и методологическая разработка проблемы патриотического воспитания именно этой категории граждан.

В связи с этим мы определяем исходную точку генезиса исследуемой нами проблемы началом XX века – периодом, когда в России произошли социально-политические и экономические преобразования, изменившие, в свою очередь, направление исследований, связанных с проблемой патриотического воспитания российских граждан и сотрудников органов внутренних дел в частности.

С учетом этого при определении дат смены периодов развития проблемы патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел мы выделяем следующие периоды:

- I период – с 1917 г. до начала 90-х гг. XX в.;
- II период – с начала 90-х гг. XX в. до 2011 г.;

III период – с 2011 г. до настоящего времени. Дадим характеристику каждого из этих периодов.

Первый период исторического развития системы органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок, и системы патриотического воспитания российских граждан, сложившейся в СССР, рассматривается нами как важнейший этап, в рамках которого появился целый ряд социально-педагогических предпосылок для возникновения исследуемой проблемы.

Правовым основанием организации советской милиции явилось Постановление Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г.

10 мая 1918 года коллегия НКВД приняла следующее распоряжение: «Милиция существует как постоянный штат лиц, исполняющих специальные обязанности, организация милиции должна осуществляться независимо от Красной Армии, функции их должны быть строго разграничены». 21 октября 1918 года НКВД была утверждена Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции, в которой были установлены организационно-правовые формы милиции для всей России.

3 апреля 1919 года Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР издал декрет «О советской рабоче-крестьянской милиции», и таким образом, в основном, завершился этап организационного становления милиции. В таком виде милиция

существовала до начала Великой Отечественной войны.

В условиях начавшейся войны в дополнение к основным задачам по охране общественного порядка и борьбе с преступностью у милиции появилось много новых: борьба с нарушителями правил военного учета, с дезертирами и лицами, уклоняющимися от призыва и службы в армии, с мародерами, выявление вражеских агентов, борьба с хищениями военных грузов.

В период военных действий сотрудники милиции, как и все граждане нашей страны, выполняли свой патриотический долг, проявляя героизм и самоотверженность.

После 1918 года в России вопросы патриотического воспитания молодежи приобрели особую актуальность и новое содержание. Изменение идеологии и определение целей коммунистического воспитания нашли отражение в работах педагогов того времени.

Многие государственные деятели, касаясь вопросов воспитания подрастающего поколения, подчеркивали важность развития у молодежи любви к Родине, советского патриотизма. При этом в основу понимания патриотизма было положено определение В.И. Ленина: «Патриотизм одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» [5, с. 190]. С этого времени данное понятие трактуется в духе марксистско-ленинской идеологии.

Этот подход впоследствии получает закрепление и развитие в трудах советских ученых. В них раскрываются как теоретико-методологические аспекты патриотического воспитания (сущность патриотического воспитания, его характеристики, пути и средства формирования, содержание понятий «патриотизм» и «советский патриотизм» и пр.), так и его прикладные аспекты (обосновывается необходимость и раскрывается содержание различных направлений патриотического воспитания: военно-патриотическое, воспитание на трудовых и боевых традициях советского народа и другие).

Среди педагогических исследований, посвященных данной проблеме, в 50-60-е гг. выделяются работы В.М. Боева, И.С. Марьенко, М.А. Терентия, Ф.И. Хвалова и других.

70-80-е годы XX столетия ознаменовались многочисленными научными изысканиями в области патриотического воспитания подрастающего поколения. Анализ философских работ (Б.А. Воронович, И.Е. Кравцев, Р.Я. Мирский и другие) показывает, что в содержании патриотизма в советский период особо выделялись: верность

идеям революции, отстаивание преимуществ советского общественного строя, превосходства социализма над капитализмом, непримиримость к любым отклонениям от социалистических норм жизни.

В советской педагогической науке единой точки зрения на патриотизм в данный период не было. Н.И. Болдырев, Н.К. Гончаров, В.П. Есипов и другие рассматривают патриотизм как нравственный принцип; Д.С. Лихачев, И.Т. Огородников и другие – как нравственное чувство, а Т.А. Ильина, И.С. Марьенко, Г.И. Щукина и другие – как нравственное качество личности.

Важно отметить, что в этот период появляются серьезные, хотя и немногочисленные научные исследования, связанные с проблемой патриотического воспитания военнослужащих (Н.С. Кравчун).

Особого внимания заслуживают немногочисленные исследования, связанные с выявлением места и роли патриотизма в структуре культуры (Н.И. Корниец, А.А. Мигольцев, В.Н. Росенко и др.).

Проведенные в этот период исследования можно считать ключевыми в становлении актуального для настоящего времени такого направления как патриотическое воспитание сотрудников органов внутренних дел.

Итак, анализ первого периода показывает, что в это время осуществлялась разработка теоретических и методических аспектов проблемы патриотического воспитания в условиях развития советского общества, при этом проводились исследования, отражающие специфику данного направления воспитательной работы с различными группами граждан, в том числе и с военнослужащими. Практически все исследования данного этапа были построены в соответствии с существующей идеологией. Исследований, связанных с научной разработкой проблемы патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел, практически не было, хотя такая необходимость уже назрела.

Важным является и то, что к этому периоду в России уже сложилась государственная правоохранительная система.

В частности, к началу 90-х гг. XX века:

1) в России был накоплен богатый опыт патриотического воспитания различных возрастных категорий граждан;

2) сформировалась и устойчиво функционировала государственная система правоохранительных органов;

3) проблема повышения качества воспитательной работы, в том числе и патриотического

воспитания, в подразделениях ОВД приобрела особую актуальность в связи с изменением социально-политических и экономических условий в стране.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что исследуемая нами проблема в данный период не могла быть осознана и поставлена педагогическим сообществом в силу отсутствия социального заказа и понимания обществом и государством прямой зависимости от ее научного решения не только качества воспитательной работы в подразделениях ОВД, но и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в целом. Однако необходимо отметить, что, несмотря на незначительный исследовательский интерес к проблеме патриотического воспитания в подразделениях ОВД, патриотическое воспитание сотрудников осуществлялось достаточно интенсивно. Свидетельством этого является активное участие сотрудников ОВД в борьбе с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, поддержание правопорядка в стране в сложных послевоенных условиях и т.д. Патриотическое воспитание сотрудников ОВД осуществлялось представителями различных общественных организаций (комсомольских, партийных, профсоюзных и пр.).

Таким образом, данный период развития исследуемой нами проблемы, характеризовался: стабилизацией функционирования системы органов внутренних дел; недостаточностью общепедагогического интереса к проблеме патриотического воспитания сотрудников ОВД; отсутствием социального заказа на формирование патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел.

Второй период – с начала 90-х гг. XX в. до 2011 г. характеризуется следующим.

С обозначенного нами периода начался новый виток исследования теоретико-методологических аспектов данной проблемы, что обусловлено заменой прежних нормативов и ценностей новыми, отсутствием четко определенной обществу национальной идеи, ценностных ориентиров в духовно-нравственной, экономической, политической сферах. В этих условиях особенно остро встает вопрос о необходимости воспитания у граждан любви к Родине, верности Отечеству. Более того, особенно актуальной становится проблема патриотического воспитания у граждан, связанных с обеспечением стабильности в обществе и защитой государства – сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих.

В начале 1990-х гг. реорганизация институтов государства проходила в обстановке жесткой

идеологической кампании против КГБ, МВД и армии. В этот период произошло внешне малозаметное, но важное изменение всех правоохранительных органов (МВД, КГБ, суда и прокуратуры) – уход большей части квалифицированных кадров. К этому побуждали две причины: сильное давление прессы, которая дискредитировала эти органы, и быстрое относительное понижение зарплаты [1].

90-е годы XX века были отмечены усилением внимания государства к проблеме патриотического воспитания граждан, что нашло отражение в разработке официальных документов (Концепции военно-патриотического воспитания молодежи [4, с. 19] и др.).

В связи с этим в качестве социального заказа педагогической науке выступило создание новой теоретико-методологической базы для организации и осуществления патриотического воспитания граждан России.

Ответом на данный запрос стало проведение философско-педагогических исследований, посвященных различным аспектам данной проблемы. Так, в работах В.И. Лутовина, Ю.Н. Трифонова раскрываются философские основания патриотического воспитания молодежи в современной России, выявляется сущность и характеристики понятия «патриотизм».

В педагогических исследованиях этого периода (А.В. Беляев, А.С. Гаязов, В.Н. Мощенко, С.К. Пылев, Н.Н. Фролов и другие) патриотическое воспитание рассматривается в совокупности с проблемой гражданского воспитания, «по своей сущности данное направление более тесно связано именно с гражданским воспитанием, так как оно специфично связывается с понятием Отечество, государство, Родина, страна» [2, с. 85]. Соглашаясь с автором в том, что правильно организованное гражданское воспитание формирует доминирующее над узколичностными чувство патриотизма [2, с. 86], мы все же считаем возможным рассматривать патриотическое и гражданское воспитание как относительно самостоятельные, но взаимосвязанные направления воспитания.

Разработка общетеоретических основ патриотического воспитания дала толчок к осуществлению исследований, отражающих особенности патриотического воспитания у военнослужащих. В диссертационных исследованиях А.А. Крупника, И.И. Мельниченко, А.С. Рыбчинчука, Ш.Ш. Хайрулина и др. определяются сущность, содержание, формы и методы патриотического воспитания военнослужащих, курсантов военного вуза. При этом подчеркивается особая

важность данного направления воспитательной работы в формировании личности военнослужащего.

В 90-х годах XX века была разработана программа воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных учреждений МВД России [10].

Таким образом, в этот период были сформированы предпосылки развития проблемы патриотического воспитания в новых социально-политических условиях в России.

С 2000 года развитие проблемы патриотического воспитания сотрудников ОВД было продолжено. Этому способствовало принятие ряда нормативных документов (Концепция патриотического воспитания граждан РФ, Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 годы», «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы», «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011-2015 годы»), где определялись основные ориентиры осуществления патриотического воспитания граждан России.

С опорой на данные положения в рассматриваемый период получила свое научное развитие и собственно проблема патриотического воспитания сотрудников ОВД. Нормативную базу осуществления научных исследований по данному направлению составили: Концепция воспитания личного состава внутренних войск МВД России в современных условиях служебно-боевой деятельности, Приказы МВД России от 01 февраля 2007 г. № 120 «О комплексном реформировании системы воспитательной работы в ОВД», от 11 февраля 2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности ОВД РФ» [4; 6; 7].

Различные аспекты данной проблемы исследовались в работах В.В. Анциферова, В.В. Вахниной и В.П. Трубочкина, Г.П. Лебедева и других. В данных исследованиях раскрываются теоретические основания патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел (цель, задачи, содержание и т.д.); методические аспекты данного направления воспитательной работы.

Важную роль в развитии теории патриотического воспитания и формировании патриотизма как ее отдельного аспекта сыграли исследования А.А. Крупника, В.И. Лутовинова, В.В. Макарова и других.

Итак, анализ второго периода показывает, что в данный период осуществлялась исследование проблемы патриотического воспитания с учетом преобразований российского общества, при этом новую трактовку получили понятия

«патриотическое воспитание», «патриотизм». Также дальнейшее развитие получило данное направление воспитательной работы с такими категориями граждан, как военнослужащие, сотрудники ОВД. Однако существующие исследования по патриотическому воспитанию свидетельствуют о том, что обозначенная проблема на данный момент остается все же малоизученной.

Третий период (с 2011 г. до настоящего времени) связан с преобразованием института милиции в полицию. В качестве нормативной основы данных преобразований выступил Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8; 9]. В соответствии с Федеральным законом «О полиции» основными направлениями деятельности являются: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений и др. [8].

Согласно Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» основными принципами службы в органах внутренних дел являются: единоначалие и субординация (подчиненность) на службе в органах внутренних дел; обязательный профессиональный отбор и многое другое [9].

Остановимся подробно на требованиях, предъявляемых к служебному поведению сотрудника ОВД в профессиональной деятельности. Сотрудник органов внутренних дел должен: соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации; проявлять уважение, вежливость, тактичность по отношению к гражданам, в пределах служебных полномочий оказывать им содействие в реализации их прав и свобод; не допускать публичные высказывания, суждения и оценки; проявлять уважение к национальным обычаям и традициям, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп; выполнять служебные обязанности добросовестно [9].

С учетом произошедших изменений и повышения требований к сотрудникам ОВД перед педагогической наукой возникла новая проблема – поиска путей совершенствования воспитательной работы в подразделениях органов внутренних дел в целом и патриотического воспитания сотрудников как составной части этой системы.

Основой для решения данной задачи является Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» [3].

В педагогической науке в рамках этого периода пока еще нет серьезных научных исследований по проблеме патриотического воспитания сотрудников ОВД, однако свидетельством того, что интерес исследователей к данному аспекту воспитательной работы в подразделениях органов внутренних дел не уменьшается, что находит отражение в различных публикациях И.Б. Дорожкина, Н.А. Ефименко, С.М. Молокова, В.В. Сергеевой, С.Н. Филипченко и др.

Эти и другие нормативные акты и научные исследования дали новый импульс для развития теории и практики патриотического воспитания

сотрудников ОВД в новых условиях и обусловили необходимость выделения формирования патриотической культуры у сотрудников ОВД в самостоятельную проблему исследования, продуктивное решение которой связано с разработкой соответствующей педагогической воспитательной системы и выявлением условий ее эффективного функционирования.

Таким образом, третий этап становления исследуемой нами проблемы характеризуется: преобразованием института милиции в полицию; повышением требований к качеству воспитательной работы в подразделениях ОВД в целом и патриотического воспитания сотрудников как составной части данной системы; необходимостью проведения дальнейших исследований в области патриотического воспитания сотрудников ОВД в профессиональной деятельности.

Итак, проведение историографического анализа показало, что выбранная нами проблема является значимой для современного этапа развития теории профессиональной педагогики и требует исследования в теоретическом и экспериментально-практическом направлениях.

Примечания

1. Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. – Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 1999. – 704 с.
2. Гаязов А. С. Формирование гражданина: теория, практика, проблемы : моногр. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ «Факел», 1995. – 238 с.
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» : утв. постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795.
4. Концепция военно-патриотического воспитания молодежи. – М., 1998. – 27 с.
5. Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Полн. собр. соч.– М. : Политиздат, 1975. – Т. 37. – 246 с.
6. О комплексном реформировании системы воспитательной работы в органах внутренних дел : приказ МВД России от 01 февраля 2007 г. № 120.
7. О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД РФ от 11 февраля 2010 г. № 80.
8. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.
10. Об утверждении Программы воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных учреждений МВД России : приказ МВД России от 9 апреля 1997 г. № 215.

МАЗУР Марина Анатольевна, старший специалист (по воспитательной работе) группы морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом, межмуниципальный отдел МВД России «Ханты-Мансийский». E-mail: ruzam86@rambler.ru

MAZUR Marina Anatolievna, Senior Specialist (for education), group of moral-and-psychological support, Personnel Department, Intermunicipal Department of Khanty-Mansi Autonomous Area of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: ruzam86@rambler.ru

УДК 796.015.4

А.Ю. Сырников
А.У. Syrnikov

ПРОФИЛАКТИКА ТРАВМАТИЗМА НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ

В статье проанализированы физиологические, организационные, технические, методические, материальные, врачебные аспекты причин травматизма и методы его профилактики при занятиях любым видом двигательной деятельности на занятиях физической культурой и спортом.

Ключевые слова: травматизм, профилактика травматизма, физическая культура, занятия физической культурой и спортом.

INJURY PREVENTION AT THE PHYSICAL TRAINING AND SPORTS CLASSES

The article analyzes the physiological, organizational, technical, methodical, material and medical aspects of the causes and prevention of injury when doing any kind of motor activity in physical education and sports.

Keywords: injury, injury prevention, physical training, physical training and sports.

К сожалению, в научно-методической литературе вопрос профилактики травматизма на занятиях физической культурой и спортом остается крайне мало освещенным, о чем свидетельствуют исследования в данной области в нашей стране. Такие, исследования, если и ведутся, то довольно отрывочные и их результаты не попадают в сферу внимания общественности. Тем ценнее любая информация, которую удается найти по этой проблеме.

Спортивный травматизм, по разным источникам, составляет 2-5% от общего травматизма (бытового, уличного, производственного и др.). Некоторые разногласия в цифрах связаны с тем, что спортивный травматизм зависит как от травматичности спорта, так и от интенсивности занятий спортом опрошенных людей.

Травматизм в различных видах спорта неодинаков. Естественно, что чем больше людей занимаются тем или иным видом спорта, тем относительно больше в нем травм. Чтобы нивелировать различия в количестве занимающихся, можно рассчитывать число травм на 1000 занимающихся – это так называемый интенсивный показатель травматичности.

Другой способ выявить степень риска получения травмы в различных видах спорта, это рассчитать количество полученных травм на 1000 тренировок или соревнований (athlete-exposures). То есть одна тренировка или соревнование расценивается как одно «подвержение спортивному воздействию» – зарубежные исследователи наиболее часто используют именно этот коэффициент.

Независимо от вида двигательной активности на занятиях физической культурой и спортом существует общая профилактика травматизма, то есть правила, несоблюдение которых значительно повышает риск получить травму. Эти правила очень просты и логичны, но почему-то ими постоянно пренебрегают.

Внимательность и собранность. На тренировке необходимо думать только о ней, и ни о чем другом. Быть сосредоточенным на своих действиях, выполнении правильной техники и не отвлекаться на посторонние разговоры и мысли.

Знание техники безопасности. В каждом виде спорта есть свои правила техники безопасности, с которыми необходимо ознакомиться в первую очередь. Например, в борцовском зале нельзя сидеть спиной к коврику, в тренажерном зале тяжелые веса должны подстраховываться партнером и т.д.

Качественный инвентарь и покрытие зала. Плохо висящий мешок может при падении поломать ноги. Если у тренажера перетерт тросик – такой тренажер лучше обходить стороной, а ответственному за зал – сделать замечание. Следует обратить внимание и на наличие на татами осколков стекла, трещин, надрывов, рассоединений матов.

Правильная форма и обувь. Длинные, не по размеру штаны могут зацепиться за пальцы ног. Неправильная или некачественная обувь для бега может привести к болям в голеностопном суставе и колене.

Соблюдение правил личной гигиены.

Хорошая разминка и разогрев мышц – плохая разминка приводит к растяжениям связочного аппарата, уменьшает подвижность и амплитуду.

Правильное выполнение техники движений и приемов. При освоении нового упражнения обязательно начинайте с изучения правильной техники выполнения движения, не торопитесь увеличивать амплитуду, скорость удара или рабочий вес штанги. Пусть ваш организм освоит новое движение, его правильную биомеханику. Именно в силу не сложившегося механизма межмышечной координации при освоении новых упражнений могут происходить растяжения и разрывы мышц, связок и сухожилий.

Адекватный расчет своих сил и возможностей организма, а также соблюдение режима дня. При занятиях спортом после какой-либо иной нагрузки тренировку следует упростить до минимума. Также нужно знать о таком факте, как перетренированность, которая возникает из-за переоценки возможностей своего организма и чрезмерного упорства в занятиях спортом.

Старые травмы нужно долечивать до конца. После получения травм снижайте нагрузку до полного излечения, иначе возможно повторное травмирование.

Профессионально подготовленный тренерский состав. Тренер обязан ознакомить занимающихся с правилами техники безопасности, проверить состояние формы, состояние здоровья. Его обязанность – следить за всеми нюансами тренировки.

Нарушение методики тренировок. Если не соблюдать принцип последовательности и постепенности наращивания тренировочных нагрузок, то неизбежно получение травмы. Все изменения программы должны логично вытекать одно из другого. Необходимо также учитывать особенности телосложения, состояния здоровья, возрастные особенности, физическую подготовленность. Травмы возникают при внезапном увеличении частоты, продолжительности или интенсивности тренировки. Безопасным считается увеличение одного из компонентов на 5% без

внесения дополнительных изменений. Если один из компонентов увеличивается более резко, то возникает необходимость временных корректировок в одном или обоих оставшихся компонентах.

После тренировки обязательно требуется выполнить заминку. Заминка – это переходный этап от активной спортивной деятельности к состоянию покоя. Постепенное охлаждение призвано способствовать восстановлению нормального кровообращения. Растягивания, выполняемые во время заключительного этапа тренировки, способствуют развитию гибкости, а также могут предотвратить возникновение мышечной боли и усталости.

Врачебный контроль. При некоторых заболеваниях (если нет запрета на тренировки) должен быть набор ограничений на упражнения и интенсивность тренировок. Например, при головных болях, внутреннем черепном давлении, смещении мозга и т. п. нежелательны резкие наклоны головы, стойка на руках и акробатика и, разумеется, спарринги в контакт. Неверный подбор упражнений без учета состояния здоровья или поспешный допуск к тренировкам после перенесенных травм – верный путь к травме или ее рецидиву на более серьезном уровне. Например, подбор комплекса силовых упражнений без учета здоровья и гибкости позвоночника может спровоцировать ухудшение его состояния. Первое время необходимо уделять внимание исправлению осанки и увеличению гибкости, а затем уже включать в программу более сложные движения. Грубые нарушения спортивного режима также вносят свой вклад в возникновение травм.

Баланс между силой и гибкостью. Регулярная тренировка гибкости позволит уменьшить тугоподвижность мышц, улучшить координацию, увеличить амплитуду движения в суставах. Тренировка силы может снизить риск небольших мышечных травм, поскольку более сильные мышцы лучше противостоят нагрузкам. Помимо укрепления мягких тканей (мышц, сухожилий, связок), тренировка силы повышает прочность костей, связок и суставов, тем самым повышая сопротивляемость механическим повреждениям.

Примечания

1. Башкиров В. Ф. Профилактика травм у спортсменов. – М. : Физкультура и спорт, 1987. – 176 с.
2. Вейкфилд Б. Стресс и спортивное плавание ; пер. А. Р. Воронцова— // Плавание : информ.-метод. сб. Всероссийской федерации плавания. – М., 1998.
3. Гладков В. Н. Некоторые особенности заболеваний, травм, перенапряжений и их профилактика в спорте высших достижений. – М. : Советский спорт, 2007. – 152 с.
4. Девятова М. В. Лечебная гимнастика при поясничном остеохондрозе. – СПб. : Союз, 2001.

5. Дембо А. Г. Причины и профилактика отклонений в состоянии здоровья спортсменов. – М. : Физкультура и Спорт, 1981. – 120 с.
6. Дойзер Э. Здоровье спортсмена / пред. Г. П. Воробьева ; пер. с нем. – М.: Физкультура и Спорт, 1980. – 136 с.
7. Дусмуратов М. Д., Епифанов В. А. Восстановительное лечение больных с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата. – Ташкент : Медицина, 1984. – 155 с.
8. Ильин Е. П. Психофизиология физического воспитания (деятельность и состояния) : учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1980. – 199 с.
9. Меннегетти А. Психосоматика ; пер. с итал. Славянской ассоциации онтопсихологии. – М. : ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 328 с.
10. Руководство по кинезотерапии / под ред. Л. Бонева и др. // Медицина и физкультура. – София, 1978.
11. Шубик В. М., Левин М. Я. Иммунологическая реактивность юных спортсменов. – М. : Физкультура и Спорт, 1982. – 136 с.
12. Юмашев Г. С., Епифанов В. А. Оперативная травматология и реабилитация больных с повреждением опорно-двигательного аппарата. – М. : Медицина, 1983. – 383 с.

СЫРНИКОВ Анатолий Юрьевич, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: pspo.sdiu@mail.ru

SYRNIKOV Anatoly Yurievich, Assistant Professor of Social Studies and Management Chair, South Ural State University (NRU), Candidate of Pedagogics. E-mail: pspo.sdiu@mail.ru

УДК 37.01

З.Р. Танаева
Z.R. Tanaeva**КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ВПО**

В статье анализируются понятия «компетентность» и «компетенция» с учетом требований ФГОС ВПО, выделяются компоненты, характеризующие компетентность сотрудника правоохранительного органа. Рассматриваются способы формирования компетенций у будущих юристов, предлагается решение проблемы оценки уровня освоения компетенций.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, компетентность сотрудника правоохранительного органа, активные и интерактивные формы проведения занятий, оценка компетентности.

**COMPETENCE APPROACH TO LAW ENFORCEMENT
OFFICERS' TRAINING IN THE LIGHT OF REALIZING THE FEDERAL STATE
EDUCATIONAL STANDARD OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION**

This article analyzes the concepts of "competence" and "competency" taking into account the requirements of the Federal state educational standards of higher professional education; the main components are singled out characterizing the law enforcement officers' competence. Methods of future lawyers' competence forming are considered; the solution for the problem of assessing the level of competences are proposed.

Keywords: competence, competency, law enforcement officers' competence, active and interactive forms of classes conducting, competence assessment.

В настоящее время ключевым моментом при переходе на уровневую систему высшего профессионального образования является введение компетентностного подхода к подготовке выпускников. Компетентностный подход широко опирается на такие понятия, как компетентность и компетенция. Несмотря на актуальность и широкое использование термина «компетентность» в современной науке и практике, существует множество различных подходов к его пониманию и использованию. Так, Ю.К. Бабанский, Н.В. Кузьмина, Н.Д. Левитов, В.А. Сластенин и другие ученые определяют компетентность как устойчивую характеристику личности, синтез ее свойств и одновременно как психическое состояние, как активное состояние личности, вызывающее деятельность; как следствие деятельности; как качество, определяющее установки на профессиональные ситуации и задачи, а также как предпосылку целенаправленной деятельности, ее регуляции, устойчивости, эффективности и как форму деятельности субъекта, которая включается в общий поток его действий [3, с. 186]. Э.Ф. Зеер определяет компетентность как глубокое доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств достижения намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков, совокупность знаний, позволяющих судить о чем-либо со знанием дела [1].

Развитие компетентности тесно связано с идеей самоусовершенствования, саморазвития, самообразования личности, ибо обеспечивает качество информированности личности, освоения им модели практической деятельности, увеличение благодаря этому степеней свободы. Иными словами, самообразование, по мнению Я.А. Пономарева, Г.П. Щедровицкого и других, есть наиболее продуктивное средство углубления социальности человека, а это возможно вследствие наращивания своих способностей, усиления воли, характера [3, с. 188]. Саморазвитие и компетентность чрезмерно связаны между собой: с одной стороны, компетентность – целенаправленная деятельность, точка дальнейшего продвижения личностного саморазвития; с другой – чем более высок уровень саморазвития человека, тем выше уровень притязаний личности, ценного восприятия мира, собственных возможностей, все более точное и адекватное самовосприятие, все более искреннее и многостороннее самоуправление и, как следствие, – мотивированного саморазвития личности, ее компетентности в саморазвитии, актуализации потребностей в ее становлении [6].

На основе проведенного анализа научной литературы и практического опыта выделяем три компонента, характеризующих компетентность сотрудника правоохранительного органа:

познавательный, поведенческий, ценностный. Первый компонент включает в себя совокупность методологических, теоретических и практических правовых и специальных знаний. Поведенческий компонент выражает степень владения правовыми и специальными знаниями и умениями; способность к самоуправлению; готовность и стремление к практической деятельности. Ценностный компонент представляет собой профессиональное правосознание; социальную активность, направленную на эффективную борьбу с преступностью. Таким образом, компетентность сотрудника правоохранительного органа определяем как интегративное качество личности, характеризующееся наличием и степенью сформированности у будущего юриста общекультурных и профессиональных компетенций; профессионально-творческими мотивами и интересами, позволяющими достигать качественных результатов в борьбе с преступностью, а также обеспечивающими личностный рост обучающегося и его возможности в саморазвитии и самореализации.

Суть понятия «компетенция» заключается в его комплексном характере – интеграции знаний, умений, ценностей, установок и отношений, которые являются равнозначно важными для осуществления профессиональной деятельности. В нашей реалии компетенции – это «общая способность специалиста мобилизовать в профессиональной деятельности знания, умения и навыки, а также обобщенные способы выполнения действий, обуславливающие способность действовать самостоятельно и ответственно в рамках компетентности» [2, с. 9], то есть определенное требование к подготовке специалистов, а компетентность – степень освоения данной компетенцией. Переход на образовательные стандарты третьего поколения вызывает особый интерес к поиску наиболее эффективных организационно-содержательных подходов к формированию профессиональных и общекультурных компетенций студентов юридических вузов.

В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр», «бакалавр») [4; 5] реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разборов конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, результатов

работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций, игровых судебных процессов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов.

Кроме этого, одной из основных активных форм формирования профессиональных компетенций у магистров является семинар, продолжающийся на регулярной основе не менее двух семестров, к работе которого привлекаются ведущие исследователи и специалисты-практики, и являющийся основой корректировки индивидуальных учебных планов магистра.

Следующим направлением формирования компетенций является практика – обязательный раздел основной образовательной программы бакалавриата и магистратуры. Практики проводятся в сторонних организациях, студенческих правовых консультациях (юридических клиниках) или на кафедрах вуза, обладающих необходимым кадровым и научным потенциалом.

Научно-исследовательская работа обучающихся является обязательным разделом ООП магистратуры и направлена на формирование общекультурных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО и ООП вуза [5].

Таким образом, в стандартах устанавливаются возможные пути формирования компетенций в учебном процессе. Построение образовательного процесса подготовки сотрудников правоохранительных органов на основе компетентностного подхода предполагает постановку образовательных целей в контексте развития у студента способности самостоятельно решать проблемы в сфере правоохранительной деятельности; отбор содержания профессиональной подготовки в образовательном процессе; оценка достигнутых результатов, которая предполагает альтернативу проверке нормированных содержательных единиц – оценку компетентности.

Основной проблемой реализации компетентностного подхода, на наш взгляд, является проблема оценки уровня освоения компетенций. Практически любая компетенция формируется в результате изучения нескольких дисциплин. В связи с этим важнейший компонент компетенции – интеграция в единое целое усвоенных студентом знаний, действий, способов и приемов профессиональной деятельности. Проблема

заключается в том, что учебный процесс в вузе строится по кафедральному принципу, следовательно, оцениваются отдельные компоненты компетенций. В настоящее время дисциплинарный подход является основой функционирования системы образования. В то же время решение проблемы лежит в междисциплинарной плоскости. Считаем, что необходимо использовать механизмы гармонизации интегративного и традиционного подходов к содержанию профессионального образования. Так, дисциплины специализации, построенные на междисциплинарной основе, способны решить задачу комплексного формирования общекультурных и профессиональных компетенций. Кроме этого, целесообразно проведение практических занятий преподавателями нескольких смежных дисциплин.

Для объективной оценки компетенций выпускника тематика экзаменационных вопросов и

заданий должна быть комплексной и соответствовать избранным разделам из различных учебных циклов, формирующих конкретные компетенции. На наш взгляд, задания на проверку усвоения необходимого объема информации в ходе текущего и итогового контроля также должны носить комплексный практикоориентированный характер.

Хотелось бы также отметить, что основной задачей при компетентностном подходе к обучению является применение объективной системы оценки уровня освоения компетенций. В связи с этим необходимо разработать фонды оценочных средств, включающих в себя методические и оценочные материалы, методики, предназначенные для определения уровня соответствия достижений обучающихся выделенным образовательными стандартами компетенциям.

Примечания

1. Зеер Э. Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование : моногр. – Екатеринбург : Урал. гос. проф.-пед. ун-т, 1998. – 146 с.

2. Казарцева Г. А. Организация модульного обучения: в помощь преподавателям образовательных учреждений МВД России и центров профессиональной подготовки: учеб.-метод. пособие ; под общ. ред. В. А. Иоголевича. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2009. – 143 с.

3. Никитина Е. Ю. Теория и практика подготовки будущего учителя к управлению дифференциацией образования : моногр. – Челябинск : ЧГПУ, 2000. – 285 с.

4. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») : приказ Минобрнауки РФ от 4 мая 2010 г. № 464.

5. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр») : приказ Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763.

6. Понарина С. П. Становление готовности будущих учителей к педагогическому управлению в процессе высшего педагогического образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Хабаровск, 1998. – 22 с.

ТАНАЕВА Замфира Рафисовна, заведующий кафедрой социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), доктор педагогических наук. E-mail: zamfira-t@yandex.ru

TANAeva Zamfira Rafisovna, Head of the Chair of Social Studies and Management Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Doctor of Pedagogics. E-mail: zamfira-t@yandex.ru

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34.01

Н.П. Герасимова
*N.P. Gerasimova***ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Автором приводятся различные точки зрения ученых о толковании понятия «правоотношение», природе возникновения правоотношений, и делении их на виды. Анализируется классификация правоотношений. Высказана авторская позиция о существующих противоречиях в возникновении и развитии правоотношений.

Ключевые слова: правоотношение, базисные (экономические) отношения, правовая норма, объективное право, противоречия.

LEGAL RELATIONS: ORIGIN, FUNCTIONING AND DEVELOPMENT

The article gives various points of view on the interpretation of scientific concept of «legal relations», their nature and types. The classification of legal relations is analyzed. The author's viewpoint on the existing contradictions in the origin and development of legal relations is expressed.

Keywords: legal relations, basic (economic) relations, legal norm, objective law, contradictions.

Проблема теории правоотношений носит дискуссионный характер, прежде всего это касается фундаментальных вопросов понятия и строения правоотношений.

В юридической литературе обращается внимание на то, что исторически право появилось первоначально как система правоотношений, совокупность прав и обязанностей, которые затем нашли отражение в юридических нормах. Так, власть отца в Древнем Риме складывалась как совокупность правоотношений: агнатское наследование (по подвластности домовладения), маниципация (специальный обряд передачи собственности на землю, рабов, рабочий скот). В древности в англосаксонских правовых системах судьи разрешали отдельные случаи на основе судебного прецедента, а позднее законодатель формулировал в нормативном акте юридическую норму как некоторую абстракцию, исходившую из фактических правоотношений, одобряемых правосознанием. Так, в ст. 8 Закона Хаммурапи предусмотрены штрафы за кражу вола, овцы, осла, ладьи и ничего не сказано о штрафах в других случаях краж. Ранним юридическим памятникам: Законам Хаммурапи, Салической Правде, Русской Правде – свойственна казуистичность, исходящая из фактически сложившихся правоотношений.

Необходимо отметить, что исторически и логически правоотношения предшествуют юридическим нормам или праву в законе. Данная ситуация имеет место и в современных условиях. Так, в посттоталитарных государствах в качестве

одного из принципов для граждан признан принцип: «Разрешено все, что не запрещено законом». В экономической, а также в других сферах возникают многочисленные правоотношения, не предусмотренные юридическими нормами. Так, в ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей обычаи делового оборота в любой области предпринимательской деятельности закрепляется возможность возникновения правоотношений до применения закона в силу общих начал и смысла гражданского законодательства, чем оправдывается существующая реальность.

Так, Г.Ф. Шершеневич в своих исследованиях пользуется термином не «правовое», а «юридическое отношение». Он обосновывает это тем, что юридическое отношение есть та сторона бытового, жизненного отношения между людьми, которая определена нормами объективного права. По мнению ученого, «не все отношения в которых состоит человек, могут иметь юридическую сторону... Право – это явление социальное, и потому юридическим можно назвать только отношение человека к человеку. Следовательно, приходится «признать неправильным мнение тех, которые готовы признавать юридические отношения к вещи, как, например, в праве собственности, отношение человека к объективному праву, отношение человека к субъективному праву... Не все социальные отношения могут быть юридическими. Отношения способны принять юридический характер, когда речь идет об

актах поведения, и отношение не поддается праву, когда дело касается мыслей и чувств, а не отражающих их действий» [10, с. 168].

«Определяя человеческую деятельность, юридические нормы придают существующим между людьми отношениям особый характер, превращая их из фактических отношений в юридические. Раз человек руководствуется в своей деятельности юридическими нормами, его отношение к другим людям определяется не тем, что представляется ему фактически возможным в каждом отдельном конкретном столкновении с ними, а тем, как разграничивает их интересы право. Определяемые юридическими нормами, взаимные отношения людей складываются из соответствующих друг другу и друг друга обуславливающих права и обязанности.

Разграничивая сталкивающиеся интересы, юридическая норма, во-первых, устанавливает пределы, в которых данный интерес может быть осуществляем, – это право; во-вторых, устанавливает в отношении к другому сталкиваемому с ним интересу соответственные ограничения – это обязанность. Отношение, слагающееся из права и обязанности, и есть юридическое отношение», – писал известный русский юрист Н.М. Коркунов [9, с. 762–763].

Важным и актуальным направлением исследований является диалектика становления, функционирования и развития правоотношений. Данный вопрос требует различных подходов. Здесь следует исходить из основ диалектики.

Правоотношения находятся в тесной и органической взаимосвязи с иными общественными явлениями. Эта взаимосвязь предопределяется материальным единством мира, общества. Наиболее тесно правоотношения связаны с теми общественными отношениями, которые подвергаются правовому регулированию и входят в его предмет и пределы. Общественные отношения во многом предопределяют природу правоотношений, характер и направленность их становления и развития. Влияние на правоотношения оказывают различные общественные, экономические отношения, а также политическая и духовная сферы. На целесообразность правового воздействия на те или иные отношения могут влиять такие факторы, как мораль, гуманность. Кроме того, границы действия права достаточно подвижны. Жизненные условия и обстоятельства в ходе исторического развития общества меняются, и то, что вчера не регулировалось правом, сегодня становится его объектом (например, вопросы экологии). Некоторые общественные отношения возникают по воле конкретных лиц,

другие являются объективными связями. Эти социальные связи с течением времени изменяются, появляются новые общественные отношения, и в определенных обстоятельствах конкретное общественное отношение может попасть в сферу государственных интересов, в таком случае на него воздействует право и оно становится правовым отношением.

В научной литературе подчеркивается мысль, что правовые отношения – это особый вид идеологических отношений, зависящих от материальных, базисных отношений. Такая зависимость проявляется, во-первых, в том что регулируемые правом волевые общественные отношения обуславливаются базисными отношениями; во-вторых, нормы права, выступающие важнейшей предпосылкой правоотношения, также в конечном счете зависят от базисных (экономических) отношений. Вот почему правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни [3, с. 6].

Правоотношения могут создаваться непосредственно государством и правом, вне возникновения общественного отношения, т. е. в обществе существует только потребность в создании такого общественного отношения. Тем самым, право выполняет активную роль, создавая новое отношение. Это имеет место не только в процессуальной сфере, но и в других областях жизни общества.

Становление правовых отношений возникает из уже сложившихся общественных отношений. В ходе человеческой жизнедеятельности общественные отношения развиваются, и на определенном этапе своего развития появляется необходимость их перехода в иное качество – в правоотношения. Посредством правового регулирования государство и право оформляет это общественное отношение. В связи с этим основаниями становления подобного правоотношения выступают общественные отношения и правовая норма, которая их регулирует.

Средством перевода общих установлений юридической нормы (объективное право) в конкретные субъективные права и обязанности сторон (субъектов) правоотношений. Специфика этого вида правоотношений состоит в том, что с их возникновения для одних лиц (управомоченных) открывается предусмотренная юридическими нормами и обеспеченная государством возможность использовать в своих интересах и целях поведения других лиц (обязанных), для которых соответствующее поведение становится

общественно необходимым, то есть законоотнoшением.

В свою очередь, правоотношения активно воздействуют на общественные отношения, вызывают в них изменения, стимулируют или, наоборот, сдерживают их развитие.

Правоотношения тесно взаимодействуют и с другими элементами юридической надстройки, главным образом с государством и правом, которые оказывают существенное влияние на процесс становления и функционирования правовых отношений. Правоотношение определяется как охраняемое государством волевое индивидуализированное общественное отношение, участники которого связаны взаимными, корреспондирующими юридическими правами и обязанностями [7, с. 128].

По мнению И. Сабо, понятие права поглощается понятием правоотношения: «Право, – пишет он, – нельзя рассматривать лишь как абстрактное отражение общественных отношений в виде норм, а оно есть единство этих норм и их реализации» [8, с. 237].

Правоотношения, которые возникают только как правовые, например конституционные, процессуальные, уголовные и некоторые другие, в другом качестве существовать не могут. Именно подобные правоотношения по форме и содержанию, то есть в «в чистом виде», представляют собой действительно самостоятельный вид и тип общественных отношений, порождая новые связи. Лишь в этом смысле можно сказать, что право «творит» общественные отношения, порождая новые связи» [5, с. 511].

Н.М. Марченко придерживается мнения, что конституционные правоотношения являются самостоятельным видом или типом, а не формой, общественных отношений, возникающих по поводу организации внутригосударственной жизни и осуществления государственной власти, и считает, что принятие, изменение или отмена Конституции и иных конституционных нормативных правовых актов выступают не как следствие изменений, происходящих в обществе и государстве, а как причина. А это далеко не так, поскольку правоотношения, возникающие на основе норм конституционного права, не порождают фактические отношения, а лишь опосредуют, закрепляют и регулируют их [4, с. 638–639].

Следует отметить, что некоторые авторы обшие предпосылки именуют социальными и понимают под ними только фактические отношения и связи, возникающие в обществе и объективно требующие юридического закрепления [1, с. 129].

Так, Ю.И. Гревцов определяет правоотношение как «специфическую форму социального взаимодействия субъектов права с целью реализации интересов и достижения результата, предусмотренного законом или не противоречащего закону, а также иным источникам права» [6, с. 279].

Правоотношения постоянно развиваются. В.И. Ленин подчеркивал, что общественные явления необходимо рассматривать «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [2, с. 67].

Возникшие правоотношения развиваются, претерпевая различные изменения. Под воздействием разнообразных объективных и субъективных факторов происходят процессы, которые влияют на качественные и количественные изменения правоотношений. Изменяются субъективные права, юридические обязанности, меняются сами субъекты правоотношений, их интересы, потребности, уровень знаний, затрагивая как юридические, так и фактические свойства их содержания. Развитие не исключает и прекращения правоотношений.

В зависимости от характера общественного отношения, от видовых особенностей правовых норм различают два пути возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Правоотношение может возникнуть сразу с момента введения нормы в действие и существовать, функционировать до ее отмены. Изменения в конкретных правоотношениях тесно связаны с изменениями правовых норм, в случае нормы постоянного действия. Если нормы периодического действия, то для возникновения правоотношения необходима не только правовая норма, но и наличие юридических фактов или фактического состава.

Правоотношения могут развиваться как прогрессивно, так и регрессивно. Прогрессивное развитие предполагает создание качественно нового, более совершенного правового отношения, которое носит постоянный характер. Регресс правоотношений имеет ограниченные временем рамки. Причина регрессивных деформаций в становлении, функционировании и развитии правоотношений может быть различной. Неэффективность методов, используемых для преодоления причин их возникновения может носить негативный характер.

С другой стороны, правоотношения характеризуются четко выраженной устойчивостью и нормативностью. В отличие от других общественных

отношений нормативность правоотношений более значительна и может оказывать существенное воздействие на фактическую, поведенческую сторону отношения. Характер воздействия во многом зависит от правового регулирования общественных отношений. Если нормы права не соответствуют объективным закономерностям и состоянию общественного отношения, противоречат правовым установкам, то результатом может быть разрушительное начало в правоотношениях. Следует отметить, что нормативность правоотношений зависит не только от одной нормы, которая непосредственно регламентирует данное отношение. Она определяется всеми правовыми нормами (и не только правовыми), которые в той или иной степени регулируют ту или иную сферу общественных отношений.

Возникновение, функционирование и развитие правоотношений носят противоречивый характер. Противоречия в правоотношениях выступают частью общественных противоречий. Они имеют общее с общественными противоречиями и обладают особенностями, сохраняя относительную самостоятельность. Таким образом, противоречия в правоотношениях выступают как отношения действия и противодействия между их элементами.

Противоречия могут быть обусловлены противоречиями в экономических, социально-политических, духовных процессах. Однако следует отметить, что правоотношения не лишены собственных противоречий. Одно из основных существенных противоречий в правоотношениях возникает, когда, с одной стороны, правоотношения характеризуются нормативно-правовой регламентированностью, а с другой – наличие постоянно развивающегося общественного отношения с реальными субъектами, обладающими собственными интересами и потребностями. Такое противоречие в основе заставляет правоотношения развиваться, совершенствоваться. Противоборство двух этих противоположностей ведет к их взаимному развитию, обострению и разрешению данного противоречия.

Наряду с основными противоречиями существуют и другие, имеющие объективный характер. В частности, существуют противоречия между юридическими и фактическими сторонами содержания правоотношения. Случайные противоречия не выражают внутренней природы

правоотношений. Они являются следствием разнообразных обстоятельств, ошибочных действий со стороны правотворческих органов, правоприменительных органов, иных субъектов правоотношений. Существуют противоречия прогрессивного и негативного характера. Прогрессивные противоречия содействуют росту и развитию, выступают движущим началом прогресса правоотношений и всего общества. Противоречия негативного характера являются следствием влияния как объективных, так и субъективных факторов. Необходимо своевременно выявить негативную возможность и нейтрализовать ее реализацию. В противном случае данное противоречие может разрушить любое правовое отношение. Процесс преодоления, разрешения противоречий в правоотношениях должен носить постоянный, непрерывный характер.

Прогрессивные противоречия разрешаются в форме их познания и использования для дальнейшего развития.

Исследование противоречий в правоотношениях тесно связано с проблемой противоречивости данных отношений, которая проявляется в следующих аспектах:

во-первых, имеют место противоречия между сущностью, содержанием и формой самого правоотношения. Противоречие состоит в том, что содержание правоотношений непрерывно развивается, изменяется, а их форма, как относительно устойчивая система, остается неизменной;

во-вторых, правоотношения могут вступать в противоречия с экономическими, социально-политическими и духовными процессами в обществе. Подобные противоречия чаще всего возникают между материальными общественными отношениями и правовыми нормами, которые ошибочно их регулируют;

в-третьих, отдельные элементы правоотношений могут вступать в противоречие с правом, его нормами и принципами, а также с другими элементами правовой реальности.

Несогласованность нормативных предписаний, неэффективность, расплывчатость, неоптимальность приводят к противоречиям в самих правоотношениях и, как следствие, к противоречиям между правом и правоотношениями. Таким образом, противоречия пронизывают весь процесс возникновения, функционирования, развития правоотношений.

Примечания

1. Бабаев В. К., Баранов В. Н., Толстик В. А. Теория права и государства в схемах и определениях : учеб. пособие. – М. : Юристь, 2002. – С. 129.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 39. – С. 67.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. – 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. – Т. 13. – С.6.
4. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. – М. : Проспект, 2001. – С. 638–639.
5. Матузов Н. И. Правовые отношения // Теория государства и права : курс лекций ; под ред. Н. И. Матузова и А. Б. Малько. – М. : Юристь, 2000. – С. 511.
6. Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс в 2-х томах / В. В. Борисов, Н. В. Витрук, Н. Л. Гранат, Ю. И. Гревцов и др. – М.: Зерцало, 1998. - 640 с.. Т. 2. С. 279.
7. Протасов В. Н. Теория права и государства. – М., 2001. – С. 128.
8. Сабо И. Основы теории права. – М., 1974. – С. 237.
9. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : хрестоматия. – М., 1998. – С. 762–763.
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М., 1995. – Т. 2. – С. 168.

ГЕРАСИМОВА Нина Павловна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pspo.gigpd@mail.ru

GERASIMOVA Nina Pavlovna, Assistant Professor of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: pspo.gigpd@mail.ru

УДК 342.5:93

В.С. Кобзов
V.S. Kobzov

ПОГИБЛИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ... И ЗА ИСПОЛНЕНИЕ

Автор приводит подкрепленные архивными документами исторические данные о сотрудниках дореволюционной уральской полиции, погибших при исполнении служебных обязанностей, а также о репрессиях, проводимых после октябрьской революции новой властью в отношении бывших полицейских.

Ключевые слова: уездный полицейский исправник, городской, правила несения службы, рапорт, репрессии, судебные процессы.

KILLED ON DUTY... AND FOR DUTY

The author cites the historical data about the Ural pre-revolutionary police officers supported by the archive documents, who were killed on duty, as well as about repression carried out after the October Revolution by the new government against former police officers.

Keywords: county police officer, towns police officer, rules of service, report, repression, lawsuit.

В силу специфики своей профессии сотрудники правоохранительных органов России всегда находились в зоне повышенной опасности. Эти особые условия их службы исторически обусловлены двумя факторами – нигилистическим отношением определенной части граждан к Закону, с одной стороны, и пренебрежением к соблюдению установленных правил и инструкций самими правоохранителями – с другой. Причем, архивные материалы, периодически выявляемые в местных хранилищах, бесстрастно свидетельствуют, что нарушения правил несения службы для отечественных полицейских являлись делом вполне обычным. Относится это утверждение в равной степени как к дореволюционным служителям закона, так и к их преемникам – советским милиционерам и современным российским полицейским.

Одним из наиболее ярких свидетельств в этом плане является случай убийства криминальными элементами нескольких служителей правопорядка Оренбургской губернии. Это небывалое прежде происшествие буквально взбудоражило жителей края [14], в котором в первое время после отмены крепостного права совершалось в год не более 10–15 убийств [7]. Стремительно нарастающий прогресс и вызванная им активизация политической жизни, безусловно, внесли свою лепту в криминогенную обстановку начала XX века. Статистика насильственных преступлений пошла в гору, однако преступления против сотрудников полиции по-прежнему оставались редким явлением.

Из ряда вон выходящее событие произошло в уездном городе Троицке в начале ноября 1910 года. На стол уездного полицейского исправника статского советника Н.Г. Васильева лег рапорт

пристава 2-й части города, в котором говорилось об исчезновении нескольких его подчиненных, не появляющихся на службе третий день подряд. Сам по себе случай манкирования служебными обязанностями являлся серьезным должностным проступком, грозившим лицу, его совершившему, серьезными санкциями [16]. Начатым расследованием было установлено, что все трое исчезнувших городских занимались проверкой сообщения о причастности к ряду прокатившихся по уезду нападений на владельцев магазинов и краж из сельских лавок разнообразных товаров. Причем, в сообщении негласного агента указывалось что краденые товары были перевезены для сбыта в дом троицкого мещанина Даутова. Семья Даутовых давно уже находилась в поле зрения полиции, однако все попытки доказать ее причастность к криминальному миру, по разным причинам заканчивались провалами. В связи с этим старший городской Сычев решил сразу же проверить сообщение и наконец-то задержать подозреваемых с уликами на месте.

На задержание возможного преступника городской отправился в одиночку и пропал. Прибывшие в дом братьев Даутовых полицейские обнаружили многочисленные следы разыгравшейся здесь драмы. Как отмечалось в протоколе осмотра места происшествия: «...в комнатах на полу и на дверях капли крови, на медных подносе и тазу также кровь. Во дворе на земле также во многих местах кровь, такие же брызги крови обнаружены на наружных ступах дома, на воротах и на заборе, причем, на последнем найдены кровавые отпечатки пальцев» [4].

После проведенного опроса жителей прилегающих домов удалось выяснить, что днем

раньше усадьбу братьев Даутовых посещали еще двое городских – Данилов и Канаев, которые так же исчезли. Тщательный осмотр показал, что в доме совершено тройное убийство, однако ни тел, ни вещей убитых на месте обнаружено не было. Скрылись и подозреваемые.

Семья Даутовых, состоявшая из пятерых мужчин и семи женщин, пользовалась в городе дурной славой. Глава семьи Гатаулла Даутов за совершение тяжкого преступления был осужден к отбыванию каторжных работ. Его сыновья: Сабиржан, Мухумжан, Галимжан и Мухамеджан имели большой вес в преступном мире и считались «отморозенными», т. е. готовыми на любые действия насильственного характера. Женщины занимались сбытом краденого и служили прикрытием при совершении ограблений и разбойных нападений. Но полицейским за все время нахождения клана Даутовых в разработке, задержать их не удавалось. Преступники каждый раз уходили от облав, скрываясь на заимках и в кочевьях соседнего Кустанайского уезда.

Исчезли подозреваемые и на этот раз. Начались поиски, в ходе которых 11 ноября 1910 года в старом колодце заброшенной заимки были обнаружены тела трех городских. На убитых отсутствовала форменная обмундировка и оружие, которое преступники полагали использовать для совершения других преступлений. По этой причине поиски подозреваемых приняли еще более интенсивный характер.

Принятые полицией меры вскоре принесли желаемые результаты. Двое из разыскиваемых братьев были ликвидированы при задержании, третий, Мухамеджан, арестован казаками в поселке Варненском [12]. О четвертом брате, причастном к убийствам городских, и его поделнике Ситникове, было получено сообщение, что они проживают в одном из постоянных дворов Челябинска. На задержание преступников 1 декабря из Троицка прибыли пристав 2-й части Чикрызов [3] и младший городской Сушков

Приехав в Челябинск, Чикрызов совершил ошибку, не сообщив о цели своего приезда уездному исправнику М.И. Новосельцину и приставу 1-й части И.П. Лепихину. За помощью же он обратился к полицейскому надзирателю 1-й части А.А. Мордвинцеву, который на задержание взял с собой городского Соколова. Городовой зашел в околоток случайно, поэтому не имел оружия. На время задержания Соколов взял револьвер у другого сотрудника.

Здесь была допущена вторая ошибка – незнакомое оружие, тем более приобретающееся по причине дороговизны у сомнительных производителей,

могло в нужное время подвести. Городовой Соколов оружия не проверил и спокойно отправился на место проведения задержания.

Третий просчет Чикрызова заключался в нарушении инструкции, предписывавшей полицейским проводить предварительную подготовку силового задержания.

Тем не менее, группа полицейских и информатор, прибыли к постоялому двору Гервека, что располагался по Мастерской улице. Информатор указал, в каком номере остановились разыскиваемые. Пристав Чикрызов без промедления сразу же бросился в указанный номер, за ним последовал полицейский надзиратель Мордвинцев. В номере оказались двое мужчин и женщина. Один, как позднее было установлено, был некто Ситников, другой – разыскиваемый Даутов. Оправившись от шока, вызванного неожиданным появлением полицейских, преступники набросились на них. В первую очередь они попытались отобрать револьвер у Мордвинцева, а когда тот произвел предупредительный выстрел, бросились бежать.

Увидев убежавшего, находившийся во дворе городской Сушков выстрелил в Ситникова, но промахнулся. Ответный выстрел преступника оказался точнее – пуля попала в грудь пристава. Стоявший рядом Соколов попытался применить оружие против второго убежавшего, но дешевый револьвер системы «велодог», дал осечку [19]. В итоге смертельно раненого Чикрызова увезли в городскую больницу, где он через час скончался. Преступники же благополучно ушли. Задержать удалось лишь женщину.

Причиной гибели пристава Чикрызова стали два фактора – презрение к закону со стороны криминалитета и нарушение полицейским инструкции по задержанию преступников. Впрочем, как позднее стало известно, трое погибших в Троицке городских, также допустили грубейшие нарушения всевозможных инструкций.

За долгие годы мы привыкли к констатации сухих фактов, оставляя вне поля внимания личности, их предшествующую жизнь и последующую судьбу. Не стали исключением и фигуранты нашего дела. Пристав Чикрызов, старший городской Сычев, городские Данилов и Канаев. Должности, фамилии... А кто они, погибшие при исполнении? Забыты, словно никогда и не являлись на этом свете.

За долгие годы занятия историей, пришлось неоднократно убеждаться в том, что информация как таковая живет своей жизнью и никогда не исчезает бесследно. Просто ее нужно найти. Необходимо желание, время, иногда финансовые затраты. Так и в данном деле. Путем длительных

поисков удалось восстановить часть необходимых сведений. Сохранившаяся далеко не полная подшивка политико-общественной, литературной, бытовой и экономической, беспартийной газеты «Казак» за 1910–1913 годы, и справочные книжки Оренбургской губернии позволили дать ответ на некоторые вопросы.

Оказалось, что пристав Чикризова звали Степаном Васильевичем. Основное время его служебной карьеры пришлось на Оренбург, где он занимал должность помощника пристава 2-й части города [1, с. 28]. Он был «не имеющим чина», проще говоря, классным чиновником не являлся, что напрямую сказывалось на размере его денежного содержания. Семья пристава была многодетной, поэтому получаемого жалования было недостаточно для ее содержания. Добросовестного служаку выдвинули на должность пристава уездного Троицка, куда он прибыл в конце 1908 года. Из его пятерых детей старший сын был устроен в местную мужскую гимназию, двое младших определены в начальное училище, младшие дочери находились на попечении матери. Казалось, что все складывалось лучшим образом, но внезапная гибель пристава разрушила семейное благополучие.

Известие о гибели пристава вызвало в городе бурную реакцию. Жители города искренне скорбили по поводу его трагической гибели. Как писала местная газета: «4 декабря в Троицк привезено для погребения тело покойного пристава 1-й части С.В. Чикризова.. Погиб еще один труженик долга, исполнитель закона... За короткое время он сумел снискать любовь и уважение общества, отличаясь чуткостью к нуждам людей» [8]. На похороны, состоявшиеся 7 числа, пришли жители без различия сословной принадлежности и вероисповедания. Траурная процессия растянулась от монастырской церкви до приходского кладбища. Еще раньше, 3 декабря, состоялась панихида по убитым полицейским чинам в Оренбурге. «В Оренбургском кафедральном соборе в присутствии г-на губернатора, прокурора, начальника губернского жандармского управления, множества чиновников губернского правления, чинов городской и уездной полиции, – сообщала пресса, – отслужена панихида по бывшему помощнику пристава г. Оренбурга Степану Васильевичу Чикризову и трем городским, недавно убитым в Троицке. Чинами городской полиции послана Троицкому исправнику сочувственная телеграмма с просьбой возложить на гроб покойного венки» [15].

Не забыли семью погибшего пристава и городские власти. Как сообщалось в местной

прессе «...в одно из ближайших заседаний Троицкой городской Думы предположено предоставить семейству покойного Чикризова в бесплатное пользование квартиру в одном из городских зданий пожизненно» [9].

После этого происшествия, как и полагается, начались «разборы полетов». Уездный полицейский исправник Н.В. Васильев за упущения по службе был отстранен от должности, на его место прислали из губернского центра коллежского асессора М.Г. Волженцева [1, с. 110].

В начале января 1911 года на место убитого пристава «...назначили полицейского надзирателя Миасского завода Михайлова» [10]. На этом посту пристав И.Н. Михайлов пробыл до Февральской революции, когда его как «царского сатрапа» уволили без выходного пособия. Исчез в вихре революции и след полицейского надзирателя 1-й части г. Челябинска А.А. Мордвинцева. Хочется надеяться, что его как «бывшего» просто изгнали из полиции, и он смог выжить.

В советской литературе факты репрессий против сотрудников царских органов правопорядка тщательно скрывали, и даже появился миф о «бескровной февральской революции». Только в начале нового столетия известным стал факт массовых убийств полицейских Петрограда «свободными гражданами революционной России». Подобного рода массовые акции на Урале прежде выявлены не были. В одной из последних работ по истории милиции Временного правительства сообщалось лишь об единичных фактах насилия над служителями Закона [17]. Однако это не означает, что репрессий в последующее время не было. В период демократической революции их просто изгоняли со службы и клеймили позором за притеснения «революционеров». Последующая власть оказалась менее гуманной. В 1918–1919 годах на головы бывших чинов жандармерии и полицейских служащих обрушились невиданные репрессии. Сведения о них выявил в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и в жанре хроники опубликовал С.С. Балмасов [2].

В подготовленном исследовании он приводит многочисленные факты зверских расправ над бывшими служителями Закона. Все выявленные случаи привести в статье невозможно, да и в этом нет необходимости – с ними можно ознакомиться, взяв в руки книгу. Приведем лишь некоторые из имевших место в рассматриваемый период кровавых оргий.

Вот свидетельство мещанки г. Красноуфимска Пермской губернии А.И. Ивановой, приведенное С.С. Балмасовым: «Мой муж, Василий

Николаевич Иванов, служил вахмистром при Пермском губернском жандармском управлении. Минувшей осенью (1918. – В.К.), в начале сентября, муж мой был уведен каким-то солдатом, сказавшим, что его вызывает Чрезвычайная следственная комиссия, где он и был арестован... Через неделю ... узнала, что муж мой был утоплен в Каме. При этом он предварительно был совершенно раздет и несколько раз погружался в воду, из которой его каждый раз вынимали и некоторое время морозили на открытом воздухе... Одновременно с мужем таким же способом были подвергнуты истязаниям еще 10 человек» [2, с. 69].

«Муж мой, Александр Васильевич Топорков, до Октябрьской революции служил в городе Воронеже помощником полицмейстера, – свидетельствовала другая невольная жертва революционного эксперимента – Анна Александровна Топоркова, – службу он эту оставил в последних числах июня 1917 г. и уехал в Пермь, где устроился на работу в одну из артелей. 28 августа 1918 г. он был арестован. В чрезвычайке мне сказали, что он, бывший полицейский, отправлен на общественные работы в Кизель, но в ноябре прошлого года я узнала, что мой муж расстрелян в числе других 37 человек».

Судьбу вышепоименованных служащих полиции разделил и житель Перми В.А. Шаврин, прослуживший около 10 лет в жандармерии. И таких «шавриных» оказалось немало...

Как правило, сведения о расстрелах местные советские власти скрывали. Однако в дни «красного террора», объявленного в ответ на убийство председателя питерского ЧК Урицкого, списки расстрелянных стали публиковаться в печати. Вот один из таких списков, помещенных на страницах «Известий Пермского губернского исполнительного комитета». Среди 44 человек, казненных по постановлению губчека были: штаб-ротмистр Лебель Г.С., начальник Кизеловской каторжной тюрьмы Бурмакин Д.А., помощник начальника тюрьмы Пашкин В.П., жандармский подполковник Чердынцев А.Н., жандармский полковник Егоров Н.Ф., охранник Котласской охраны Ткачев Е.Е., пристав Усоля Безенкович Г.П., полицейский урядник Фадеев И.О., помощник пристава Клуш И.А., бывшие жандармы Кузнецов П.Е., Казаков И.М., Дробнин А.К., Федосеев И.А., Федотов Ф.П., полицейский исправник Скуев [5].

В октябре того же года «Известия» опубликовали очередной список расстрелянных врагов революции, среди которых оказались: жандармский полковник Знамеровский П.Л., штаб-ротмистр Самарцев Л.В.; бывшие служащие Отдельного корпуса жандармов Терешко М.В.,

Некрасов Н.С., Богданович С.П.; полицейские Порошин В.Д., Топорков А.В., Гладких В.И., Левин Г.Ф., Гусев А.И., Печенкин А.И., Неверов В.Г., Спиридонов Н.Ф., Янов С.Д., Утробин Н.И., Лякомцев Д.А. [6].

Подобного рода репрессиям бывшие служащие органов правопорядка подвергались и в других районах Урала. Не стала исключением и Челябинская губерния [20]. Буквально сразу с момента своего создания, Челябинское губчека стало рассылать специальные сводки о розыске лиц, объявленных контрреволюционерами. В число разыскиваемых помимо сотрудников контрразведки армии Колчака, попали и лица, принимавшие участие в гражданском управлении, в том числе бывшие сотрудники царской полиции и народной милиции периода Временного правительства. В частности, в розыске значились: бывший начальник милиции 2-го района г. Троицка Веденеев С.Д., бывшие жандармские офицеры Баскаков С.Н., Архипов П.М., Кутузов А.Г., Мальков Н.М., Носов В.Ф. и другие [11].

Фактов массовых расстрелов бывших офицеров Отдельного корпуса жандармов и полицейских на территории Челябинской губернии не выявлено. Имели место лишь отдельные судебные процессы в отношении бывших сотрудников колчаковской контрразведки и военной милиции, причастных к репрессиям против сторонников пролетарской власти. В частности, в августе 1920 года в губернском центре состоялся процесс над сотрудником военной милиции и контрразведки поручиком И. Гаспином, прежде работавшим помощником машиниста депо Челябинска [18]. Привлекались к ответственности и начальник уголовно-розыскного бюро Челябинска Л. Агапов и Е.И. Снежков, обвинявшиеся в преследованиях местных большевиков во время службы в колчаковской милиции.

Однако это не означает, что большевики отказались от преследования своих бывших оппонентов и противников, сложивших оружие и ничем уже не угрожавших укрепившейся власти. С самого начала своего создания архивная служба советской Республики оказалась в ведении ЧК и ее правопреемника ОГПУ–НКВД. Скромные архивные служащие тщательно изучали периодическую, делопроизводственную документацию дореволюционных учреждений, воспоминания участников революционного движения и гражданской войны. Изучали и подробно выписывали фамилии бывших полицейских, сотрудников милиции периода Февральской революции, гласных городских Дум и служащих земских учреждений. Фамилии «бывших» заносились

в специальные «Списки-справочники», которые имели подзаголовки. К примеру, «Список-справочник на лиц, служивших в контрразведке белых армий» или «Списки-справочники на контрреволюционный элемент, проходящий по архивным материалам» [13].

Велись специальные учеты на бывших членов мелкобуржуазных и антисоветских партий, на купцов и торговцев, церковнослужителей, участников белого движения... «Списки-справочники...» ежегодно пополнялись. В случае обнаружения и задержания фигуранта в ориентировки вносились соответствующие коррективы. В 30-е годы прошлого столетия они становились основанием для уголовного преследования советских граждан. Кроме того, при назначении на ответственные должности в советско-партийном и профсоюзном аппарате в обязательном порядке делался запрос в соответствующее управление НКВД о наличии компрометирующего материала. Если обнаруживалось, что претендент на должность, либо его родственники проходили по учетам НКВД, то дальнейшая судьба выдвиженца складывалась весьма печально. За отцов-

полицейских по полной страдали их дети-комсомольцы 20-40-х годов XX века. В лучшем случае им давался отвод, в худшем – возбуждалось уголовное дело, и они становились участниками мифических антисоветских групп.

Опасной профессия полицейского остается и в новом тысячелетии. Полицейские и военно-служашие внутренних войск МВД России нередко гибнут при выполнении служебного долга.

10 ноября 2013 года в Челябинске был открыт мемориал погибшим полицейским, созданный по инициативе совета ветеранов правоохранительных органов области. На установленных по сторонам памятника стеллах выбиты фамилии погибших при исполнении служебного долга не только в советское время, но и некоторых сотрудников закона дореволюционного времени. Список этот далек от совершенства в плане полноты, но отрадно уже то, что в этом списке есть и фамилии погибших троичан. Наконец-то на деле прекратилось разделение погибших на «наших» и «не наших», или царских сатрапов, как именовали дореволюционных стражей правопорядка в недавние времена.

Примечания

1. Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1908 год. – Оренбург, 1908.
2. Балмасов С. С. Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг. – М. : Посев, 2006.
3. В сохранившихся документах существуют разночтения в написании фамилии – Чикрызов и Чекрызов.
4. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 4. – Д. 408. – Л. 4 об.
5. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочей армии и крестьянских депутатов. – 1918. – № 175. – 11 сентября.
6. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочей армии и крестьянских депутатов. – 1918. – № 198. – 9 октября.
7. К примеру, по данным губернаторского отчета за 1868 год, в губернии было совершено 13 преднамеренных убийств и зафиксировано всего 14 случаев нанесения побоев со смертельным исходом. См.: Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год. – Оренбург, 1869. – С. 55.
8. Казак. – 1910. – 16 декабря.
9. Казак. – 1911. – 1 января.
10. Казак. – 1911. – 15 января.
11. ОГАЧО. – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 16–54; 25–287.
12. ОГАЧО. – Ф. Р-10. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 45.
13. ОГАЧО. – Ф. Р-87. – Оп. 1. – Д. 60.
14. Оренбургская губерния по реформе 1865 г. была разделена на две – собственно Оренбургскую и Уфимскую. В Оренбургскую вошли Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды с населением более 850 тыс. человек. В составе губернии находились и земли одноименного казачьего войска.
15. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1910. – 6 декабря.
16. См. подробнее: Кобзов В. С. Впрок ли урок? (Размышление по поводу, учит ли чему история) // Юридическая теория и практика. – 2006. – № 2. – С. 116–120.

17. См. подробнее: Кобзов В. С., Романов В. И. Народная милиция Урала в период Февральской революции : моногр. – Челябинск, 2010.

18. Советская правда. – 1920. – № 224. – 25 августа.

19. Форменное обмундирование, снаряжение и оружие полицейские обязаны были приобретать за собственный счет. В связи с тем, что их денежное содержание было незначительным, полицейские обычно приобретали оружие по принципу «Чем дешевле – тем лучше».

20. Челябинская губерния была образована 3 сентября 1919 г. в составе Челябинского, Троицкого, Кустанайского и Миасского уездов. В декабре 1920 года в губернию вошел и Верхнеуральский уезд.

КОБЗОВ Владимир Серафимович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр «Военно-воздушная академия ВВС им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал, г. Челябинск), доктор исторических наук, профессор. E-mail: vld-kobzov@yandex.ru

KOBZOV Vladimir Serafimovich, Professor of the Chair of Liberal Arts and Socio-Economic Disciplines, Military Educational and Scientific Center «Air Force Academy of the Air Forces named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Chelyabinsk Branch), Doctor of History, Professor. E-mail: vld-kobzov@yandex.ru

УДК 34.03:93

С.М. Кондратьев
S.M. Kondratiev

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ДОСОВЕТСКОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается генезис юридической ответственности военнослужащих в досоветском российском праве. Анализируются исторические памятники досоветского права. Проведена этапизация досоветского периода развития института юридической ответственности военнослужащих в досоветском праве, определены особенности каждого этапа.

Ключевые слова: юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, административная ответственность, правовой статус военнослужащих.

THE MILITARY'S LEGAL RESPONSIBILITY EVOLUTION IN THE PRE-SOVIET RUSSIAN LAW

The article discusses the genesis of the military's legal responsibility in the pre-Soviet Russian law. The historical monuments of pre-Soviet law are analyzed. The stages of the pre-Soviet period of the military's legal responsibility development in the pre-Soviet law are singled out, peculiarities of each stage are defined.

Keywords: legal responsibility, disciplinary responsibility, administrative responsibility, the military's legal status.

Изучение истории становления и развития законодательства об ответственности военнослужащих в России на различных этапах государственного строительства способствует учету и использованию накопленного опыта в наши дни и разработке предложений по совершенствованию административно-правового регулирования ответственности военнослужащих. Защита Отечества в истории России всегда была одной из важнейших функций государства, а военная служба – почетной обязанностью граждан страны [2, с. 3].

Как известно, на Руси на ранней стадии возникновения государственности, еще до появления регулярной армии, существовали соответствующие нормы поведения служивых людей как в бою, так и в быту, и была предусмотрена ответственность за нарушение этих норм поведения. Древнейшим и важнейшим источником общерусского права удельно-вечевого периода, действовавшим одновременно во всех областях русской земли, является Русская Правда [7, с. 103], составленная в 1016 г. по указанию Ярослава Мудрого. Но в Русской Правде, как краткой, так и в последующих ее дополнениях, не было постановлений (норм) военно-уголовного характера [7, с. 103].

Первым документом, в котором впервые содержится упоминание о воинском преступлении, является Судебник Великого Князя Иоанна IV (1550 г.) [7, с. 108]. Здесь установлена лишь ответственность в виде смертной казни «градского сдавца», т. е. начальника (воеводы), сдавшего крепость врагу.

Уложение о службе 1556 г. установило порядок прохождения воинской службы, согласно которому каждый феодал (вотчинник и помещик) был обязан с определенного количества земли выставлять установленное количество воинов на конях и в полном вооружении. Те феодалы, которые выставляли воинов больше нормы, получали денежное вознаграждение, а тот, кто выставлял воинов меньше нормы, платил штраф, а у не явившихся на службу или смотры отбирались поместья и вотчины [8].

В последующем об ответственности несших сторожевую службу военнослужащих за некоторые преступления говорилось в «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе» 1571 г. [1] Его можно считать первым русским воинским Уставом, составленным в 1571 г. воеводой князем Михаилом Воротынским. Так, за самовольное оставление сторожами места службы, если вследствие этого произошло нападение неприятеля, была установлена смертная казнь. За несвоевременную явку для замены товарищей был предусмотрен штраф «по полуполтине на человека на день». Денежный начет предусматривался для сторожевых людей за утрату лошадей или плохой уход за ними. За халатное несение службы виновные наказывались кнутом.

В 1577 г. было издано дополнительное постановление, относящееся к станичной и сторожевой службе. В нем указывалось, что входившие в состав поместного войска ратники, назначенные для защиты границы государства на случай

вражеского нападения и стоявшие на очереди для заступления на посты, не должны отлучаться из мест своего жительства. А получив сведения о приближении противника, они были обязаны явиться на службу немедленно. Если этот порядок нарушал помещик, то в случае военных действий предусматривалось самое суровое наказание – смертная казнь. При отсутствии военных действий провинившемуся назначались телесные наказания заслушивание («битие кнутом») и снижение поместного денежного оклада [3].

Важнейшим памятником русского законодательства XVII века является Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Глава VII Уложения специально регулировала вопросы военной службы и предусматривала ответственность за воинские преступления [14]. Например, для военнослужащих за военную измену было предусмотрено повешение с конфискацией имущества (ст. 20), за побег с военной службы – принудительное возвращение на службу, штраф, «битие кнутом нещадно» (ст. 19), за кражу ружья – наказание кнутом (ст. 28), за хищение лошади – отсечение руки (ст. 29), за грабеж, убийство и насилие лиц женского пола – смертная казнь (ст. 30, 32).

Кроме Уложения 1649 г. в XVII веке в России были приняты и действовали два устава: Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки (1621 г.) и Учение и хитрость ратного строя (1647 г.). В уставе 1621 г. в главе «О статейной росписи пушкарей» говорилось о преступлениях, совершение которых возможно лишь пушкарями; часть норм касалась и общевоинских преступлений. Многие статьи Устава 1621 г. заключали в себе одни предписания и запреты, без определения каких-либо видов наказаний за нарушения, т. е. четкой системы, регламентирующей наказания за проступки и преступления по службе, не существовало. Наиболее строгие наказания предусматривались за небрежное отношение к оружию. Самовольная отлучка от оружия без разрешения, неисполнение правил содержания оружия в постоянной боевой готовности, растрата необходимых для стрельбы принадлежностей, пьянство до неспособности исполнять должность карались смертной казнью. Аналогичное наказание полагалось и за шпионаж, возбуждение напрасной тревоги, а также за ограбление церквей, разорение мельниц. К числу менее серьезных воинских преступлений были отнесены слушание и неисполнение приказаний, самовольное оставление службы, нарушение правил соблюдения чинопочитания. При посягательстве на имущество местных жителей виновные должны были возместить ущерб.

Преобразование армии было одной из задач, вставших перед Петром I в ходе реализации широкомасштабной модернизации России. Целью военного законодательства было закрепление устройства войск, прав, обязанностей и ответственности лиц в случаях нарушения установленного в армии порядка. 26 апреля 1715 г. был издан Артикул Воинский. Артикул в основном выделял воинские преступления: воинская измена (тайная переписка или переговоры с неприятелем), различного рода уклонения от воинской службы (дезертирство, членовредительство и др.), преступления против подчиненности и воинской чести, против правил караульной службы, против воинского имущества, злоупотребления начальствующих лиц и др.

30 марта 1716 г. Петром I был утвержден Воинский Устав, второй частью которого был Артикул воинский с кратким толкованием. Разработка Воинского Устава велась одновременно с подготовкой и проведением военной реформы. Русская армия получила первый воинский устав, предназначенный только для армии и содержащий не только положения военно-уставного характера, но и постановления о правилах привлечения к ответственности военнослужащих и о порядке создания и деятельности военных судов [10]. Артикул также устанавливал ответственность и за общеуголовные преступления. Воинские Артикулы Петра I без значительных изменений действовали вплоть до 1812 г.

В качестве общего закона Воинский Устав не отменял ранее действовавшие уложения, а применялся одновременно с ними. В Уставе преступление рассматривается не с точки зрения правонарушения, а как нарушение субординации, неисполнение приказанного, слушание [17], в смысле нарушения закона, норм, установленных указами. На внутреннюю или нравственную сторону деяния практически не обращалось внимание, поэтому измена и покушение на самоубийство были совершенно равны в глазах законодателя и карались одинаково – лишением жизни. Наказание здесь имеет своей основной идеей – возмездие, а ближайшей целью – истребление преступника и устрашение [12]. Система наказаний включала пять групп: обыкновенные телесные (скование в железо, битье батогами); жестокие телесные (клеймение железом, обрезание ушей, отсечение пальцев или руки); смертная казнь в разных формах; легкие наказания чести (понижение в должности, лишение офицерского чина, увольнение без жалования, высылка из государства); тяжелые наказания чести (пробитие имени на виселице, преломление шпаги

(шельмование), объявление воров). Военнослужащие отбывали арест не в общих местах заключения, а в специальных армейских помещениях при караулах частей, либо отдельных, называемых «гарнизонные места заключения» (гауптвахта). Имущественные наказания назначались за преступления преимущественно к лицам офицерского звания в виде конфискации имущества и денежного штрафа. Воинским уставом отдельно была установлена ответственность за имущественные правонарушения военнослужащих: утрату или порчу оружия, порчу лошади, кражу имущества из казенных магазинов и складов, растрату вверенных по службе казенных денег. Взыскание вознаграждения за причиненные убытки применялось к солдатам за порчу выданных им казенных вещей.

Петровский период характеризуется принятием большого количества законодательных актов, посвященных государственному и военному строительству. Кроме указов, многие правовые нормы содержались в актах общего характера (регламентах, наказах и т. п.), определявших положение тех или иных звеньев государственного аппарата. С петровских времен и до наших дней в России продолжают функционировать в качестве судов общей юрисдикции гражданские и военные суды. Законами периода Петра I была установлена предметная и персональная подсудность [7, с. 183], сохраняющаяся в законодательстве России длительное время.

В период царствования Александра I 27 января 1812 г. был принят специальный военно-правовой акт – Полевое уголовное уложение. Причиной его издания явилось несовершенство и сложность Петровского Артикула Воинского. Постановления Полевого уложения предусматривали все важнейшие преступления, совершаемые в военное время: измену, побег к неприятелю, с места сражения и из армии, неповиновение, нарушение воинских обязанностей, похищение воинских припасов, казенных денег и предметов продовольствия войск, грабеж, поджог, истребление лесов и жатв, убийство или насилие над местными жителями и ранеными. Большая часть наказаний – расстрел, гражданская смерть, лишение чинов с изгнанием из армии, разжалование с выслугою или без выслуги, заточение, ссылка. Для нижних чинов применялось прогнание сквозь строй. Для офицеров за некоторые преступления назначалось лишение одного или нескольких чинов, с правом на производство в следующий чин не ранее как по истечении года со времени окончания войны; в 1826 г. это наказание было отменено. Из Воинского Артикула

1716 г. Полевым уложением заимствовано наказание за важнейшие преступления (неповиновение, побег, восстание), учиненные целыми командами: зачинщики, начальники, если они участвовали в соглашении, и десятый человек по жребию подвергались смертной казни, а прочие виновные – менее тяжким наказаниям, по усмотрению суда. Было смягчено наказание за такие преступления, как кража, хранение украденных вещей, дезертирство, нарушение чинопочитания, взяточничество, нарушение некоторых правил несения караульной службы [15, с. 15]. Смягчение наказания выражалось в замене смертной казни другими видами наказания – лишением чина, увольнением с военной службы, конфискацией имущества. В Уложении появляются новые виды воинских преступлений, совершенных на поле боя, – ограбление во время сражения раненых и убитых, а также убийство раненых с целью ограбления [15, с. 15]. Эти деяния в Артикуле Воинском не упоминаются. С изданием в 1839 г. свода военных постановлений в пятую его часть вошли Полевое уголовное уложение и Устав полевого судопроизводства.

До Октябрьской революции 1917 г. в России правовым основанием ответственности за воинские преступления служил Воинский устав о наказаниях 1869 г. [11]. С принятием в 1869 г. Дисциплинарного устава и Воинского устава о наказаниях военнослужащий мог быть подвергнут уголовным, исправительным и дисциплинарным наказаниям за совершение воинского проступка [4]. Различия проводились по характеру и степени общественной опасности деяния. Воинский устав о наказаниях применялся не только военными судами, но и общими. Следует также констатировать, что Военно-судебной реформой 60–70-х гг. XIX в. феодальная система доказательственного права, основанная на теории формальных доказательств, была заменена новой системой, основанной на теории «свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению и совести судей». В ней были реализованы такие принципы процессуального права, как гласность, устность, непрерывность судебного заседания, равноправие и состязательность сторон в процессе, формальное право подсудимого на защиту и обжалование приговора.

Статья 8 Дисциплинарного устава 1869 г. определяла дисциплинарное взыскание как «наказание, налагаемое без суда, властью начальства» [13]. Военнослужащие привлекались к дисциплинарной ответственности за все маловажные проступки как по службе, так и за нарушение общественного порядка и благочиния (ст. 9). Решение

вопроса о привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности или предание виновного суду (привлечение к уголовной ответственности) относилось к прерогативе военного начальства (ст. 10). Небезынтересно, что ст. 12 Дисциплинарного устава устанавливала, что «если военнослужащий был привлечен к дисциплинарному взысканию вместо предания его военному суду, то виновный должен был предстать перед судом» [16]. При наложении дисциплинарных взысканий учитывалось должностное положение виновных, срок военной службы (ст. 60). Также был установлен порядок наложения наказаний в особых случаях. В случае объявления устного взыскания оно заносилось в «Журнал взысканий».

28 мая 1888 г. был утвержден новый Устав дисциплинарный (это по сути «модернизированный» Устав 1869 г.), содержащий постатейные пояснения к Уставу 1869 г., просуществовавший до 1913 г. Следует отметить, что государственная политика в XIX в. в целом имела направленность на гуманизацию дисциплинарных отношений и смягчение наказаний для военнослужащих.

Дисциплинарный устав 1913 г. в ст. 9 закреплял правило, что дисциплинарным взысканиям подлежат все маловажные проступки как по службе, так и по нарушению общественного порядка и благочиния, не влекущие за собою предания суду. В разъяснении к этой статье был приведен исчерпывающий список «маловажных проступков». Глава тринадцатая Устава 1913 г. регулировала материальную ответственность военнослужащих. Разъяснение к ст. 113 Устава гласило, что за маловажные проступки против общественного благочиния, за которые лица гражданского ведомства по приговору мирового судьи, в силу самого закона, приговариваются к денежному штрафу, на военнослужащих, как не подсудных мировым судьям, может быть налагаемо денежное взыскание в дисциплинарном порядке, как бы взамен приговора мирового судьи. Таким образом, Дисциплинарный устав 1913 г. впервые закрепил прообраз института административной ответственности военнослужащих.

Институт материальной ответственности военнослужащих имеет довольно давнюю историю, которая, как правило, находилась в диалектическом единстве с развитием законодательства о правовом положении военнослужащих [6, с. 10]. История института материальной ответственности военнослужащих уходит еще в античные времена [6, с. 11]. Так, воин, который потерял оружие, военное снаряжение, подвергался суровым телесным наказаниям, а также существенно

ограничивался в гражданских правах. За утрату или промотание оружия, лошадей, военного снаряжения применялись денежные вычеты.

В связи с формированием в России регулярной армии насущной необходимостью обеспечения сохранности оружия и военной амуниции, недопущения причинения ущерба военному (казенному) имуществу возник институт материальной ответственности военнослужащих в России. Изначально этот правовой институт был опосредован Артикулом воинским Петра I. Материальную ответственность как таковую несли низшие чины.

Необходимо отметить, что в период становления дисциплинарной ответственности как одного из видов ответственности государственных служащих четкого разграничения между дисциплинарной ответственностью, носящей карательный характер, и праввосстановительной материальной ответственностью не проводилось [5]. Законодатель стремился одновременно покарать правонарушителя и возместить причиненный им ущерб. Например, в XVIII в. для служащих государственных коллегий, канцелярий и контор Главой XXIX Генерального регламента от 27 февраля 1720 г. был предусмотрен штраф «с возвращением одного убытка» [9].

Дисциплинарный Устав 1869 г. содержал ряд положений, регулирующих порядок возмещения материального ущерба в административном порядке (Глава 13 «О денежных взысканиях, определяемых в порядке административном»). Если ущерб был нанесен казенному имуществу, то он возмещался в полном размере (ст. 118). Размер назначаемого удержания зависел от должности командира: полковой командир – до 100 руб., начальник дивизии – до 300 руб., корпусной командир – 600 руб., командующий округом – до 900 руб., а при ущербе свыше 900 руб. этот вопрос решал военный министр (ст. 122).

Небезынтересно, что Устав предусматривал право начальника, определяющего дисциплинарное взыскание виновному за маловажный проступок, по требованию обиженного (гражданского лица) назначить в определенном им размере денежную компенсацию за удовлетворение бесчестья за нанесение обиды (т. е. моральный вред) и материальный ущерб, если заявленный размер возмещения не оспаривался сторонами (ст. 119). Размер такого возмещения в административном порядке не мог быть выше тридцати рублей (ст. 120). Денежное удержание за личную обиду гражданских лиц допускалось только с офицеров (ст. 124). Возмещение обид, причиненных

одним военнотружущим другому, не предусматривалось. Денежные удержания осуществлялись, как правило, из жалования военнотружущих, и как исключение – за счет их личного имущества. Нижние чины, как правило, денежным взысканиям не подвергались – вычет осуществлялся лишь за счет находящегося в их собственности имущества.

В дореволюционный период вопросы материальной ответственности военнотружущих наиболее полно регламентировались Дисциплинарным уставом от 28 мая 1888 г. Здесь свое нормативное закрепление получили основания материальной ответственности. Глава 13 Устава, в отличие от Дисциплинарного устава 1869 г., содержала порядок вычетов на взыскания в пользу казны денежных средств из жалования военнотружущих. Общий размер удержаний зависел от совокупного годового размера содержания военнотружущего, его семейного положения, наличия иждивенцев, семейных обстоятельств (похорон близких родственников, утраты личного имущества вследствие несчастного случая, стихийного бедствия и пр.). В отношении нижних чинов ст. 128 Устава была предусмотрена возможность денежного удержания, а при невозможности такового денежное взыскание заменялось арестом в том случае, если оно являлось самостоятельным наказанием. К концу XIX в. прекращают применяться телесные наказания к военнотружущим за «порчу, утрату, промотание оружия и военной амуниции» и начинают применяться исключительно меры материальной ответственности [6]. Режим материальной ответственности военнотружущих, сложившийся в конце XIX в., просуществовал до 1918 г.

Завершая анализ становления и развития законодательства об административной, дисциплинарной и материальной ответственности военнотружущих, представляется возможным сделать следующие выводы:

В развитии законодательства об ответственности военнотружущих можно условно выделить следующие периоды: досоветский, советский, современный. Каждый этап характеризуется своими особенностями, обусловленными историческими этапами развития законодательства и российской правовой науки.

Досоветский период может быть разделен на: допетровский период, петровский и послепетровский.

В допетровский период первым документом, предусматривающим уголовную ответственность военачальника, является Судебник 1550 г. Уголовная ответственность для военнотружущих была установлена Боярским приговором о станичной и сторожевой службе 1571 г. Глава IV Соборного уложения 1649 г. специально регулировала вопросы военной службы и предусматривала ответственность за воинские преступления.

Артикул Воинский от 26 апреля 1715 г. и Воинский Устав от 13 марта 1716 г. Петра I закрепляли права, обязанности и ответственность военнотружущих за нарушения установленного порядка. Наряду с ответственностью за воинские преступления, была предусмотрена и ответственность за имущественные правонарушения. Наказания были чрезмерно жестокими и применялись за нарушение субординации, неисполнение приказа. Воинские Артикулы Петра I без значительных изменений действовали до 1812 г.

В период царствования Александра I 27 января 1812 г. был принят специальный военно-правовой акт – Полевое уголовное уложение. Причиной его издания явилось несовершенство и сложность Петровского Артикула Воинского. С принятием в 1869 г. Дисциплинарного устава и Воинского устава о наказаниях военнотружущий мог быть подвергнут уголовным, исправительным и дисциплинарным взысканиям. Военнотружущие привлекались к дисциплинарной ответственности как за маловажные проступки по службе, так и за нарушение общественного порядка и благочиния. Вопрос о привлечении военнотружущего за содеянное к дисциплинарной или уголовной ответственности относился к усмотрению воинского начальника. Дисциплинарный устав 1869 г. регулировал материальную ответственность военнотружущих, а «модернизированный» Дисциплинарный устав 1888 г. содержал разъяснения положений Устава 1869 г. В Уставе 1888 г. получили закрепление нормативные основания материальной ответственности военнотружущих и регулирование порядка денежных вычетов. Дисциплинарный устав 1913 г. продолжил правовое регулирование ответственности военнотружущих, закрепил правило о привлечении военнотружущих к дисциплинарной ответственности за все маловажные проступки по службе и вне ее, не подлежащие преданию суду. Таким образом, Дисциплинарный устав 1913 г. закрепил прообраз административной ответственности военнотружущих.

Примечания

1. Акты Московского государства. Т. I : 1571–1634 гг. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1890. – <http://constitutions.ru/archives/5098>
2. Богатырева Н. М. Правовой статус военнослужащих России (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 3.
3. Григорьев О. В. Осуществление правосудия в Российской армии до реформ Петра I // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 10. – С. 26–30.
4. Ермолович Я. Н. Источники военно-уголовного права Российской Федерации. – <http://rudocs.exdat.com/docs/index-97647.html>
5. Колосков А. М. Дисциплинарно-правовое принуждение и дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы: содержание и соотношение // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 4(9). – С. 42–45.
6. Лопатин Д. В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 10.
7. Петухов Н. А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 460 с.
8. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1904. – Т. XIII. – Половина 1-я. – 310 с. – <http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1556uloz.php>
9. Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В. И. Лебедев. – М. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. – <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm>
10. Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судебных учреждений в России до кончины Петра Великого : моногр. – СПб., 1878. – С. 257–266.
11. См.: Военно-уголовное право : учеб. / под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина. – М. : Военный университет : За права военнослужащих, 2008. – 384 с.
12. См.: Воинский устав Петра Великого. – <http://ru.wikisource.org/wiki>
13. См.: Книга XXIII Свода Военных Постановлений 1869 г. 4-е изд. – Петроградъ : Изд. Т-ва В.А. Березовский, 1915. – 47 с.
14. См.: Соборное уложение 1649 г. – <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/7.htm>
15. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.) (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 15.
16. Такой подход сохранен и в современной ст. 89 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил РФ.
17. Это позволяет сделать вывод, что под «преступлением» прежде всего понималось нарушение закона.

КОНДРАТЬЕВ Сергей Михайлович, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sergey.diss@yandex.ru

KONDRATIEV Sergey Mikhailovich, Assistant Professor, State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: sergey.diss@yandex.ru

УДК 342.5

Т.К. Махроva
T.K. Makhrova**ТАМОЖЕННЫЕ ПРАВИЛА ОРЕНБУРГСКОЙ ПРИГРАНИЧНОЙ
ТОРГОВЛИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

В статье рассматриваются вопросы развития региональной таможенной службы в период становления российской таможенной системы и формирования таможенного законодательства.

Ключевые слова: Оренбургская пограничная линия, приграничная торговля, меновой торг, таможенные уставы, таможенные органы.

**CUSTOMS REGULATIONS OF ORENBURG BORDER TRADE
AT THE END OF XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES**

The article considers the questions of regional customs service development in the period of formation of the Russian customs system and customs legislation.

Keywords: Orenburg border line, border trade, barter bargaining, customs regulations, the customs authority.

Среди многочисленных проблем, связанных с освоением пограничного Оренбургского края, уже в XVIII в. обнаружилась проблема организации приграничной торговли. Со строительством Оренбургской пограничной линии «прозрачность» границы со степью становилась все более условной, а регламентация торговых отношений с азиатскими соседями – все более детализированной.

Централизация таможенной деятельности в России и ее организационно-правовое оформление прослеживается с середины XVIII в. В 1754 г. для экономической защиты государственной границы Сенат учредил пограничную стражу как особый корпус войск, ввел институт пограничных таможенных объездчиков. В задачи пограничной стражи входило пресечение контрабандного ввоза и вывоза товаров. Однако нововведения касались западной границы России. В первой половине XIX в. значительные усилия предпринимались для создания региональных таможенных органов на дальневосточном, среднеазиатском направлениях, на границах с Персией и Афганистаном, но говорить о создании единой организационной структуры и системы таможенного регулирования еще не приходилось. Формирование законодательства в этот период отражает историческую специфику развития российской торговли, освоения новых территорий, новых торговых путей и, как следствие, эволюцию российского таможенного права [1]. Так, например, Таможенный устав 1819 г. распространял свое действие только на торговлю в европейской части России и с европейскими государствами. Такой подход, в целом, сохранился до конца XIX в.:

законодательство регулировало таможенную деятельность по территориальному принципу, не являясь в этом смысле общероссийским. «Свод учреждений и уставов таможенных» 1857 г. включал «Устав таможенный по Европейской торговле» и «Устав таможенный по Азиатской торговле» [5].

Для первой половины XIX в. – периода становления таможенной системы в России – региональные особенности организации и правового регулирования таможенной деятельности представляют вполне самостоятельный интерес для исследования.

Активизация приграничной торговли с середины XVIII в. связана с масштабными государственными мероприятиями по заселению и освоению огромной территории на юго-востоке империи, строительством форпостов и крепостей, сложностью их централизованного снабжения в отдаленном от центра крае. Строительство г. Оренбурга (1742 г.), Троицкой крепости (1743 г., с 1784 г. – г. Троицк) стало и началом организационного оформления стихийного менового торгова.

Факты менового торгова российских купцов с киргиз-кайсаками (казахами) на Уйской линии, где находилась – на перекрестке древних караванных путей – Троицкая крепость, фиксируются в документах с 1745 г., когда такой торг был санкционирован губернатором края И.И. Неплюевым. Через несколько лет по правительственному указу 1749 г. быстро ставший популярным торг приобрел статус ярмарки (ежегодно проводимой с 1 июля по 1 октября), а комендант Троицкой крепости полковник Бахметов получил приказ о

строительстве менового двора за р. Уй и об организации таможи. Ежегодный обмен казахских лошадей в Троицке во второй половине XVIII в. оценивался в 3–5 тыс. голов, баранов, ягнят – 15–25 тыс. голов, рекорд был зафиксирован в 1772 г., когда для обмена казахи пригнали 223 тыс. голов мелкого рогатого скота. К концу XVIII в. масштабы менового торга на Троицкой ярмарке уменьшились, на протяжении XIX в. город обзавелся собственной ярмаркой (она проводилась в мае-июне), появлялись стационарные торговые заведения, но меновая торговля хлебом, скотом, тканями сохраняла свое значение [2].

Первоначально рассчитанный на торговлю с казаками Среднего жуза Троицкий торг из-за удобства своего расположения быстро был освоен среднеазиатскими купцами, приводившими караваны с хлопчатобумажными тканями, парчой, шелком, каракулевыми шкурками, золотыми и серебряными изделиями и даже рабами из Бухары, Хивы, Кашгара. Русские купцы из Москвы, Казани, Ярославля, Курска, Воронежа, Симбирска, Уржума, Челябинска, сибирских городов привозили в Троицк для обмена хлеб, ткани, выделанные кожи, металлические изделия. В 1822 г. вместо старого деревянного менового двора был построен каменный с 500 казенными лавками и делением на три части – для купцов «бухарских», «киргизских» и российских, возростал спрос на новые товары, например, китайский чай, торговлю которым с 1844 г. успешно осваивали троицкие купцы-татары.

Россия со времен Петра Великого проявляла интерес к торговле с Азией, в начале XIX в. для ее развития сложились благоприятные условия. Как сообщает в своей книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорф, специальные посланники бухарского и хивинского ханов уже с 60-70-х гг. XVIII в. постоянно занимались сбором информации о «запросах потребления в империи» и добивались торговых льгот для своих купцов. Российская империя, по его словам, являлась «главным и почти единственным местом сбыта бухарской продукции, а также источником вывоза товаров для транзитной торговли». Он же отмечал, что бухарское правительство «не берет никакой пошлины с вывозимых из страны товаров, с привозных же требует пошлину... очень умеренную» [3].

Бухарские купцы пользовались в России привилегией торговли в пограничных городах и на трех ярмарках – Макарьевской, Ирбитской и Коренной. По мнению Мейендорфа, это привело к сокращению розничной торговли в пограничных городах, так как на таможене караванщики продавали малую часть товаров местным перекупщикам

для розницы, а большую часть продавали оптом купцам и фабрикантам на ярмарках. По введеному в 1817 г. новому тарифу купцы из Бухары были обложены налогом до 25% (с дифференциацией по видам товаров), в ответ на это бухарский хан установил 10% пошлину на товары, привозимые русскими купцами. Это было в 4 раза больше, чем для торговцев-мусульман. Бухарцы, по наблюдению Мейендорфа, вывозили из России товаров на сумму, равную половине стоимости ввезенных. На другую половину они приобретали голландские дукаты (их охотно покупали в Бухаре индусы) и эцю, испанские пиастры и русские серебряные рубли, несмотря на запрещение вывоза последних.

Предпочтение караваны из Бухары отдавали Макарьевской ярмарке, продавая там до 90% привозимых товаров. После пожара в августе 1816 г. ярмарка была перенесена в Нижний Новгород, что сделало дорогу из Бухары (через Петропавловск) более длинной и неудобной из-за нехватки воды для больших караванов. Дорога через Троицк и Оренбург на Астрахань была короче, но опасней, т. к., несмотря на переход в российское подданство Младшего и Среднего казахских жузов, нападения на торговые караваны в степи продолжались. Относительную безопасность для караванов сумел обеспечить военный губернатор генерал Эссен, после чего большинство караванов из Бухары направлялось в Россию через Троицкую таможенную. Троицк привлекал бухарских купцов еще и более низкими ценами на железо и медь. Специфической нишей рынка в этот период была работоторговля. Русские рабы ценились – «за их крепкое сложение и упорство в работе». Борьба с похищениями людей на пограничных территориях российское правительство пыталось, в том числе и задерживая бухарцев и хивинцев с их товарами в России для обмена на плененных русских подданных.

Для благополучного исхода предприятия важны были связи бухарских купцов с русскими таможенными чиновниками, с бывшими своими соотечественниками, ставшими русскими подданными и получившими право свободно торговать на территории всей империи, а не только в специально предназначенных для меновой торговли местах. Бухарские купцы, отмечал Мейендорф, хорошо знали территорию России и часто занимались контрабандой. Нравы местных чиновников тоже хорошо были известны в Бухаре – «стране, где так распространена продажность», а «располагающие правом... используют это право в своих интересах, чтобы сделать таким образом свои места весьма прибыльными» [3].

Как свидетельствуют архивные документы, Троицкая пограничная таможня была важным пунктом пересечения границы для привоза в Россию соленой рыбы и хлопчатобумажных товаров и для вывоза за границу железа и спичек. В 1840-60-е гг. среди обнаруженных троицкими таможенниками контрабандных товаров встречаются порох, серебро, золото, кожа, сало, вино, овчины, чай [6]. Часто на границе фиксировали контрабандный прогон скота [7]. Именно в этот период Департамент внешней торговли вводит новый способ клеймения товаров (1847 г.), запрет на вывоз из России платиновой монеты (1845 г.), серебра в монетах и слитках (1850 г.), строго регламентирует провоз через границу золота (1853 г.), вина и спирта (1865 г.), конфискацию контрабандного опиума (1851 г.).

Запрет на вывоз серебра имел в Оренбургском пограничном крае свои последствия. Официально вывозить 15 рублей российской или иностранной серебряной монетой с подачей соответствующего объявления в таможню было разрешено лишь отъезжающим за границу, шкиперам и извозчикам. Оренбургскую же пограничную линию ежедневно пересекали «ордынцы», торгующие на местных рынках и – «по невежеству своему» – о запрещении не знающие. Уже в январе 1851 г. таможня приступила к исполнению императорского Указа и циркулярного предписания Министерства финансов от 30 декабря 1850 г. и досматривала киргиз-кайсацких торговцев на выходе из менового двора через Мостовой пристомр на р. Уй и, обнаружив полученные за реализованные товары серебряные монеты, возвращала их обратно для обмена серебра на разрешенные к вывозу товары. Оренбургская пограничная комиссия настаивала на смягчении правил. Весной 1851 г. Министерство финансов докладной запиской запросило у императора разрешения на вывоз серебряной монеты в киргизскую степь оренбургского ведомства без ограничений, но без распространения этой льготы на российские и азиатские караваны. В марте была получена высочайшая резолюция: «Исполнить», но таможенные заставы, которые имели письменный приказ местного окружного начальства об ограничении вывоза 3 рублями, продолжали устанавливать свои ограничения: суммы в 1-2 и более серебряных рублей ордынцев заставляли записывать на таможне как товары, что «стесняло их до крайности в покупках и продажах своих и русских товаров». На противоречивость таможенной политики неоднократно жаловался попечитель оренбургских прилинейных киргизов. Лишь осенью конфликт нашел разрешение:

суммы до 100 рублей серебром ордынцам разрешили провозить через границу свободно, суммы от 100 до 2000 рублей следовало объявлять словесно, а свыше 2000 рублей – письменно [15].

Достаточно часто, судя по документам, конфискованные товары передавались «для сбережения» линейным начальникам, что становилось для последних лишней головной болью: изъятые вещи заполняли станичные амбары, кладовые, портились или пропадали. В декабре 1839 г. войсковой старшина Лебедев, управляющий дистанцией, доложил начальнику штаба отдельного Оренбургского корпуса о пойманном в районе расположения Кочердыкского отряда контрабандисте – киргизе Аргыпского рода Распае Джаубасарове, тайно пытавшемся провезти пуд сала и овчину. Задержанного отпустили, а до решения дела конфискованный товар обязали хранить начальника Кочердыкского отряда. Лебедев просил о пересмотре этого стихийно сложившегося правила и обязать хранить конфискат самих таможенных чиновников на заставе, тем более что на этот счет имелась и соответствующая норма (статья 1862 «Свода таможенных учреждений и уставов по азиатской торговле»). В результате Троицкая таможня предписала, а Войсковая канцелярия Оренбургского казачьего войска довела до всех линейных начальников требование не принимать под станичный караул скот и товары, задерживаемые на таможенных пристомтрах. По разъяснению начальника таможенного округа, все конфискованные вещи незамедлительно должны были передаваться в ближайшую к месту изъятия таможенную заставу. В случае нелегального провоза соли предписывалось задержанных лиц отдавать под надзор местного линейного начальства для разбирательства, а изъятую соль вместе с лошадьми и подводой также «безостановочно» отправлять в таможню [8]. Соль в качестве нелегально провозимого через границу товара часто фиксировалась таможенными документами [9]. Соляная монополия была введена в России указом Петра I в 1705 г. и просуществовала до 1862 г., когда Александр II «отпустил» цену на соль и ликвидировал тем самым ее дефицит.

Еще одна императорская монополия охранялась таможенной службой – на торговлю ревенем. Столетиями караваны с ревенем, корень которого использовался как продукт питания и как лекарство, из Северного Китая следовали в Самарканд и Бухару, затем – к Волге, оттуда его доставляли уже в Европу. Но в XVII веке после завоевания Сибири Россия установила фактическую монополию на этом рынке, вытеснив голландских и португальских посредников с их менее

качественным сырьем. Из Бухары ремень везли в Томск, Тару, Тюмень, Иркутск, Тобольск, где были склады. В 1719 г. в городе Урга (ныне Улан-Батор), а с 1731 г. в Кяхте были организованы торговые центры, откуда ремень поставлялся в Европу. Купцы – бухарские и русские – могли продавать этот товар только казне по строго установленным ценам. Частным лицам торговля ременным корнем была запрещена под угрозой лишения имущества и даже смертной казни, т. к. нарушители серьезно посягали на выгоды государства: пуд ремня в Петербурге стоил 37 рублей, а за границей его продавали уже по цене от 162 до 289 рублей за пуд [4]. Монополии на ремень Россия лишилась в 1860 г. после англо-китайских войн и открытия китайских портов. Однако в 1830-50-е гг. оренбургские и троицкие таможенники еще получали предписания об усилении надзора за трафиком этого товара из Китая в обход уже установленных маршрутов [10].

Пограничное положение края и требующие освоения территории давали местным жителям некоторые таможенные преференции. Так, в мае 1839 г. жителям Новолинейного района разрешено было «пользоваться солью беспошлинно из-за границы» (для собственного употребления), в марте 1840 г. такое же предписание было сделано в отношении привозимой из-за границы рыбы, посоленной вывезенной из России солью. В декабре 1840 г., когда было принято первое Положение об Оренбургском казачьем войске, последовало и распоряжение «о пропуске хлебного вина во все места Новой линии» [11]. Оренбургская таможня в 1840 г. разрешила всем провозить из степи «без очистки пошлиной» сено и кизяк. Ведомости таможенных застав «о привозных и отвозных товарах» в 1850-е и начале 1860-х гг. фиксируют беспошлинный режим ввоза шерсти и пуха, скота (крупного рогатого, лошадей, баранов), рыбы (свежей и сушеной), вывоза в киргизскую степь – железных изделий и хлеба [12].

Таможенный устав 1857 г. содержал достаточно подробную регламентацию таможенной службы, он сделал едиными законодательство о контрабанде для европейской и азиатской торговли, упорядочил структуру таможенных органов. Троицкая таможня, например, имела две подведомственные таможенные заставы – Верхнеуральскую и Звериноголовскую. Последняя, в свою очередь, руководила деятельностью таможенных приставов – Крутоярского, Каракульского, Березовского, Усть-Уйского, Озерского, Ключевского, Прорывного, Лугового, каждый из приставов отвечал за определенное расстояние пограничной линии. Устав предоставил органам

таможенного надзора право самостоятельно проявлять инициативу в производстве обысков и выемок контрабандных товаров в пределах 100-верстной полосы от линии сухопутной границы внутрь страны и от морских берегов. Законодательство 1857 г. детализировало процессуальные вопросы разбирательства, обжалования и исполнения дел о контрабанде, а также содержало ряд норм, целью которых является предупреждение коррупции в таможенных органах.

В архивных фондах сохранилась «Инструкция приставу, находящемуся в ведении Верхнеуральской таможенной заставы» 1842 г., она была составлена «для руководства к действию всем заставам и приставам» и источником своим имела предписания начальника Оренбургского таможенного округа, которые воспроизводили более ранние ведомственные циркуляры (в частности, «Высочайше утвержденную» еще в декабре 1808 г. «Инструкцию надзирателю»). Особое внимание было обращено на соблюдение служебной дисциплины: служащим приставов запрещалось отлучаться «без позволения своего начальства от вверенного пристава», предписывалось «делать разъезды как днем, так и ночью» (в ночное время станичные начальники должны были обеспечивать разъезду «приличный конвой»), «вести, как долг службы и доброе поведение требуют, обращаться с российскими торгующими и киргизцами ласково, вежливо и никому никаких оскорблений не чинить». О степных жителях, прибывающих для менового торга на Новую линию, кордонная стража должна была немедленно сообщить на заставу, служащие которой обязывались «при мене никаких обид и притеснений киргизцам не чинить», клеймить облагаемые пошлиной привезенные товары под охраной станичного караула, останавливать любую «потаенную мену с киргизцами» с конфискацией товара и задержанием нарушителей. Пресекались самовольные переходы пограничной линии с обеих сторон. Таможенный пристав по предписанию Троицкой таможни от 21 июня 1841 г. обязан был также фиксировать все выходы за границу военной команды («с показанием числа людей, лошадей, подвод и находящегося при оной оружия и снарядов, куда именно выступила, под чьим начальством и для какой надобности»), все разрешенные проходы через линию для тебеневки скота (требовалось «иметь вернейший счет как скоту, так и пастухам и всему их имуществу»). Решение всех возникающих вопросов (например, изменение количества голов в стаде, обнаружение признаков болезни скота и т. п.) на месте, без донесения на таможенную заставу,

не допускалось. Впрочем, мелких нарушений было так много, что Троицкая таможня даже заявляла об «отмене формальностей при производстве дел по малозначительным конфискациям» [13].

Рыбопромышленники при переезде через границу в киргизскую степь обязаны были предъявить для досмотра оружие и рыбопромышленные снаряды, взвесить вывозимую для посола рыбы соль, чтобы при обратном их переходе можно было зафиксировать возможный излишек, облагаемый пошлиной (для беспошлинного провоза на пуд рыбы зимою полагалось 10 фунтов соли, летом – 20 фунтов).

Торговцу при пересечении границы разрешалось в день «словесно объявить» товаров на сумму до 28 рублей серебром, превышение этой суммы требовало письменного объявления на таможенной заставе. Для учета всех таможенных действий предусматривалась обязательная запись в специальной тетради. Форма записи была тщательно прописана в инструкции: звание и имя объявителя, количество, вес, мера, цена товаров, поступившие пошлинные и карантинные деньги серебром. Требовалось «цифры выставлять явственнее, черными чернилами и как можно стараться избегать недоборов и переборов, приводить в круглое число, но не дробить таковых», возможные нечаянные ошибки – «не скоблить, но перечеркивать

два раза тонким пером, так чтобы их можно было читать, а поправки надписывать сверху». Денежный таможенный сбор вноситель должен был собственноручно опустить в специальный «сундучок». «Никакое начальство, ни гражданское, ни военное, – подчеркивалось в «Инструкции», – не входит ни в какие непосредственные распоряжения по части и управления таможенного (на основании 6 тома Свода учреждений Устава таможенного статьи 1683)... Всяк, кто будет таможенным чиновником и служащим чинить помешательство или сопротивление в отправлении их должности, подвергаются, смотря по важности преступления и обстоятельств, наказанию, законами определенному, каковому тем неослабнее подлежать должны сами сии чиновники и служители, если уличены будут в способствовании провозу или отвозу запрещенного». В торговле с кочевниками категорически запрещался оборот огнестрельного и холодного оружия, пороха, селитры, горючей серы, пуль и ядер [14].

В 1868 г., после завоевания Туркестана и перемещения российской границы на юг, Оренбургская и Сибирская таможенные линии, кордонная стража, учрежденная на границе с киргиз-кайсацкой степью в 1803 г., были упразднены, российским и азиатским купцам была дозволена свободная беспошлинная торговля.

Примечания

1. Боков К. И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России в XIX – начале XX века. – М. : Изд-во «Проспект», 2012. – 176 с.
2. Гизатуллин Р.Н. Торг в Троицкой крепости (255 лет со времени выхода Высочайшего указа об учреждении торгового) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. 2004. – Челябинск, 2003. – С.171-176.
3. Мейендорф Е. К. Путешествие из Петербурга в Москву. – М., 1975. – <http://voslit.narod.ru/texts/rus4/Meiendorf/text3.htm>
4. Родимов С. Императорская монополия на ремень // СМ Номер один. – 2004. – 15 июля. – <http://baikalpress.ru/sm/2004/28/016001.html>
5. Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. – СПб. : Государственная типография (первая), 1857. – Т. 6.
6. ОГАЧО. – Ф. И-28. – Оп. 1. – Д. 637, 674, 675, 678, 747, 932, 938, 961.
7. ОГАЧО. – Ф. И-28. – Оп. 1. – Д. 203, 968.
8. ОГАЧО. – Ф. И-29. – Оп. 3. – Д. 20. – Л.1-1об., 4-4 об., 5-5 об.
9. ОГАЧО. – Ф. И-28. – Оп. 1. – Д. 933, 934, 935, 967, 1084.
10. ОГАЧО. – Ф. И-28. – Оп. 1. – Д. 452.; И-29. – Оп.3. – Д. 8.
11. ОГАЧО. – Ф. И-29. – Оп. 3. – Д. 12, 21, 27.
12. ОГАЧО. – Ф. И-29. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 5-6.
13. ОГАЧО. – Ф. И-29. – Оп. 1. – Д. 4.
14. ОГАЧО. – Ф. И-159. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2-6 об.
15. ОГАЧО. – Ф. И-28. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 1, 11-11об., 14, 15-15 об., 16-17, 18-18 об.

МАХРОВА Татьяна Кимовна, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), доктор исторических наук, доцент. E-mail: lotto@list.ru

MAKHROVA Tatyana Kimovna, Professor of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Doctor of History. E-mail: lotto@list.ru

УДК 355.4

И.В. Шведов
I.V. Shvedov**УЧАСТИЕ ЧИНОВ ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Статья посвящена проблеме участия солдат уральских гарнизонов, в том числе запасных частей Казанского военного округа в политической жизни региона и государства в целом в период Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, социал-революционеры, большевики, политический кризис, запасные части.

**PARTICIPATION OF KAZAN MILITARY DISTRICT RESERVE RANKS
IN THE PUBLIC LIFE DURING FEBRUARY REVOLUTION**

The article is devoted to the Urals garrison soldiers' participation (in particular, the reserve ranks of Kazan military district) in the political life of the region and state during the February Revolution of 1917.

Keywords: World War I, February Revolution, social revolutionaries, Bolsheviks, political crisis, the reserve.

Начавшаяся в августе 1914 года Мировая война, названная Второй Отечественной, первое время вызвала всплеск патриотических настроений. Жители Оренбургской губернии восторженно восприняли Манифест Николая II, в некоторых местах дело доходило даже до погромов – под удар воинственно настроенных толп обывателей попадала собственность лиц немецкой национальности. Громили парикмахерские, кондитерские, пекарни и буфеты. Быть немцем стало опасно, многие сменили фамилии. Столица империи Санкт-Петербург была переименована в Петроград. Однако вскоре угар ура-патриотизма прошел – молебны о даровании победы русскому оружию сменились панихидами по погибшим, началась тяжелая и изнурительная работа по укреплению фронта. Стратегические запасы вооружения, снаряжения и боеприпасов иссякли. Для преодоления кризиса заказы на производство необходимого для армии стали размещаться за границей. Единственное, чего казалось неисчерпаемо много в России, был человеческий материал. Небывало высокие потери русской армии и недостаток вооружения и боеприпасов компенсировались постоянными вливаниями маршевых рот. Отдельные формирования до десяти раз за войну умудрились сменить личный состав, включая офицерский, до командира полка включительно [6].

Для подготовки пополнения для действующей армии в тыловых военных округах с сентября 1914 года были развернуты запасные батальоны. Они стали готовить к отправке на фронт

ратников запаса по ускоренной программе. После полуторамесячного обучения маршевые подразделения направлялись на фронт, где они вливались в полки либо сибирских стрелковых дивизий, либо в те части, структурными подразделениями которых являлись запасные батальоны. В начале 1916 года запасные батальоны были развернуты в полки, что привело к увеличению численности личного состава частей.

К началу 1917 года на территории Казанского военного округа, в состав которого входили уральские губернии – Пермская, Уфимская и Оренбургская было развернуто 3 запасные пехотные дивизии, включавшие в себя 12 бригад, 73 пехотных и 2 пулеметных полка. Кроме того, для выполнения вспомогательных работ в регионе были размещены 3 ополченческих корпуса, а также 3 запасные артиллерийские бригады. Командные должности в полках занимали, как правило, офицеры военного времени – выпускники гражданских вузов и школ прапорщиков, работавших по ускоренной программе. Политический кризис, вызванный затянувшейся войной и экономическими трудностями, затронул и армию. В первую очередь антиправительственные настроения стали проявляться в тыловых частях, личный состав которых стал играть весомую роль в общественной жизни Урала. Особенно она усилилась в период Февральской революции 1917 года, когда именно армия стала опорой нового режима.

Проблема участия солдат уральских гарнизонов в политической жизни накануне революции

нашла свое отражение в исследовании Н.Н. Попова, рассмотревшего этот вопрос сквозь призму участия большевиков в антивоенном движении [7]. Участие армии в создании правоохранительной системы временного правительства рассмотрено в работах В.С. Кобзова и В.И. Романова, введших в научный оборот значительный пласт ранее не использовавшихся архивных документов [5; 7; 10]. Не отрицая вклада уральских исследователей, следует отметить идеологическую заданность многих работ, вызванную доминировавшей в советский период научной парадигмой. В связи с этим настоятельно возникает проблема пересмотра ряда устоявшихся в научной литературе оценок и выводов. Особо это касается причин и последствий политической дезорганизации, наступившей на Урале после отречения от престола императора Николая II.

Воспользовавшись ситуацией, деятели земского и городского самоуправления приступили к проведению активных преобразований. Опираясь на солдат местных гарнизонов, на Урале повсеместно была ликвидирована полиция и жандармерия, из тюрем на свободу выпускались тысячи заключенных. Офицеры и солдаты запасных частей стали избираться в состав местных комитетов общественной безопасности, Советов рабочих и солдатских депутатов, других общественных организаций. Вскоре они вошли и в состав правительственных структур, возникших вместо упраздненных губернских аппаратов управления. В частности, подпоручик Н.В. Архангельский стал Правительственным комиссаром по Оренбургской губернии, на аналогичные посты в ряде уездов региона были также назначены признавшие Временное правительство офицеры [8].

В советской литературе устоялась точка зрения, что тон в революционных преобразованиях задавали солдаты-большевики, последовательно проводившие антимилитаристский курс. Однако такое утверждение – слишком категоричное. Как показывают сохранившиеся документы, в общественной жизни региона в первые месяцы революции задавали тон представители партии социалистов-революционеров. Немало было среди солдат и сторонников меньшевиков, и народных социалистов. Большевики же выступали не столько против курса Временного правительства, сколько просто не хотели воевать.

При этом военные власти прекрасно понимали степень разложения армии и влияния на нее леворадикальных сил, стремясь отправлять такие части на фронт в первую очередь. Известный российский военачальник генерал А.А. Брусиллов так оценивал состояние армии в предоктябрьский

период: «Солдаты желали лишь одного – мира, чтобы отправиться домой, ограбить помещиков и жить свободно, не платя налогов, ни податей, не признавать никакого начальства. Вся солдатская масса потому и ударилась в большевизм, что только именно в этом состоит программа большевистской партии» [1].

Роль армии в политической жизни региона в очередной раз возросла осенью 1917 года в связи с выступлением против Временного правительства сторонников главнокомандующего русской армии генерала Л.Г. Корнилова.

В конце сентября из столицы поступила телеграмма, в которой губернским комиссарам предписывалось «приложить все силы для того, чтобы сплотить все здоровые элементы населения, различные партии и организации» для борьбы с надвигающейся опасностью» [4]. Одной из причин начавшейся дезорганизации местные власти считали деятельность большевиков, всеми силами стремившихся подорвать в населении веру во Временное правительство и его способность навести в стране надлежащий порядок. Не ограничиваясь антиправительственной агитацией, леворадикальные силы усиленно разлагали армию, вмешивались в деятельность органов местного самоуправления, пытались подменить их подконтрольными им советами рабочих и солдатских депутатов.

В создавшихся условиях правительство в очередной раз попыталось использовать в целях обеспечения общественной безопасности потенциал революционной армии. В конце сентября 1917 года начальник штаба Казанского военного округа отдал приказ командирам запасных частей выделить для усиления охраны городов и рабочих поселков офицеров и солдат из состава наиболее надежных частей [3].

Однако и эта мера местных властей оказалась запоздалой – в условиях массового формирования вооруженных отрядов Красной гвардии, с указаниями губернских комиссаров практически никто не считался. Опасаясь вооруженных столкновений, в городах и уездах фактически закрывали глаза на людей с оружием, как правило, имевших мандаты советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К примеру, попытка разоружить дружину рабочих Троицкого депо, едва не завершилась перестрелкой с сотрудниками уездной милиции. Городской совет рабочих и солдатских депутатов собрал специальное заседание, где обвинил начальника гарнизона полковника К. Кузнецова «в стремлении к контрреволюции». Конфликт принял настолько острый характер, что в него вмешались представители

Челябинского и Курганского советов. Последние даже предъявили ультиматум, что если оружие красногвардейцам не будет возвращено, что «на Троицк пойдет весь гарнизон Кургана» [2].

Осенью 1917 года на волне антикорниловских настроений в ряде городов к руководству советов пришли большевики, выдвинувшие радикальную программу преобразований, чему в немалой степени способствовала и нейтральная позиция советов солдатских депутатов и самих солдат. Армия же в этих условиях своего решающего слова сказать уже не могла, оказавшись полностью деморализованной.

Большевики Урала с первых дней падения монархии встали в оппозицию к Временному правительству, с развитием и углублением общенационального кризиса им удалось внести раскол в единое демократическое движение. Опираясь

на радикальную часть социалистов-революционеров и меньшевиков, они приступили под лозунгом всеобщего вооружения народа к организации собственных вооруженных отрядов. Такие отряды именовались рабочей или Красной гвардией.

После ликвидации «корниловского мятежа» большевики стали целенаправленно готовиться к вооруженному восстанию. Взяв власть в октябре-ноябре 1917 года, они в первую очередь демобилизовали все находившиеся на Урале запасные полки, а имевшееся у них оружие направили на вооружение рабочих отрядов. Часть офицеров и солдат вступила в формируемую на основе принципа добровольности Красную армию, другая разошлась по своим селам и городам, на время отойдя от активной политической жизни. Однако эта передышка закончилась гражданской войной.

Примечания

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М., 2000. С. 243.
2. ГАКО. – Ф. 1354. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 148.
3. ГАПО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 14.
4. ГАПО. – Ф. 167. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 4.
5. Кобзов В. С., Романов В. И. Кадровый вопрос в правоохранительных органах Урала в период Февральской революции // Юридическая теория и практика. – 2007. – № 2
6. Кобзов В. С., Романов В. И. Народная милиция Урала в период Февральской революции : моногр. – Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России 2010.
7. Кобзов В. С., Романов В. И. Противостояние народной милиции и самостоятельных формирований политических партий на Урале в 1917 году // Силловые структуры России: страницы истории : сб. науч. статей ; под ред. В. В. Черных. – Иркутск, 2008.
8. Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. – М. : ИПЦ «Глобус», 2004. – С. 201.
9. Попов Н. Н. Борьба большевистских организаций Урала за массы. 1914–1917. – Свердловск, 1974.
10. Романов В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года // Вестник ЧелГУ. История. – 2007. – Вып. 20.

ШВЕДОВ Игорь Валерьевич, начальник Челябинского филиала, Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, полковник. E-mail: vld-kobzov@yandex.ru

SHVEDOV Igor Valerievich, Head of Chelyabinsk Branch, Military Educational and Scientific Center «Air Force Academy of the Air Forces named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», Colonel. E-mail: vld-kobzov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.976

С.С. Бахтеев
S.S. Bakhteev**ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛИЗМА И ПРЕСТУПНОСТИ**

Статья посвящена проблеме распространения алкоголизма среди граждан Российской Федерации и влияния этого асоциального явления на совершение преступлений лицами разных возрастов и различного социального статуса, в том числе несовершеннолетними. Автор проводит анализ эффективности принимаемых государственными органами Российской Федерации мер по борьбе с этим распространенным явлением и предлагает ряд возможных изменений российского законодательства.

Ключевые слова: *алкоголизм, производство и продажа алкоголя, совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, преступность несовершеннолетних, отягчающие обстоятельства.*

ALCOHOLISM AND CRIME PROBLEMS

The article deals with the spread of alcoholism among the citizens of the Russian Federation and the effects of this anti-social phenomenon on the crimes committed by people of different ages and different social status, including minors. The author analyzes the effectiveness of the state authorities of the Russian Federation measures to combat this common phenomenon and offers a number of possible changes in the Russian legislation.

Keywords: *alcoholism, production and sale of alcohol, committing the offense while intoxicated, juvenile crime, aggravating circumstances.*

Согласно предоставленным ВОЗ данным, на сегодняшний день в России от алкоголя умирает каждый пятый житель страны.

В целом, статистика ВОЗ указывает на то, что по всему миру число смертей, связанных с алкоголем, составляет около 4%. При этом отдельно отмечается, что среди мужчин алкоголь приводит к смерти в 6,2% случаев, а у женщин – в 1,1%. Алкоголь ежегодно становится причиной смерти 320000 молодых людей в возрасте 15–29 лет. Согласно данным статистики, это составляет в среднем около 9% всех случаев смерти в этой возрастной группе [3].

По данным МВД России, в 2013 году в состоянии алкогольного опьянения совершено 341034 преступления, что на 8,3% больше аналогичного показателя предыдущего года, наркотического опьянения – 28338 (+10%) [2].

При этом необходимо учитывать, что состояние опьянения не всегда оказывает влияние на общественную опасность преступления, и, следовательно, не может рассматриваться в качестве универсального отягчающего наказание обстоятельства.

В 2013 году на коллегии прокуратуры Челябинской области рассмотрен вопрос об организации надзора за исполнением законодательства в

сфере борьбы с преступлениями, совершенными несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. За последние пять лет отмечается тенденция к снижению подростковой преступности. При этом в 16 городах и районах Челябинской области зарегистрирован рост подростковой преступности. Возросло количество разбойных нападений на 85% (с 26 до 48 преступлений). Треть всех преступлений совершены подростками в группе (547 преступлений из 1522), в том числе 275 – со взрослыми соучастниками. Каждое седьмое преступление совершено несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения. Неблагополучная ситуация в этом направлении сложилась в Ашинском районе, городах Златоусте, Копейске, Миассе, Metallургическом районе г. Челябинска, ЗАТО г. Снежинск. На работников предприятий торговли за продажу подросткам алкогольной продукции составлено 72 протокола. Возросло с 31 до 43 число преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств. Две трети таких преступлений приходится на город Челябинск. В состоянии наркотического опьянения подростками в возрасте 16–17 лет совершено 5 преступлений. Имели место правонарушения и преступления в отношении

несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств. Две трети таких преступлений приходится на город Челябинск.

В состоянии алкогольного и наркотического опьянения совершаются тяжкие преступления. Так, в январе в вечернее время в городскую клиническую больницу из квартиры жилого дома по улице Электростальская г. Челябинска, был доставлен неработающий, ранее судимый 23-летний молодой человек с проникающим ножевым ранением. Как установили прибывшие на место происшествия полицейские, телесные повреждения потерпевший получил в ходе ссоры со своим знакомым во время распития спиртных напитков. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»). Аналогичные преступления совершены на улице Либединского, где неработающему 26-летнему мужчине в ходе ссоры было причинено проникающее ножевое ранение грудной клетки во время совместного распития спиртных напитков. С Комсомольского проспекта был доставлен 62-летний мужчина без определенного места жительства с проникающим ножевым ранением брюшной полости, полученным при аналогичных обстоятельствах. Также в Калининском районе г. Челябинска, вечером в квартире по улице Лобырина, было обнаружено тело 32-летнего неработающего мужчины. Сотрудниками уголовного розыска установлен и задержан 33-летний знакомый пострадавшего, совершивший преступление в состоянии алкогольного опьянения. В одном из дворов Металлургического района пьяные хулиганы избили 75-летнего пенсионера, мужчина от полученных травм скончался. Это только единичные примеры преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения только в январе 2014 г. в г. Челябинске.

Думается, что недопустимо принимать жестких решений, которые затем поспешно нужно отменять, ломая давно сложившуюся систему, как антиалкогольные кампании 1918, 1929, 1958 гг., когда, в частности, было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками». Запрещалась продажа водки во всех предприятиях торговли общественного питания (кроме ресторанов), расположенных на вокзалах, в аэропортах, на привокзальных и пристанционных площадях. Не допускалась продажа водки в непосредственной близости от промышленных предприятий, учебных заведений,

детских учреждений, больниц, санаториев, в местах массовых гуляний и отдыха.

Постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» предписывалось сократить производство крепких алкогольных напитков, но взамен расширить производство виноградного вина, пива и безалкогольных напитков. Также были повышены цены на спиртное; прекращено производство водки крепостью 50 и 56° время торговли алкогольными напитками крепостью 30° и выше было ограничено промежутком с 11 до 19 часов; были созданы лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), куда людей отправляли принудительно;

7 мая 1985 г. были приняты Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановление Совмина СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения», которыми предписывалось всем партийным, административным и правоохранительным органам решительно и повсеместно усилить борьбу с пьянством и алкоголизмом, причем предусматривалось значительное сокращение производства алкогольных напитков, числа мест их продажи и времени продажи.

16 мая 1985 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения», который подкреплял эту борьбу административными и уголовными наказаниями. Соответствующие указы были приняты одновременно во всех союзных республиках. Были приняты жесткие меры против распития спиртного в парках и сквериках, а также в поездах дальнего следования. Пойманные в пьяном виде имели серьезные неприятности на работе.

В данном случае, по нашему мнению, возникает ряд вопросов, которые необходимо решать незамедлительно, так как многочисленные рассуждения о правах человека и сложностях работы правоохранительных органов не дадут нужного результата.

Российские юристы и парламентарии, обсуждающие проблемы, касающиеся борьбы с пьянством и алкоголизмом, борьбы за права человека и гражданина высказывают свои мнения по отдельным аспектам данных проблем.

В настоящее время деятельность медицинских вытрезвителей в России не имеет федерального нормативного регулирования. Приказ МВД СССР от 30 мая 1985 г., регламентирующий деятельность медицинских вытрезвителей, с 1 января 2010 года признан недействующим.

Парламентарии в целом разделили опасения тех, кто считает несвоевременным закрытие медвытрезвителей в стране. Вместе с тем отдельные политики отметили, что заниматься приведением подвыпивших граждан в чувство должны медики, а не правоохранители. Однако, по нашему мнению и мнению сотрудников уголовного розыска, дознавателей и следователей, этой проблемой должны заниматься оба ведомства, причем с учетом степени алкогольного опьянения граждан, их поведения (агрессия, попытка суицида, депрессивное состояние, и т. д.), статуса на момент его (ее) обнаружения (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый). Необходимо подчеркнуть, что обычный законопослушный гражданин, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, как часто бывает, становится жертвой преступления (кражи, грабежа, разбоя, причинения тяжкого вреда здоровью, и т. д.) И напротив, очень много ситуаций, когда бригада «Скорой медицинской помощи», прибыв для оказания помощи потерпевшему, вынуждена ждать прибытия следственно-оперативной группы, так как по данному адресу присутствует агрессивный и угрожающий им расправой пьяный подозреваемый. Ситуации могут быть разнообразными. Мы солидарны с мнением первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» заслуженного врача РФ Т. Яковлевой, которая отметила, что в партии «Единая Россия» опасаются, что с закрытием медвытрезвителей вырастет число правонарушений и увеличатся показатели смертности населения. Она уверена, что решение о ликвидации медвытрезвителей

сломало «единый алгоритм», что в результате создало дополнительную нагрузку как на систему здравоохранения, так и на органы охраны порядка. Такого же мнения придерживается представитель регионального отделения «Единой России» Р. Гаттаров. Он пояснил, что «сначала нужно создать новую систему по приведению в чувство выпивших граждан, а потом уже разрушать имеющуюся».

Какие же неотложные меры необходимо принять для установления правопорядка и установления справедливости закона и обеспечения безопасности правопослушных граждан?

Необходимо подчеркнуть, что должна быть создана действующая наркологическая служба, охраняемая сотрудниками полиции (охраны), так как задержанные в состоянии алкогольного или наркотического опьянения подозреваемые (обвиняемые) при отсутствии вытрезвителей в настоящее время содержатся в ИВС или приемниках-распределителях не могут, при наличии в них других лиц во избежание чрезвычайных происшествий (драка, причинение себе вреда) Кроме того, задержанного подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, дознаватель или следователь не имеет права допрашивать. После наступления вытрезвления, можно проводить следственные действия в соответствии с УПК РФ. Факт нахождения задержанного подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, должен быть официально зафиксирован у врача-нарколога.

Примечания

1. Об организации надзора за исполнением законодательства в сфере борьбы с преступлениями, совершенными несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних : материалы коллегии прокуратуры Челябинской области от 3 октября 2013 г. – <http://www.chelproc.ru>
2. Социально-криминологическая характеристика преступности // Статистика МВД России за январь–декабрь 2013 года. – http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf
3. Статистика Всемирной организации здравоохранения. – <http://www.who.int.ru>

БАХТЕЕВ Сергей Степанович, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Российская академия правосудия (Уральский филиал), кандидат юридических наук. E-mail: pspo.upd@rambler.ru

BAKHTEEV Sergey Stepanovich, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure Law, the Russian Academy of Justice (the Ural Branch), Candidate of Law. E-mail: pspo.upd@rambler.ru

УДК 343.01

Д.Ю. Гончаров
D.Y. Goncharov**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СИСТЕМА, ГРАНИЦЫ**

Необходимость систематизации представлений о законодательстве, регулирующем борьбу с преступностью, и его классификации обуславливаются потребностью оптимизации понимания исследуемой предметной области на основе свойств, присущих конкретным законам.

Ключевые слова: борьба с преступностью; система законодательства; кодифицированное законодательство; законодательство, применимое к уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным отношениям.

LEGISLATION TO COMBAT CRIME IN MODERN CONDITIONS: SYSTEM, BOUNDARIES

The need to systematize ideas about legislation regulating crime fighting and its classification are determined by the need of optimization of understanding domain under study based on the properties inherent in specific laws.

Keywords: crime fighting, legislative system, codified law, law applied to criminal, criminal procedure and criminal-executive relations.

Ввиду того, что субъекты профилактики, на наш взгляд, могут не допустить совершение *преступлений*, а преступность как явление объективно уже невозможно предупредить (она давно есть), на нее, как на совокупность уже совершенных уголовно-наказуемых деяний, следует воздействовать иным, в отличие от предупреждения, образом. Условно такое воздействие можно назвать устоявшимся термином – «борьба с преступностью».

Группа источников, регулирующих отношения, возникающие в результате совершения (проверки информации о совершении) уголовно наказуемого деяния, в литературе получила еще одно условное название – законодательство криминального цикла. Научная типология позволяет следующим образом сгруппировать различные варианты представлений о единстве рассматриваемого комплекса.

I. Подразумеваемое объединение [40]. Отнесение уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства к нормативной базе уголовной политики в тесной связке с термином «борьба с преступностью» прослеживается в трудах многих специалистов дореволюционного (М.П. Чубинский, И. Бентам, М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий [41], А.А. Пионтовский (отец) [37]), советского (А.А. Пионтовский (сын) [36], А.А. Герцензон, И.М. Гальперин, В.И. Курляндский, П.С. Дагель [9] и другие) и постсоветского (Лесников Г.Ю. и другие) [24] периодов.

II. Включение в законодательство криминального цикла Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов (А.И. Зубков и В.И. Зубкова) [13].

III. Отнесение к наукам криминального цикла главным образом соответствующих отраслей (В.В. Лунеев [25], С.В. Анощенко [3], В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов [20], Э.Ф. Побегайло [29], А.В. Шмонин [42]) либо в числе объемного перечня наряду с другими науками (И.И. Карпец) [15].

IV. Использование терминов, обозначающих, по сути, то же самое, что и термин «криминальный цикл» в значении «включающий уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную отрасли», но имеющих другое название: *уголовно-правовой цикл* (Н.Ф. Кузнецова [21], Е.П. Ищенко, А.А. Топорков [14], П.В. Агапов [1]), *антикриминальное законодательство*.

Таким образом, законодательство криминального цикла в наиболее общем виде можно определить как совокупность законов уголовной (материальной), уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслей.

Зададимся вопросом: «исчерпывается ли уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство текстами соответственно УК, УПК и УИК РФ или необходимо признать, что есть законодательство о борьбе с преступностью кодифицированное, а есть – некодифицированное»? Если за отправную точку взять тезис о возможности существования

некодифицированных актов законодательства, применимых к отношениям в результате совершения преступления, то по какому пути должен идти законодатель, помещая одни нормы в кодексах, а другие – в некодифицированных актах? Может ли быть выработан критерий подобной дифференциации?

Очевидно, начинать необходимо с выяснения глубинной сути законодательства криминального цикла. Так, например, суть уголовно-правовой отрасли кроется в ее предметной и функциональной специфике. Определяя ее, А.Э. Жалинский [11], М.А. Кауфман [16], М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин [4] признают сущностью уголовного права легитимацию имеющегося в обществе насилия. Специфика уголовно-процессуальной отрасли, ее сущность кроются в порядке установления виновности лица, в отношении которого выдвинуто подозрение в совершении преступления. Специфика уголовно-исполнительной отрасли, ее сущность заключались всегда в определении порядка исполнения уголовных наказаний. Именно сущностные черты и должны, на наш взгляд, отражаться в основном – кодифицированном законодательстве, а все иное может быть закреплено во «вспомогательных», некодифицированных актах, хотя практически на сегодняшний день в кодексах законодательства криминального цикла содержится большое количество предписаний, взаимосвязанных с базовыми, «сущностными» нормами.

Вопрос об источниках нашел прямое закрепление в отраслевых кодексах, что, однако, не исключило расхождений между соответствующими предписаниями и реальным наличием исключений из этих правил.

Распространенным мнением является то, что уголовное законодательство РФ представляет Уголовный кодекс, являющийся единым и единственным кодифицированным актом уголовного законодательства (ст. 1 УК РФ) [20]. Согласно ч. 1 ст. 1 УК новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в Кодекс в качестве поправок, дополнений или новых статей. В пункте 57 ст. 5 УПК РФ сказано, что понятие «уголовный закон» имеет значение «Уголовный кодекс Российской Федерации». В этом же смысловом значении, очевидно, названное понятие употреблено в ч. 3 ст. 171, ч. 3 ст. 223.1, ч. 3 ст. 360, ч. 1 ст. 387, ч. 3 ст. 410 и др. УПК РФ.

О.Н. Бибик указывает, что мнения, согласно которому уголовное законодательство ограничивается только УК, придерживается большинство ученых [6]. Ссылаясь на изданные в советский [22]

и постсоветский [23] периоды курсы уголовного права, автор констатирует наибольшее распространение точки зрения о том, что «УК РФ является единственным законом, регламентирующим применение уголовной ответственности, освобождение от нее или другие положения материального уголовного права» [6, с. 76]. В настоящее время трудно представить, чтобы какой-либо уголовный закон мог действовать отдельно от УК РФ. Сведение уголовного законодательства к одному нормативному правовому акту – УК РФ – означает невозможность существования системы уголовного законодательства, поскольку отсутствуют системообразующие элементы [6, с. 76].

Итак, в блок кодифицированной подсистемы действующего законодательства криминального цикла входит, в числе прочих *кодексов*, Уголовный кодекс РФ.

Часть первая ст. 1 УПК РФ признает кодекс, в котором она содержится, нормативным актом, определяющим порядок уголовного судопроизводства [26].

Основную массу вопросов как всего уголовного процесса в целом, так и отдельных его частей (стадий) регулирует УПК РФ. Порядок судопроизводства представляет собой часть уголовного процесса. Сущность уголовного процесса составляют многочисленные уголовно-процессуальные отношения, возникающие на разных этапах производства по уголовному делу, а также в стадиях возбуждения уголовного дела и при исполнении приговора. Основную часть задач в этой сфере выполняет УПК. Другую часть исполняют иные федеральные законы, нормы которых, однако, действуют в сфере уголовного судопроизводства при решении процессуальных вопросов лишь постольку, поскольку они не противоречат нормам УПК РФ (ст. 7) [7].

В соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя как судебное, так и досудебное производство по уголовному делу. То есть, не только судебные стадии, но и стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования также считаются частью судопроизводства. Статья 1 УПК РФ называется «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства». В пункте 1 этой статьи упомянут Уголовно-процессуальный кодекс (иные законы равной с кодексом силы в данной норме не названы). Таким образом, систематическое толкование приводит к выводу, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ отождествляет уголовно-процессуальное законодательство и законодательство, определяющее порядок уголовного

судопроизводства. Уголовное судопроизводство регулируется УПК РФ; предписания процессуального характера, расположенные в иных источниках, не должны противоречить УПК и Конституции РФ. Эти правила предохраняют кодифицированное уголовно-процессуальное законодательство от проникновения в него чужеродных норм, не отвечающих современным принципам судопроизводства и противоречащих внутренней системе УПК, что является важной политической гарантией против рецидивов авторитаризма в области уголовного процесса.

В науке уголовно-исполнительное законодательство рассматривают в узком и широком смысле. В узком смысле – это федеральные конституционные и федеральные законы, принятые на уровне Российской Федерации, в широком – это, помимо названных законов, еще и относящиеся к вопросам исполнения уголовных наказаний иные нормативные правовые акты: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, уставы, положения, инструкции, наставления, приказы и иные предписания, издаваемые министерствами и ведомствами [18].

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что уголовно-исполнительное законодательство может состоять только из федеральных законов.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ является в настоящее время основным законом, регулирующим исполнение всех видов уголовных наказаний. Другие законы дополняют и развивают его отдельные положения.

Выборочное изучение 15 диссертационных исследований (в ряде случаев авторефератов диссертаций) по научным специальностям отраслей, изучающих уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство показало следующие результаты. В 14 работах (93%), выполненных во время действия УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, отождествлялись уголовное законодательство, уголовный закон и УК РФ; либо уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-процессуальный закон и УПК РФ; либо уголовно-исполнительное законодательство рассматривалось как включающее УИК РФ и другие федеральные законы [5].

В одной из этих работ автор занял позицию, согласно которой, с одной стороны, порядок уголовного судопроизводства регулируют четыре группы источников, и с другой – что УПК РФ является единственным уголовно-процессуальным законом страны. Таким образом, справедливо подчеркнуто, что уголовно-процессуальное законодательство включено в число источников

уголовно-процессуального права, но не отождествлено с ним [10].

Лишь в одной из диссертаций (7%) уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации ограничено рамками УИК РФ, что не согласуется с установлением соответствующих границ в ч. 1 ст. 2 УИК РФ [12].

Таким образом, в современных научных работах преобладает подход к определению границ отраслевого законодательства (уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного) с учетом правила ограничительного толкования правовых норм, закрепленных в ч. 1 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ и ч. 1 ст. 2 УИК РФ. Вместе с тем серьезную проблему представляет отсутствие нормативного закрепления сферы регулирования кодифицированного законодательства криминального цикла (за исключением, пожалуй, УИК РФ). Это не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, что именно в уголовно-правовых, процессуальных, исполнительных отношениях должно быть урегулировано законом: кодексом или иным, а что может быть урегулировано в подзаконных актах. Этот вопрос до сих пор принципиально не решен и в юридической науке, несмотря на то, что он крайне важен для определения структуры источников. В задачи данной работы входит систематизация знаний о том, какие источники в настоящее время образуют блоки, или подсистемы законодательства о противодействии преступности.

Проведенный анализ имеющихся в современной юридической науке точек зрения относительно отраслевого кодифицированного законодательства, непосредственно регулирующего уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения, позволяет дать следующее определение.

Кодифицированное законодательство криминального цикла – это совокупность законов, принятых высшим органом законодательной власти Российской Федерации: уголовного (УК РФ), уголовно-процессуального (УПК РФ) и уголовно-исполнительного (УИК РФ), направленных на непосредственное регулирование расследования преступлений, определения основания уголовной ответственности, судебного рассмотрения уголовных дел, назначения и исполнения уголовных наказаний.

Приведенное определение позволяет признать наличие законов Российской Федерации, не входящих в подсистему кодифицированного законодательства криминального цикла, нормы которых *применимы* к регулированию отношений, возникающих в связи с совершением преступлений.

Некодифицированное законодательство о выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, исполнении уголовных наказаний

В процессе осуществления повседневной деятельности правоохранительных органов, судов, иных властных структур, а также общественных институтов, направленной на борьбу с преступностью, может применяться весьма значительное количество законов. В деятельности государственных органов, осуществляющих широкий спектр названных функций, применяются как законы, регулирующие, помимо борьбы с преступностью, вопросы, например, прохождения службы, так и законы, наиболее тесно примыкающие к сфере кодифицированного законодательства, анализ которого проводился выше.

С учетом того, что при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, назначении и исполнении уголовных наказаний применяются законы, положения которых относятся, в первую очередь, к уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному законодательству, на наш взгляд, следует обратиться именно к исследованию этого, ограниченного круга законов. Необходимо рамочное изучение законодательства, «смежного» с кодифицированным блоком.

Начнем с анализа законов, «примыкающих» к Уголовному кодексу.

Судебная практика как раннего, так и более позднего постсоветских периодов знает примеры, иллюстрирующие применение и отражение судами в своих решениях по уголовным делам уголовного закона, применявшегося отдельно от УК РСФСР. К таковым, в частности, относится Федеральный закон от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [8]. Немало «постановлений о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом» выносилось российскими судами после масштабной реформы УК РФ в декабре 2003 г. (в них тоже содержались ссылки на Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [27]); за 2010–2011 гг. в порядке исполнения приговора вопросы обратной силы уголовного закона были решены в отношении примерно 0,5 млн человек (в 2010 г. – 108 тыс., в 2011 г. – 380 тыс.) [17]. Однако практика вынесения процессуальных решений, основанных на положениях не Уголовного кодекса, а законов, вносящих в него изменения и дополнения, не согласуется с положениями ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 УК РФ. В УПК РФ предусмотрено, что

в постановлениях о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, обвинительном заключении, обвинительном акте, приговоре указываются пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за преступление. Суд обращается к нормам Уголовного кодекса при решении вопросов о том, является ли деяние преступлением и как его квалифицировать; необходимо ли лишить подсудимого специального, воинского или почетного звания, классного чина, а также государственных наград; могут ли быть применены принудительные меры воспитательного воздействия или медицинского характера и др. Таким образом, УПК РФ указывает на необходимость обращения к нормам Уголовного кодекса, а не «других уголовных законов».

Верным, на наш взгляд, является мнение С.С. Алексеева, согласно которому оперативные нормы призваны регулировать общественные отношения не непосредственно, а через иные нормы, т.е. путем регламентации порядка вступления в силу нормативных актов, их отмены, области их действия и др. [2]. Закон о внесении изменений – это новый закон, предусматривающий уголовную ответственность в ином, по сравнению с устаревшим актом, виде (как устанавливающий, так и устраняющий), и поэтому он подлежит включению в УК РФ (ч. 1 ст. 1).

В Уголовном кодексе РФ допущено исключение из единства уголовного закона только в ч. 3 ст. 331 (законодательство Российской Федерации военного времени) [28]. Кроме того, законами, которые не включены в УК РФ, но подлежат самостоятельному применению как регулирующие уголовно-правовые отношения, возникшие до 1 января 1997 г., являются УК РСФСР 1960 г. и иные законы, если действующий Уголовный кодекс ухудшает положение лица, совершившего преступление до вступления его (действующего УК РФ) в силу.

В подобных случаях, на наш взгляд, вполне употребим термин «законодательство, применимое к уголовным правоотношениям», которое, в отличие от действующего кодифицированного уголовного законодательства, например, утратило силу – ультраактивный закон (УК РСФСР) [39], – или еще не приобрело силы (законодательство военного времени), или развивает положения (в том числе применяется для уяснения их смысла) УК РФ.

Такое деление не означает дифференциации законодательства, регулирующего уголовно-правовые отношения, на уголовное и иное, что, на наш

взгляд, недопустимо в силу самостоятельности уголовно-правовой отрасли законодательства.

Продолжая наш анализ, коснемся исследования законов, применяемых в уголовно-процессуальной деятельности, не объединенных в единый кодекс.

Иные, кроме УПК РФ, законы не образуют собой элементы кодифицированного уголовно-процессуального законодательства. В ряде случаев положения УПК сформулированы с учетом норм специальных законов. Однако нормы этих «других» (или «специальных») законов, имея уголовно-процессуальную ориентацию, должны функционировать таким образом, чтобы обеспечить наиболее эффективное применение уголовно-процессуальных норм (см., например, ст. 2, 7, 9, 11 Закона об ОРД; ст. 27, 29, 35–38 Закона о прокуратуре; ст. 20, 84 УИК РФ). Небезынтересен в связи с этим пример с введением еще до принятия УК РФ Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [39]. Частью 4 ст. 18 этого закона предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности членов преступных групп в случае совершения действий, описанных позднее в уголовно-правовой норме о деятельном раскаянии. В специальной литературе небезосновательно высказывалось суждение о том, что пока основание освобождения, сформулированное в ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД, остается не инкорпорированным в УК и УПК, не согласованным с ними, применяться оно практически не может [33]. Изучение материалов правоприменительной практики и специальной литературы позволило В.В. Ожкало прийти к выводу о том, что случаев применения ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД зафиксировано не было [35].

Уголовно-процессуальным кодексом установлен порядок уголовного судопроизводства. Он в особых случаях может определяться и иными законами (например, в соответствии со ст. 35 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении» допускается изменение подсудности уголовных дел по решению Верховного Суда РФ). Отдельные процессуальные нормы содержатся в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [31], законах РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» [32], от 3 апреля 1995 г. «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» [34], от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 17 ноября 1995 г. [30] и др. в части, не противоречащей УПК РФ.

Что касается уголовно-исполнительного законодательства, то, согласно ч. 1 ст. 2 УИК РФ, к уголовно-исполнительному законодательству, наряду с УИК РФ относятся и другие федеральные законы.

В частности, такими законами являются: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473–1 (ред. от 30 декабря 2012 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103–ФЗ (ред. от 03 декабря 2011 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 2–ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» и др. Кроме того, целый ряд общественных отношений в сфере исполнения наказаний находит свое отражение и в иных отраслях законодательства. Так, труд осужденных к лишению свободы, за изъятиями, установленными УИК РФ, регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации, вопросы медико-санитарного обеспечения осужденных находят свое отражение в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323–ФЗ (ред. от 25 июня 2012 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Законе РФ от 02 июля 1992 г. № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Итак, в ряде случаев для достижения целей законодательства криминального цикла необходимо принятие других предписаний, не входящих в тексты кодифицированного уголовного материального, процессуального и исполнительного законов. Помимо названных законов, в частности, развивающих уголовно-исполнительные положения, к этой категории можно отнести законы о вступлении в силу, изменении и дополнении УК РФ, УПК РФ и УИК РФ.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что УК РФ, УПК РФ, УИК РФ – это кодифицированное законодательство, непосредственно направленное на борьбу с преступностью. Оно напрямую предусматривает, устанавливает и реализует отношения, сутью которых является привлечение к уголовной ответственности, назначение и исполнение наказания.

Дополнительное, некодифицированное законодательство, применимое к уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным отношениям, направлено: 1) на развитие положений кодифицированных (например, УИК РФ) законов в сфере реализации правоотношений, не направленной на предупреждение

преступлений; 2) на обеспечение выявления, пресечения и раскрытия преступлений, и, тем самым, наиболее эффективного функционирования действующих кодифицированных актов; 3) на применение взамен действующих кодифицированных актов (ультраактивные законы и законодательство

военного времени); 4) на изменение и дополнение кодифицированного законодательства криминального цикла либо 5) на регулирование «некриминальных» отношений, если соответствующие нормы подлежат применению совместно с нормами законодательства криминального цикла.

Примечания

1. Агапов П. А. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 312 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982. – Т. 2. – С. 314–315.
3. Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 248 с.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1 (2). – С. 10.
5. Белокопытов А. К. Законное представительство в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – 21 с.; Гулялова М. К. Действие уголовно-процессуального закона во времени, пространстве и по кругу лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.; Денисова А. В. Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в законах иной отраслевой принадлежности : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – 216 с.; Иваничин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.; Морозов Б. П. Правоприменительное толкование уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 29 с.; Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – 536 с.; Радаева Н. Л. Лингвистические основания толкования уголовного закона и квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 255 с.; Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2009. – 29 с.; Сафиуллина Ю. В. Проблемы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006; Семенов Я. И. Законодательная техника в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007. – 24 с.; Сенатова Е. В. Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – 222 с.; Тосакова Л. С. Назначение наказания при рецидиве преступлений по действующему уголовному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1997. – 222 с.; Чередниченко Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации: комплексное теоретическое исследование. – Саратов, 2006. – 230 с.
6. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.
7. Божьев В. Пятилетие Уголовно-процессуального кодекса // Законность. – 2007. – № 1.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1995. – № 6. – С. 13; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 4. – С. 7.
9. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. – М., 1970. – С. 175-179; Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные проблемы борьбы с преступностью. – М., 1975. – С. 12; Дагель П. С. Значение XXVI съезда КПСС для советской уголовной политики // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Иркутск, 1983. – С. 5.
10. Гулялова М. К. Действие уголовно-процессуального закона во времени, пространстве и по кругу лиц ...
11. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 17.
12. Захаров А. А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 168 с.

13. Зубков А. И., Зубкова В. И. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журнал российского права. – 2002.
14. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учеб. ; под общ. ред. Е. П. Ищенко. – 2-е изд., испр. – М., 2005.
15. Карпец И. И. Развитие наук криминального цикла в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1987. С. 4–5.
16. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. – М., 2009. – С. 47–50.
17. Кашепов В. П. Преобразование институтов Общей части уголовного права посредством дополнительного законодательства // Журнал российского права. – 2013. – № 4. – С. 13–14.
18. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Зубкова. – 4-е изд., перераб. – М. : Норма, 2008.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – М. : Контракт, ИНФРА-М, 2009; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2008; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2007.
20. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
21. Кузнецова Н. Ф. Историко-сравнительный анализ уголовно-правовых отраслей науки, законодательства и правоприменения // Законодательство. – 2007. – № 12.
22. Курс советского уголовного права. – М., 1970. – Т. 1. – С. 168–169.
23. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – С. 80.
24. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.
25. Лунеев В. В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 39–58; Он же. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Криминологический журнал БГУЭП. – 2007. – № 1-2. – С. 6–24.
26. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. – 3-е издание, перераб. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2007.
27. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс : федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
28. О военном положении : федер. конст. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ; Об обороне : федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ; О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : федер. закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ.
29. О законодательной регламентации профилактики семейного неблагополучия как криминогенного фактора // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 6.
30. О прокуратуре Российской Федерации : закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 17 ноября 1995 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
31. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
32. О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
33. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
34. Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
35. Ожкало В. В. Проблемы взаимосвязей и согласования уголовно-процессуального, уголовного и оперативно-розыскного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 166.
36. Пионтковский А. А. (сын). Марксизм и уголовное право. – 2-е изд. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – С. 6.

37. Пионтковский А. А. Наука уголовного права: его предмет, задачи и значение. – Одесса, 1892. – С. 11.

38. При этом такие законы приобретают статус утративших силу законодательным путем. См., напр.: ст. 2 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64–ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации». Однако отдельные авторы оспаривают очевидность подобной утраты силы, предлагая усматривать в принятии нового уголовного закона изменение временной сферы действия прежнего уголовного закона. См.: Бибик О. Н. Указ. соч. – С. 85.

39. Савинский А., Циммерман И. Деятельное раскаяние: от законодательного декларирования к реальному применению // Законность. – 2004. – № 3. – С. 37.

40. Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» 11 февраля 2009 г.

41. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. – СПб., 1912. – С. 4–13.

42. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений : учеб. пособие. – М. : Юстицинформ, 2006.

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич, профессор кафедры уголовного права, Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации» (Екатеринбургский филиал), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: goncharov_d@mail.ru

GONCHAROV Denis Yurievich, Professor of the Chair of Criminal Law, Institute for Advanced Training of the Investigative Committee of the Russian Federation "(Ekaterinburg Branch), Candidate of Law. E-mail: goncharov_d@mail.ru

УДК 343.9.01

А.В. Майоров
A. V. Mayorov

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с пониманием определения «противодействие преступности». Анализируются различные точки зрения ученых о понятиях «предупреждение преступности», «профилактика преступности» и «борьба с преступностью». Предлагается комплексный подход к рассмотрению понятия «противодействие преступности», а также отмечается, что в целом меры воздействия на преступность образуют систему противодействия преступности. Предлагается авторское понимание системы противодействия преступности в России.

Ключевые слова: противодействие преступности, предупреждение, профилактика, борьба с преступностью, система противодействия преступности, уголовная политика.

CONCEPT AND STRUCTURE OF CRIME PREVENTION SYSTEM

The article deals with the problematic issues related to understanding the definition of «crime prevention». Various points of view on the concepts of «crime prevention», «crime preventive treatment» and «crime fighting» are analyzed. A comprehensive approach to considering the concept of «crime prevention» is offered. It is noted that measures of crime impact in general form the system of crime prevention. The author's understanding of «crime prevention» in Russia is suggested in the article as well.

Keywords: crime prevention, prevention, preventive treatment, crime fighting, system of crime prevention, criminal policy.

Рассматривая деятельность государства, ее правовых институтов и органов правопорядка, направленную на борьбу с преступными проявлениями в обществе, можно сказать, что одним из приоритетных направлений уголовной политики государства является противодействие преступности. В последнее время термин «противодействие» применительно к такому социальному явлению, как преступность активно используется не только авторами учебных и научных работ, но и в законотворческой деятельности. Так, к примеру, определяя назначение полиции, законодатель в ст. 1 Федерального закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции» указал, что одним из основных предназначений полиции, является именно «противодействие преступности» [9].

Следует отметить, что ряд нормативных правовых актов в нашей стране указывают именно на противодействие тому или иному проявлению преступной деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет основные принципы противодействия экстремистской деятельности (ст. 2), выделяя в качестве приоритетных мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности и обеспечения безопасности Российской Федерации. При этом основные направления противодействия, применительно к деятельности направленной на

экстремизм (ст. 3) заключаются в принятии *профилактических мер*, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; *выявлению, предупреждению и пресечению* экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц [10].

На законодательном уровне была предпринята попытка определения и закрепления понятия «противодействие» в Федеральном законе РФ от 6 марта 2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму» и в Федеральном законе РФ от 25 декабря 2008 г. № 273–ФЗ «О противодействии коррупции». Однако указанные нормативные правовые акты определяют противодействие в рамках их применения в условиях борьбы с конкретными проявлениями преступной деятельности (*терроризм, коррупция*).

Так, в п. 4 ст. 3 Закона «О противодействии терроризму» «противодействие терроризму» определяется как *деятельность* органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) *предупреждению* терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» в п. 2 ст. 1 определяет «противодействие коррупции» как *деятельность* федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (*профилактика* коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (*борьба с коррупцией*);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Таким образом, законодательное толкование определений в указанных законах позволяет выделить основные *признаки* понятия «*противодействие*» применительно к противоправным деяниям (преступности):

1) это *деятельность государственных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц*, в пределах их полномочий, направленная против преступных посягательств;

2) *целью* такой деятельности являются *выявление* и последующее *устранение* причин и условий, способствующих осуществлению противоправной (противозаконной) деятельности, а также *минимизация* и (или) *ликвидация* последствий преступной деятельности;

3) *противодействие* может осуществляться как посредством ранней (*профилактической*) предупредительной деятельности, направленной на *выявление* и последующее *устранение* причин противоправной (преступной) деятельности, так и посредством *борьбы*, направленной на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.

Из приведенного анализа очевидно, что термин «противодействие» является более приемлемым для определения всей совокупности мер, направленных на снижение уровня преступности и повышение уровня защищенности граждан, общества и государства в целом.

Однако анализ специальной литературы показывает, что в сфере воздействия на преступность задействовано несколько терминов, многие из которых используются и в законодательной технике.

Как правило, это и «предупреждение преступности», и «борьба с преступностью», и «профилактика преступности», и «контроль над преступностью», и «выявление», и «пресечение», а также «раскрытие и расследование». Необходимо отметить, что в отечественной криминологической литературе эти термины, а особенно «...«предупреждение» и «профилактика», характеризующие сугубо криминологический элемент реагирования на преступность...» [6, с. 187], многими авторами используются как синонимы, выражающие одну и ту же мысль. Вместе с тем, по мнению Ю.М. Антоняна, в предупредительной деятельности можно выделить некоторые автономные направления активности государства и общества, а также отдельных граждан. Разделяя мнение указанного автора, можно согласиться, что «было бы правильно говорить о трех основных видах предупредительной деятельности – «борьба», «предупреждение» и «профилактика», хотя и среди криминологов нет единства мнений относительно их содержания» [1, с. 141].

Раскрывая понятие «противодействие преступности», в первую очередь предлагаем рассмотреть такой вид деятельности, как «профилактика преступности», посредством которой осуществляется воздействие на причины и условия, способствующие ей. Так по мнению Ю.М. Антоняна, «это наиболее важный вид борьбы с преступностью, поскольку он подразумевает воздействие непосредственно на криминогенные факторы, порождающие совершение преступлений. Вместе с тем это и наиболее гуманный способ борьбы с преступностью, поскольку в большинстве случаев не предусматривает уголовно-правового воздействия на лиц, способных встать на преступный путь. Это, так сказать, генеральное направление в борьбе с преступностью, и именно его государство и общество должны всемерно поддерживать и развивать» [1, с. 142]. Такое понимание профилактики преступной деятельности вполне соответствует ее основным целям и задачам, решаемым субъектами в процессе ее осуществления.

Существует и иная позиция, относительно профилактических мер, которые определяют как «общее предупреждение преступности» [4, с. 435] или «раннее предупреждение преступности» [2, с. 103] в общей сфере борьбы с преступностью. Такая позиция авторов основана на общепринятых видах предупреждения преступности, в которых выделяют: общее, специальное и индивидуальное предупреждение, а также раннее, непосредственное и постпенитенциарное предупреждение преступности.

В юридической литературе предупреждение преступности определяется, как «...целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [4, с. 435]. Важно отметить, что такое понимание проблемы предупредительного воздействия на процессы детерминации преступности главным образом направлено на выявление субъектов, совершающих преступления, а также вовлекающих новых лиц для совершения криминальных деяний, поддерживающих криминальные связи, традиции и т. п. В этом смысле криминологическое предупреждение по сути обнаруживает себя как процесс управления преступностью. Вместе с тем существует доминирующая позиция, согласно которой управлять преступностью нельзя, можно лишь управлять мерами воздействия на преступность, осуществлять контроль над преступностью. Однако рассматривая такое понятие, как «контроль над преступностью», необходимо обратиться к самому пониманию слова «контроль», которое в русском языке толкуется, как проверка чего-либо, наблюдение за кем-либо, чем-либо с целью проверки. Совершенно обосновано А.И. Долгова отмечает, что использование этого понятия в криминологии не убедительно, разделяя мнение других авторов [4, с. 387]. Таким образом, «контроль над преступностью» включает в себя широкий спектр уголовной политики делая более уязвимым это понятие для критики.

Помимо этого, в науке представлен и иной взгляд на сущность рассматриваемого вопроса, связанного с определением понятия «предупреждение преступности». В частности, предупреждение преступности определяется как «...комплекс взаимоувязанных социально-экономических, политических, культурно-воспитательных мер, осуществляемых государственными, муниципальными органами, общественными формированиями и отдельными гражданами в целях противодействия преступности, преодоления причин, ее порождающих» [2, с. 103]. Представляется, что данное определение носит более емкий характер и отражает сущность предлагаемой нами концептуальной системы противодействия преступности.

Исходя из толкования термина «профилактика» (др.-греч. *prophylaktikos* – предохранительный) – это комплекс различного рода мероприятий, направленных на предупреждение какого-

либо явления и (или) устранение факторов риска. Таким образом, можно говорить о профилактике как о первоначальном (раннем) этапе предупредительной деятельности, направленном на выявление и устранение причин и условий (детерминантов) преступности и установление лиц, склонных к совершению правонарушений (преступлений). Иными словами, можно констатировать, что *профилактика преступности, являясь составной частью предупреждения преступности, предшествует во времени мерам предупредительного воздействия, направленным на предотвращение преступлений.* По мнению В.И. Чернышева, преступность непосредственно связана с причинами и условиями, ей способствующими, ее порождающими и возникающими в различных сферах и на разных уровнях общественной жизни – от общесоциальных причин и условий до конкретных ситуаций, складывающихся в определенных социальных группах и между отдельными людьми. Профилактика преступности призвана оказывать соответствующее воздействие на эти причины и условия, с тем чтобы, с одной стороны, воспрепятствовать их возникновению, а с другой – пресечь или нейтрализовать криминогенное воздействие тех из них, которые пока не удастся устранить [11]. При таком подходе можно сказать, что предупреждение преступлений начинается с осуществления мер профилактики.

Рассматривая понятие «борьба с преступностью», необходимо обратить внимание на значенные слова «борьба», которое в словарях русского языка трактуется как «...активное столкновение противоположных интересов, групп, мнений и т. п. в целях приобретения господства одних над другими». Другими словами, «борьба с преступностью» – это активное столкновение общества с преступностью для обеспечения господства закона и охраняемых им интересов, ценностей, норм поведения, осуществляемое в форме целенаправленной наступательной деятельности на причины, условия преступности и ее саму [5, с. 320]. Необходимо отметить, что термин «борьба с преступностью», хотя и носит дискуссионный характер, во многом из-за его идеологического и политического значения в прошлом нашей страны, все же имеет достаточно широкий диапазон использования в нормотворческой деятельности.

Рассмотренные нами категории законодатель включает, в их совокупности и по отдельности, сочетая в различной вариации, в трактовку определения «противодействие» того или иного вида преступной деятельности. С целью конкретизации

понимания понятия «противодействие преступности» предлагаем свою позицию в определении данной категории.

Говоря о понимании самого слова «противодействие», необходимо отметить, что это сложное слово, образованное от предлога «против» – встречно, навстречу (также используется для определения положения предметов либо для сравнения чего-либо) и существительного «действие» – 1) проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь; 2) результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие [7]. Сам же термин «противодействие» понимается как действие, препятствующее другому действию; сопротивление. Таким образом, позволим себе высказать следующее суждение, что *противодействие преступности* представляет собой более обобщенное понятие, характеризующее деятельность государственных органов, общественных и иные организаций, а также самих граждан направленную на контроль, борьбу и предупреждение преступности, а также по реализации мер профилактики отдельных преступлений и правонарушений. При этом очевидно, что использование такого термина как «противодействие преступности» позволяет охарактеризовать современную уголовную политику государства, а также отразить всю совокупность деятельности государства, общества и граждан по недопущению (предупреждению) преступных посягательств.

Полагаем, что *противодействие преступности* представляет собой *многоуровневую систему, включающую в себя меры профилактики и меры предупреждения, как отдельных преступлений, так и преступности в целом, реализуемые посредством целенаправленной деятельности ее субъектов, направленные на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, с целью минимизации и (или) ликвидации последствий преступной деятельности и обеспечения безопасности от угроз криминального характера*. Указанную систему мер легального реагирования на противоправные проявления в обществе предлагаем охарактеризовать как *«систему противодействия преступности»*.

Представляется, что структура такой системы противодействия преступности должна включать в себя основные подсистемы (*средства, способы и приемы, которые применяют не только правоохранительные органы, но и органы местного самоуправления, общественные и иные организации, а также сами граждане*), состоящие из

определенных элементов (*специфические: объекты, субъекты, механизмы и средства предупредительного воздействия*), характеризующие различные уровни (*общий, специальный и индивидуальный*) обеспечения достижения ее цели и решения поставленных задач (*государственный и общественный контроль, выявление и устранение причин и условий преступности, оказание индивидуального воздействия на преступников, снижение уровня виктимизации граждан, устранение последствий преступной деятельности и т. д.*).

Перечисленные подсистемы считаем достаточными для эффективной организации антикриминальной политики государства по противодействию преступности.

Целью создания такой системы противодействия преступности является повышение уровня защищенности личности, общества и государства в целом, снижение уровня преступности и удержание ее на определенном уровне (контроль), минимизация и (или) ликвидации последствий преступной деятельности, а также воздействие на преступника.

К *субъектам* системы противодействия преступности следует относить федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физических лиц в пределах их полномочий (компетенции).

Основными способами достижения целей противодействия преступности ее субъектами выступают как ранняя профилактическая предупредительная деятельность, направленная на выявление и последующее устранение причин противоправной (преступной) активности, так и борьба с преступностью как таковая, направленная на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, а также обеспечение безопасности в обществе от криминальных угроз.

Безусловно, системологический подход в рассмотрении современной структуры противодействия преступности требует более подробного анализа составляющих ее подсистем и отдельных элементов, с учетом возможных механизмов управления и реализации ее функций. Вместе с тем в рамках данной статьи предлагается лишь обозначить актуальность проблемы системологического подхода к противодействию преступности и предложить свое видение понятия данной категории. Таким образом, представляется очевидной целесообразность использования в научном обороте и нормотворческой деятельности

терминов «противодействие преступности» и «система противодействия преступности». При этом под «противодействием преступности» следует понимать «комплекс мероприятий по обеспечению безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства, заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по воспрепятствованию возникновения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также их выявлению, предотвращению и пресечению, путем профилактики и предупреждения преступлений» [3, с. 14]. Системный подход в осуществлении противодействия преступности позволит повысить эффективность деятельности ее субъектов, направленной на достижение главной цели – повышение уровня защищенности личности и общества в целом.

Примечания

1. Антонян Ю. М. Криминология : избр. лекции. – М., 2004. – 448 с.
2. Воронин Ю. А. Введение в криминологию : курс лекций. – М., 2008. – 256 с.
3. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. – 2013. – № 1. – С. 7–14.
4. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 912 с.
5. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М., 1997. – 784 с.
6. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учеб. – М., 2011. – 304 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 12 января 2014 г.).
8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : проект федер. закона. – <http://www.rg.ru/2011/08/16/profilaktika-site-dok> (дата обращения 21 декабря 2013 г.)
9. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3–ФЗ // Справ.-правовая система КонсультантПлюс. – <http://www.consultant.ru/popular/police/> (дата обращения 24 декабря 2013 г.).
10. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ // Справ.-правовая система Гарант. – http://base.garant.ru/12127578/#block_1 (дата обращения 15 декабря 2013 г.).
11. Чернышев В. И. Место профилактики преступности в системе социального управления // Юрист онлайн. <http://www.shkolny.com/mesto-profilaktiki-prestupnosti-v-sisteme-sotsialnogo-upravleniya/>.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой Государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ). E-mail: AB_Majorov@mail.ru

MAYOROV Andrey Vladimirovich, Head of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: AB_Majorov@mail.ru

УДК 343.8

Л.С. Райхерт
L.S. Raykhert**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ
В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ КОДИФИЦИРОВАННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В статье рассмотрены механизм практического применения защитного предписания, который является новым видом административного принуждения и средством профилактики и предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, а также проблемы, которые могут возникнуть в Казахстане в связи с принятием нового административного и уголовного кодифицированного законодательства.

Ключевые слова: *защитное предписание, бытовое насилие, правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, бытовой насильник, побои, жертва бытового насилия, особые требования к поведению правонарушителя.*

**PROSPECTS OF DOMESTIC VIOLENCE PREVENTION
IN THE CONTEXT OF CHANGING THE CODIFIED LEGISLATION
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

The article considers the mechanism of practical application of the protective instruction which is a new type of administrative coercion and a prophylactic and prevention of offenses in the sphere of the family relations and problems which can arise in Kazakhstan in connection with adoption of the new administrative and criminal codified legislation.

Keywords: *protective instruction, domestic violence, offenses in the sphere of the family relations, domestic violator, assault, victim of domestic violence, special requirements to offender's behavior.*

Во многих странах мира предупредительные меры профилактики домашнего насилия предусмотрены в виде «охранной грамоты» или «охранного ордера», цели которых полностью совпадают с Казахстанским «защитным предписанием». Эти меры преследуют одну цель – обеспечение безопасности жертвы бытового насилия путем максимального исключения любых контактов конфликтующих сторон.

При разработке комплекса нормативных правовых актов по противодействию правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений нельзя было воспользоваться опытом советского и дореволюционного законодательства по вопросам семейно-бытового насилия из-за его отсутствия. Иными словами, отсутствовала правовая преемственность. Это обстоятельство осложнило восприятие самой сущности нового законодательства в сфере семейно-бытовых отношений, тем более появились совершенно новые меры профилактики правонарушений в сфере быта, к которым также относится защитное предписание [1, с. 53].

Защитное предписание в Республике Казахстан является новой мерой административного пресечения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, и, как любой новый правовой

институт, не лишено проблем в его практическом применении. На основании ч. 1 ст. 20 Закона «О профилактике бытового насилия» защитное предписание по своей юридической природе является альтернативной мерой принуждения, которая применяется вместо меры пресечения в виде административного задержания (ст. 619 и 622 Кодекса РК об административных правонарушениях) и меры процессуального принуждения по уголовному деликту в сфере быта (ст. 132 и 133 УПК РК) [5].

14 декабря 2012 года своим Посланием «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» Лидер Нации Н.А. Назарбаев дает указание: «Подготовить и внести в Парламент проекты четырех новых кодексов: Уголовно-процессуального, Уголовного, Уголовно-исполнительного и Кодекса об административных правонарушениях. Принятие этих ключевых законодательных актов концептуально модернизирует систему уголовного судопроизводства и выведет наше право на уровень, позволяющий адекватно реагировать на современные вызовы» [6].

В настоящее время уже разработаны проекты этих кодексов и известны концептуальные положения конкурирующих норм уголовного

и административного права, которые приобретают новый статус деления на административные правонарушения, уголовные проступки и деяния. Несмотря на то, что предполагаемый срок формирования нового кодифицированного законодательства определен 1 января 2015 года, уже сейчас можно прогнозировать его влияние на процесс вынесения защитного предписания и установление особых требований к поведению правонарушителя.

Установление особых требований к поведению правонарушителя является мерой административно-правового воздействия и как защитное предписание имеет ту же цель – обеспечить безопасность потерпевшего от бытового насилия. Кроме запретов защитного предписания (разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами) добавились ограничения приобретать, хранить, носить и использовать огнестрельное и другие виды оружия, а также являться для регистрации от одного до четырех раз в месяц в ОВД. Но в отличие от защитного предписания установить особые требования к поведению правонарушителя в сфере семейно-бытовых отношений возможно только за административные правонарушения. А так как все административные правонарушения в сфере быта перемещены в новый Уголовный Кодекс РК (проект), то установить особые требования к поведению бытового насильника можно будет только в случаях нарушения защитного предписания, которое предусмотрено новым проектом Кодекса РК об административных правонарушениях – ст. 456 «Нарушение защитного предписания» [2].

Статья 51 проекта Кодекса РК об административных правонарушениях «Установление особых требований к поведению правонарушителя» гласит, что «...при рассмотрении дела об административном правонарушении по ходатайству участников производства по делу об административном правонарушении и (или) органов внутренних дел судом могут быть установлены особые требования к поведению лица, совершившего административное правонарушение, предусмотренное ст. 119, 433, 456 настоящего Кодекса на срок от трех месяцев до одного года...» [2].

Таким образом, установить особые требования к поведению правонарушителя возможно только:

за вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения (ст. 119);

стрельбу из огнестрельного оружия, взрыв пиротехнических устройств в населенных пунктах (ст. 433);

нарушение защитного предписания (ст. 456).

Объектами вышеперечисленных правонарушений являются соответственно: права несовершеннолетних, установленный порядок управления, общественный порядок и нравственность. На первый взгляд можно сделать вывод, что исследуемая мера профилактического воздействия перестанет применяться в сфере профилактики бытового насилия. Но отсутствие самостоятельных глав в новом Кодексе РК об административных правонарушениях и Уголовном Кодексе РК, предусматривающих нормы, направленные на борьбу с правонарушениями в сфере семейно-бытовых отношений, также не подтверждают такие выводы.

Нижеприведенный анализ позволит сделать обоснованные выводы о перспективах применения защитного предписания в связи с изменением административного и уголовного кодифицированного законодательства.

Привлечение к административной ответственности по статье 456 «Нарушение защитного предписания» проекта Кодекса РК об административных правонарушениях возможно за нарушение ограничений, установленных за бытовое насилие, а именно: совершение бытового насилия, вопреки воле потерпевшего его розыск, преследование, посещение, ведение устных, телефонных переговоров и вступление с ним в контакты иными способами. И, несмотря на то, что родовая объект данного правонарушения – установленный порядок управления, факультативным объектом охраны и защиты будут являться общественные отношения, складывающиеся в сфере быта.

Статья 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия» предусматривает вынесение защитного предписания для «обеспечения безопасности потерпевшего и при отсутствии оснований для производства административного задержания в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 622 Кодекса РК об административных правонарушениях, либо задержания в порядке, предусмотренном ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса РК» [5].

Так как статьи 774 «Административное задержание» и 776 «Сроки административного задержания» проекта Кодекса РК об административных правонарушениях не предусматривают основания задержания за правонарушения в сфере семейно-бытовых правонарушениях, то вынесение защитного предписания возможно, только если отсутствуют основания задержания в порядке ст. 128 «Основания задержания» проекта Уголовно-процессуального кодекса РК, которая гласит, что «Задержание подозреваемого в совершении уголовного правонарушения – мера

процессуального принуждения, применяемая органом уголовного преследования с целью пресечения преступления и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде содержания под стражей или для обеспечения производства по уголовному проступку, по которому имеются основания полагать, что лицо может скрыться либо совершить более тяжкое деяние» [4].

Таким образом, защитное предписание за правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений будет применяться за те проступки, которые в настоящее время содержатся в Главе 9-1 действующего Кодекса РК об административных правонарушениях и будут переведены в разряд уголовных проступков: побои (ст. 109), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 108), противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 144) [3].

Абзац первый ст. 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия» необходимо будет изложить в следующей редакции: «В целях обеспечения безопасности потерпевшего и при отсутствии оснований для производства задержания в порядке, предусмотренном ст. 774 и 776 Уголовно-процессуального кодекса РК, начальником органа внутренних дел либо его заместителем выносятся защитное предписание, которое вручается для исполнения лицу, совершившему

бытовое насилие либо от которого исходит угроза его совершения, под расписку».

Последнее предложение этого абзаца: «В случае отказа от подписания в защитном предписании делается запись об этом» следует исключить, так как на практике бывают случаи, когда бытовой насильник не признается в совершении бытового насилия и отказывается подписывать защитное предписание. Отказ от подписи защитного предписания бытовым насильником является основанием применения задержания вместо защитного предписания, так как этим самым бытовой насильник публично дает понять, что он не будет выполнять правовые запреты к его поведению, изложенные в защитном предписании

Анализируя механизм применения вышеупомянутых мер административного принуждения, обоснован вывод, что защитное предписание будет применяться только вместо уголовно-процессуального задержания, а факт установления особых требований к поведению правонарушителя станет возможным только за нарушение защитного предписания. Негативным последствием такого механизма является то, что проекты Кодекса РК об административных правонарушениях и Уголовного Кодекса РК не предусматривают юридическую ответственность бытового насильника за то, что он эти требования не будет соблюдать.

Примечания

1. Корнейчук С. В. Особенности вынесения защитного предписания в сфере профилактики бытового насилия // Гылым-Наука. – 2013. – № 1 (36). – С. 53.
2. О проекте Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (новая редакция) : постановл. Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2013 г. № 1155.
3. О проекте Уголовного Кодекса Республики Казахстан : постановл. Правительства Республики Казахстан от 30 сентября 2013 г. № 1009.
4. О проекте Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан : постановл. Правительства Республики Казахстан от 30 сентября 2013 г. № 1011.
5. О профилактике бытового насилия : закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214 // Казахстанская правда. – 2009. – 12 декабря.
6. Стратегия «Казахстан–2050»: Новый политический курс состоявшегося государства : послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева Народу Казахстана (Астана, 14 декабря 2012 года).

РАЙХЕРТ Людмила Сергеевна, старший преподаватель кафедры права, Челябинский государственный университет, Костанайский филиал, Республика Казахстан. E-mail: marlya_@mail.ru

RAYKHERT Lyudmila Sergeevna, Senior Teacher of the Law Chair, Chelyabinsk State University, Kostanay Branch, Republic of Kazakhstan. E-mail: marlya_@mail.ru

УДК 343.918.2

А.С. Черепашкин
A.S. Cherepashkin**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРЕСТУПНОСТЬ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Автором рассматриваются миграционные процессы и преступность, анализируются статистические данные, характеризующие преступность мигрантов, иммиграционная обстановка. Проводится обзор судебной практики по уголовным делам, фигурантами которых становятся мигранты. Приведен социальный портрет личности преступника-мигранта.

Ключевые слова: преступность, преступление, миграция, трудовая миграция, личность преступника, детерминация.

MIGRATION PROCESSES AND CRIME: CRIMINOLOGICAL ASPECTS

The article deals with the problems of migration and crime. The author considers migration processes and crime, statistic data describing the crime of migrants and immigration situation are analyzed. A review of court practice in criminal cases with migrants as defendants is given. A social portrait of a migrant offender is presented.

Keywords: crime, migration, labour migration, criminal personality, determination.

В последние годы специалисты различных отраслей науки проявляют повышенный интерес к проблеме миграции, в том числе предупреждению преступлений со стороны мигрантов.

Законодатели также не смогли обойти набравший вопрос, и в январе 2013 года Президент Российской Федерации подписал обширный пакет миграционных законов [3]. Они вносят поправки в соответствии с европейскими стандартами в ряд федеральных законов и кодексов, в том числе в Уголовный Кодекс.

Проблема миграции особенно остро встает в свете криминогенной ситуации в стране. Рост числа мигрантов, прибывших в нашу страну, сопровождается увеличением числа совершаемых ими на территории России противоправных деяний. Анализ статистических данных, характеризующих преступность мигрантов в период с 1993 по 2013 гг., свидетельствует о значительном росте количества преступлений, совершаемых вышеуказанной категорией лиц.

Ежегодный рост преступлений данного вида свидетельствует об их устойчивой тенденции. Так, по данным Министерства Внутренних дел Российской Федерации, в 1996 г. количество преступлений, совершенных мигрантами, равнялось 37065 преступлений, а к концу 2012 г. этот показатель составил 42700 преступлений [6].

Отличительными чертами преступлений трудовых мигрантов в России являются их пространственная распространенность и латентность. Например, Челябинская область входит в десятку регионов с повышенной концентрацией этих преступлений. Анализ иммиграционной

обстановки в нашей области свидетельствует о стабильно высокой интенсивности миграционных процессов. С 2009 по 2012 годы на территории Челябинской области трудовыми мигрантами совершалось в среднем 712 преступлений, а в 2011 г. этот показатель достиг максимального уровня в 821 преступление [7]. При этом выявить удается лишь две трети совершивших данные преступления из общего числа [5].

В общем массиве незаконной миграции можно выделить несколько устойчивых групп: бывшие студенты стран Азии и Африки, граждане Китая, Вьетнама, Кореи, Афганистана, у которых истек срок пребывания, но они отказываются вернуться на родину.

Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о том, что динамика, региональная распространенность и интенсивность преступности трудовых мигрантов в России приобретают угрожающий характер. Неблагоприятные изменения количественных показателей данной преступности сопровождаются опасной качественной трансформацией.

Сторонники неконтролируемого завоза среднеазиатской рабочей силы приводят ряд доводов в пользу своей позиции, утверждая, что личностный портрет трудового мигранта как малограмотного с низким трудовым потенциалом компенсируется рядом особенностей, повышающих общий нравственный фон общества, так как мигранты являются носителями традиционных ценностей, исповедующих культ большой многодетной семьи, уважения и почитания старших, у них нет преклонения перед западными ценностями, разврата и наркомании.

Однако вышеперечисленные особенности не всегда могут обеспечить развитие благоприятных тенденций в российской реальности. Традиционные ценности, например массовое празднование Курбан-Байрам в октябре 2011 и 2012 гг. внес серьезный резонанс в российское общество и стал толчком к экстремистским настроениям в Москве. Культ многодетной семьи не всегда соотносится с прививанием этим детям, проживающим на территории России, уважения к российским обычаям, что не приводит к формированию у подрастающего поколения такого важного качества в многонациональной стране, как толерантность, что опять же через десяток лет может получить свое отражение в повышении уровня преступности по отношению к иностранным лицам. Так, МВД России отмечает рост преступности в отношении иностранных граждан до 2,9 тыс. за период январь–март 2013 г., что почти на 9% выше, чем за аналогичный период 2012 г. Что касается уверенности наших политиков в том, что наркомания – это бич прогнившей западной цивилизации, то Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии, Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности, а также доклады Министерства здравоохранения различных республик доказывают обратное, описывая ужасающую обстановку наркоразложения в соседних странах. Так, рост наркопотребления в Таджикистане по данным, представленным в Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 год, связан с транзитом около 25% опиатов из Афганистана в Европу и Россию. Узбекистан сообщил о росте незаконного оборота наркотиков, причем общий объем наркотиков, изъятых, например, в 2010 году, возрос на 35% по сравнению с предыдущим годом [2].

Социальный портрет мигранта-преступника, по мнению ученых, можно представить следующим образом:

мужчина (90%), иностранный гражданин, освобожденный от юрисдикции государства пребывания: обладающий иммунитетом частично в силу многосторонних соглашений (86,3%); или обладающий иммунитетом частично на основе

двусторонних соглашений с зарубежными странами (91,8%);

лицо, находящееся в стране на кратковременный срок (47,9%), прибывшее с целью поиска работы (27,4%);

иностранный гражданин, прибывший из стран-участниц СНГ (91%), в частности из Таджикистана (35,8%) и проживающий в городской местности, где сосредоточено в основном рабочее население, но нигде не работавший на момент совершения преступления (37%) [1].

Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что количество выявляемых фактов организации незаконной миграции имеет тенденцию к росту. Так, если в 2006 г. только по материалам подразделений ФМС России было возбуждено 228 уголовных дел, то по итогам 2011 г. – уже 385.

Одновременно с этим следует отметить мягкость сформировавшейся судебной практики по привлечению виновных в совершении данных преступлений лиц к уголовной ответственности. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2011 г. из 550 лиц, осужденных по части первой статьи 322.1 УК РФ, 496 лиц (90,2%) привлечены к ответственности в виде штрафа, который, как правило, не превышает пяти тысяч рублей, что сопоставимо с размерами санкций, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а реальное наказание в виде лишения свободы понесли лишь 2 человека (0,4%). За этот же период по части второй статьи 322.1 УК РФ осуждено 45 лиц, 33 из которых (73,3%) – условно [4].

На сегодняшний день Президентом России принята концепция государственной миграционной политики в Российской Федерации до 2025 г. Одним из этапов реализации стало принятие ряда законодательных инициатив. Однако напрямую затрагивала уголовно-правовой аспект лишь небольшая часть из них, отражающая контроль над организацией незаконной миграции. Остается надеяться, что данная мера в комплексе с реализацией положений принятой концепции обеспечит снижение уровня преступности среди мигрантов в стране.

Примечания

1. Богомолова К. И. Личность преступника – иностранного гражданина // Проблемы реализации российского законодательства на современном этапе : сб. науч. статей адъюнктов, аспирантов, соискателей ; под. ред. О. В. Шляпниковой. Вып. 1. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2008. – С. 113–119.

2. Мозжерова М. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность // Агентство политических новостей. – <http://www.apn.ru/publications/print28461.html> (дата обращения 15.02.2014 г.).

3. Новости и аналитика информационного портала правовой системы «Гарант Эксперт». – <http://www.garant.ru/news/441209/> (дата обращения 4 января 2014 г.).

4. Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в статью 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

5. Статистика выявления преступников иностранных граждан период с 2009 по 2012 г в Челябинской области // Официальный сайт статистики Прокуратуры Российской Федерации. – http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения 5 марта 2013 г.).

6. Статистика о состоянии преступности за период январь–декабрь 2012 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения 5 марта 2013 г.).

7. Статистика совершения преступлений иностранными гражданами в период с 2009 по 2012 г в Челябинской области // Официальный сайт статистики Прокуратуры Российской Федерации. – http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения 5 марта 2013 г.).

ЧЕРЕПАШКИН Алексей Сергеевич, доцент кафедры правовых дисциплин филиала в г. Озерске, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: YA.67108@yandex.ru

CHEREPASHKIN Alexey Sergeevich, Assistant Professor, Legal Disciplines Chair, Ozersk Branch of the South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: YA.67108@yandex.ru

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

УДК 341.218

О.С. Семагина
O.S. SemaginaНИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ О ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВА
(к 500-летию трактата «Государь»)

Статья посвящена работе итальянского мыслителя, философа Никколо Макиавелли «Государь». Автор статьи рассматривает взгляды Макиавелли на природу государства, основные методы правления и умения, необходимые для идеального правителя. В статье проводится анализ трактата флорентийского мыслителя для того, чтобы понять, какова природа государства и каков же он, идеальный правитель, по Макиавелли.

Ключевые слова: государство, правитель, государь, власть, подданные.

NICCOLO MACHIAVELLI THE NATURE OF THE STATE
(the 500th anniversary of the treatise «Sovereign»)

This paper is devoted to the work of the Italian thinker, philosopher Niccolo Machiavelli «The Prince». The author considers the views of Machiavelli on the nature of the state, the main methods of management and skills required for an ideal ruler. The article analyzes the treatise of a Florentine thinker to understand the nature of the state and what is an ideal ruler according, to Machiavelli.

Keywords: state, ruler, prince, authority, subjects.

500 лет назад, в начале такого далекого от нас XVI века, в не менее далекой от нас Италии дипломат и политик Никколо ди Бернардо Макиавелли рассуждал о природе государства и политики. Европа переживала эпоху Возрождения, обретал силу новый общественный слой – буржуазия, его идеология вступала в противоречие с традиционным мировоззрением церковной и правящей элиты, с барьерами средневековой раздробленности и междоусобиц. С именем Макиавелли связывают само появление в арсенале политической науки Нового времени термина «*stato*» – «государство» – как категории абсолютно светской, очищенной не только от теологических трактовок и аргументации, но и от моральных критериев его оценки. Не волей божьей или человеческой фантазией движимы политические события и изменения в государстве, а объективным «действительным ходом вещей».

Трактат «Государь», написанный, как предполагается, около 1513 г., на первый взгляд, есть лишь перечень советов правителю, желающему удержать власть и извлекать из нее все возможные выгоды. Но через поведенческие стереотипы и человеческие качества государя Макиавелли удается передать опыт истории, некий алгоритм создания прочного фундамента власти.

«Основой власти во всех государствах... служат хорошие законы и хорошее войско... Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и, наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы...». А есть ли место праву в таком государстве? Насколько допустимо необходимое, по мнению Макиавелли, в правителе «умение отступить от добра»? Ради удержания личной власти? Или ради доминирующего интереса государственности? Государь управляет «с помощью слуг», но подданные по всей стране «должны знать лишь одного властелина». Означает ли это, что государь, принимая решения, «все в государстве определяет лишь собственным усмотрением», поручая своим чиновникам лишь практическое выполнение своей воли? И почему «с государей в суде не спросишь»? Почему из двух способов достижения повиновения – любви к государю и страха перед ним – надежнее выбирать страх и поддерживать его «угрозой наказания, которой невозможно пренебречь», и в военное время, и в мирное? Только это, по мнению Макиавелли, способствует «наведению порядка в стране», исключаяющему совершение преступлений должностными и частными лицами.

Эти вопросы, поставленные мыслителем XVI века, не потеряли актуальности для понимания сути таких категорий, как «государственный суверенитет» и «народный суверенитет», для анализа современных технологий политического господства и соотношения в них критериев добра и зла, вреда и пользы. Не случайно, на наш взгляд, и обращение к этой проблематике молодых исследователей.

Т.К. Махрова, доктор исторических наук

Выражение «природа государства» трактуется обычно в правовом, политическом и социальном контекстах. Значение слова «природа» здесь – переносное: природа – сущность, основные качества чего-либо [1; с. 534]. Этот смысл и раскрывает итальянский мыслитель, философ, политический деятель Никколо Макиавелли (1469-1527) в своем произведении «Государь», написанном около 1513 г. и опубликованном впервые уже после смерти писателя (в 1532 г.).

Судя по этому труду, можно смело сказать, что Никколо Макиавелли был патриотом своей страны, который глубоко переживал слабость и разобщенность родины – Италии. Наиболее ясно видны его чувства в последней главе, где автор призывает «овладеть Италией и освободить ее из рук варваров». Макиавелли видит и понимает, до какого позора – заметьте, позора! – дошла страна: «до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах» [3; с. 66]. Как истинный сын своего Отечества, Никколо Макиавелли болеет всем сердцем за настоящее и будущее Италии, видит ее истерзанность и желание восстать из мрака: «Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов – Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачает ее гноящиеся язвы». В каждом слове, каждой фразе ощущается неподдельная любовь гражданина и патриота, сила и страсть чувств человека умного и прозорливого!

В сравнении с этим венчающим все произведение криком души самого автора каким работным кажется обращение Н. Макиавелли к Лоренцо Медичи (семья которого правила во Флоренции) и какой холодной и отстраненной – основная часть произведения «Государь»! Причинами этой столь непоследовательной эмоциональности является главная задача писателя – помочь своей стране вернуть былое величие, силу и, если можно так выразиться, обрести государственность.

Макиавелли видит, что Италия его времени – это всего лишь территория, имеющая великую историю и разобщенное настоящее. Автор пытается понять, «есть ли в ней [Италии] материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму – во славу себе и на благо отечества». На основе вышесказанного можно сделать следующий вывод: Италия – это всего лишь гибкий материал,

пластилин, из которого государство можно лишь вылепить и лишь одному человеку – государю. Что такое Италия, по Макиавелли, без сильного и мудрого правителя – это государство только номинально. Единственным способом кардинально исправить положение автор считает появление единовластного правителя: «столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше». Таким правителем, способным возглавить разделенную и ослабленную Италию, вновь вернуть ей былой статус мощного и влиятельного государства, может стать, по мнению Макиавелли, Лоренцо деи Медичи.

Итак, что же такое государство для Никколо Макиавелли? Это, во-первых, во-вторых и в-третьих, – государь. Свой основательный труд Макиавелли так и озаглавил: «Государь». Он постарался вывести образ идеального и удачливого правителя, не для того, чтобы дать возможность прославиться какому-то знатному дворянину, но для того, чтобы дать своей родине истинного Государя и статус Государства! Именно в великом, могущественном, доблестном, сильном государе видит автор будущее Италии.

Н. Макиавелли максимально упростил задачу для своего претендента на роль правителя, изучив и проанализировав множество биографий великих мира сего. В своем желании препоручить страну роду Медичи Макиавелли призывает и льстит: «и самые большие надежды возлагает она [Италия] на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и милости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому, мог бы принять на себя дело освобождения Италии». Писатель понимает, что столь сложная задача может отпугнуть любого, поэтому пишет: «оно [дело по освобождению Италии] окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей». Макиавелли надеется на тщеславие адресата своего послания, говоря, что этот храбрый человек получит причитающиеся ему почести: «если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства» [3; с. 1].

Выше было сказано, что главной составляющей такого великого целого, как государство, является правитель, но наряду с последним Макиавелли выделяет и подданных, во властвовании над которыми обретается власть и в самом государстве. «По Макиавелли, власть осуществляется

нормально, если подданные полностью повинуются государю» [2; с. 172]. Автор подробно останавливается и на этом пункте сильной государственности. В составе подданных Макиавелли различает народ, знать и – в некоторых случаях – войско. Автор пишет, что не было еще ни одного государства, в котором не были бы обособлены эти составляющие – знатные вельможи и простой люд.

По Макиавелли, с людьми знатными следует обращаться осторожно: использовать их, одаривать милостью либо карать и подвергать опале; также знать можно держать в подчинении, если просто натравливать их друг на друга. Автор отмечает, что «государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать», кроме того, «с враждебным народом ничего нельзя поделаться, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна». Государь должен всегда заручаться поддержкой народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: «знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным». Народ является прочной опорой власти государя, «который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает». Мудрые правители принимали все меры для того, чтобы быть удобными народу и не ожесточить знать. В подтверждение своего тезиса Никколо Макиавелли приводит в пример Францию, как наиболее хорошо устроенное и хорошо управляемое государство. «В ней [во Франции] имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первое – парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость

знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать» [3; с. 25]. Государю следует выказывать «почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе».

Что касается войска, обращаться с последним следует в зависимости от того, является оно орудием достижения и удержания власти или же неким третьим антагонистом народу и знати. Примером последнего могут послужить слова автора о римских императорах, которым приходилось «сдерживать жестокость и алчность войска». Макиавелли пишет, что «в наше время государям нет такой уж надобности угождать войску, <...> ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властителями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угрожать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время <...> важнее угодить народу, ибо народ представляет большую силу».

Итак, автор приходит к выводу о том, что сущность государства – это сильный государь, наделенный властью управлять своими подданными, народом и знатью. В человеческих качествах и поведении государя Макиавелли на свой лад раскрывает черты, закономерности политической деятельности персонифицированного в нем (т. е. правителя) самого государства. Именно в этой установке на выявление природы государства, а не в составлении портрета нужного стране правителя и даже ему советов, приспособленных к злобе дня, заключается, на наш взгляд, глубокий смысл книги.

Примечания

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. История политических и правовых учений : учеб. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2004. – 944 с.
3. Макиавелли Н. Государь. – М. : Художественная литература, 1982. – 68 с.

СЕМАГИНА Ольга Сергеевна, магистрант факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет» (НИУ). E-mail: semagina_os@mail.ru

SEMAGINA Olga Sergeevna, undergraduate, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University). E-mail: semagina_os@mail.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 343.136

С.В. Зуев
S.V. ZuevПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОЗНАНИЕ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы осуществления полицией дознания во второй половине XIX века. Исследование проведено на основе изучения положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года, других действующих на то время нормативных актов, а также позиций и мнений российских ученых.

Ключевые слова: дознание, полиция, розыск, расследование, устав.

POLICE INQUIRY OF THE SECOND HALF OF XIX CENTURY IN RUSSIA

This article discusses the questions of the police inquiry in the second half of XIX century. The study has been conducted on the basis of examining the provisions of the Criminal Justice System Regulations in 1864, other enactments existing at that time, as well as views and opinions of the Russian scientists.

Keywords: inquiry, police, detection, investigation, regulations.

20 ноября 1864 года на Уставе уголовного судопроизводства Император российский начертал: «Быть по сему», и тем самым была открыта кодифицированная законодательная эра уголовного процесса России. Принятию данного документа предшествовала многолетняя и кропотливая работа отечественных юристов, которые тщательно изучили и проанализировали опыт стран западной Европы. Россия приобщилась к романо-германской системе уголовного судопроизводства, отчасти переняв процессуальные правила производства по уголовным делам. Одновременно учитывались сложившиеся в России самобытность, мировоззрение, правовые традиции и обычаи народа.

Устав уголовного судопроизводства (далее – Устав) по праву можно считать первым уголовно-процессуальным кодексом, который комплексно и полноценно регламентировал порядок производства по уголовным делам. Многие принципиальные положения Устава сохранили свое юридическое значение до нашего времени, различные институты получили свое развитие в современном праве. Наблюдается преемственность правовых норм, влияние исторического наследия на правовое сознание юристов XXI века.

Прежде всего, надо отметить разделение в Уставе предварительного расследования на дознание и предварительное следствие. При этом следует учитывать, что законодатель в разные исторические периоды понимал под дознанием различную по своей сущности деятельность – от установления признаков преступления до формы расследования [1, с. 63].

В словарях русского языка «дознать» означает «допытываться, узнавать, разузнавать, разведывать, доведываться, разыскивать, подходить розыском, осведомляться» [5, с. 454]; «точно разузнать, удостовериться в чем-нибудь» [15, с. 744]; «выведать, выяснить» [13, с. 146].

Дознание второй половины XIX столетия находилось в ведении полиции и по сути являлось первоначальной стадией предварительного расследования и всего уголовного судопроизводства. На этой стадии осуществлялось «собрание фактических данных, устанавливающих, какому именно преступлению соответствует исследуемое деяние, обнаружение виновного и выяснение обстоятельств, при которых совершилось преступление» [4, с. 107].

Порядок производства дознания Уставом не определялся и предоставлялся полиции в зависимости от обстоятельств. Ввиду того, что установление факта преступления связывалось с розыском лица, его совершившего, действия полиции должны были быть оперативными, но в то же время тайными. «Быстрота действий, негласность и способность к обнаружению признаков преступного деяния – вот те качества, которые требуются от органов дознания» [1, с. 108].

Характеризуя дознание в дореволюционном русском уголовном процессе, И.Я. Фойницкий писал: «...оно не имеет дела с судебными формами и обрядами... представляет деятельность не судебную». Излагая далее причины, по которым дознание не проводится в процессуальных формах, он утверждал: «Успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить

его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия» [8, с. 27–29].

Полиция имела в своем распоряжении большой арсенал средств. Ее работа отличалась большей оперативностью, нежели работа судебного следователя, что объяснялось разветвленным аппаратом агентуры [7, с. 37].

Относительно расследования преступлений полицейское дознание имело две формы, почти одинаково важные: первоначальное дознание – до передачи материала судебному следователю (ст. 252 Устава) и вспомогательное дознание – во время производства предварительного следствия, по инициативе полиции или по поручению следователя (ст. 255, 271 Устава).

Некоторые авторы выделяют в дознании три вида деятельности полиции: 1) производство следственных действий, не терпящих отлагательства, при наличии признаков преступления и невозможности следователя приступить к расследованию; 2) установление факта совершения преступления (в том числе и негласными методами); 3) расследование дел о малозначительных преступлениях, не грозящих обвиняемым лишением или ограничением прав с возбуждением уголовного преследования непосредственно перед судом [1, с. 70]. Однако последний вид скорее не связан с уголовным преследованием. Очевидно, это аналог современного административного производства.

Следовательно, дознанию свойственны были разные функции, основной из них, как представляется, была обеспечительная по отношению к дальнейшему расследованию. Основывалась она на сочетании оперативно-розыскных и процессуальных средств.

Особого внимания заслуживают взаимоотношения судебного следователя с полицией. Устав, формально отделив дознание от предварительного следствия, по существу закрепил за судебным следователем руководящую роль, а за полицией – обязанность розыска лица, совершившего преступление. Полиция действиями своими по производству предварительного следствия должна оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела (ст. 483 Устава).

Согласно ст. 254 Устава при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирала посредством розысков, словесных расспросов и негласных наблюдений. Это своего рода оперативно-розыскные мероприятия.

Попытки теоретически разграничить понятия «дознание» и «розыск» предпринимались русскими учеными в области уголовного процесса конца XIX – начала XX вв. Так, по мнению А.А. Квачевского, «розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления» [6, с. 5].

И.Я. Фойницкий отмечал, что розыск включал в себя осмотр местности, потерпевшего, всякого рода предметов вещественных доказательств (даже при помощи экспертов), публикации в газетах, обходы ночлежных приютов и т.д. [16, с. 291]. Таким образом, в его понимании розыск – это все меры по установлению события преступления. К розыску им были отнесены также словесные расспросы и негласные наблюдения, указанные в законе как формы дознания, а также преследование преступника по горячим следам.

П.В. Маклинский утверждал, что «понятие о дознании обширнее понятия о розыске; последний представляет как бы часть первого, направленную на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного; он предполагает быстроту действий и потому упоминается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции» [9, с. 30].

Таким образом, термин «розыск» имел более узкое значение – в качестве деятельности негласного характера, необходимой составной части сыска, направленной на сбор и фиксацию информации о преступности в целях предупреждения и расследования преступлений, выявления и поимки преступников.

В. Мордухай-Болотский, товарищ председателя Смоленского окружного суда, в составленном им в 1785 г. сборнике узаконений [11, с. 69–71] о тактике проведения негласного дознания пишет: органами полиции в случае получения ими известия о преступлении по слуху (народной молве) излагается, что в случае негласного дознания по данному факту полиция отнюдь не должна приглашать посторонних людей в качестве понятых или свидетелей. Нужно твердо помнить, что, когда производится дознание, необходимо строго соблюдать негласность, так как если о дознании знает хотя бы один лишний человек, то это уже может быть вредно. По его же мнению, «это требование закона не всегда исполнялось полицейскими чинами, между тем как точнейшее исполнение законом указанного способа производства дознания безусловно необходимо.

Некоторые полицейские чины, как бы опасаясь, что составленные ими протоколы не будут иметь достаточной веры, для доказательства справедливости ими записанного в протокол приглашали несколько посторонних свидетелей, которых, а также расспрошенных заставляли подписывать составленные протоколы. Бывали на практике примеры, что для опроса подозреваемого или свидетеля полицейские чины вызывали их к себе в полицейские управления или участки повестками. Подобные действия, конечно, не составляют негласного дознания, почему не только не полезны для хода дела, но положительно вредны. Гласный расспрос подозреваемых при посторонних лицах, приглашенных понятыми, а также свидетелей ведет к тому, что преступление, сделанное каким-либо смелым и искусным лицом, никогда не обнаружится ... преступник старается скрыть следы преступления ... если он узнает, что полиция расследует его преступление, естественно, ему придет желание затемнить истину, спутать полицию в ее действиях собственными рассказами о небывалых вещах или даже в случае надобности он войдет в стачку со свидетелями, которые тоже исказят факты» [14].

До прибытия судебного следователя полиция принимала меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь подозреваемому способы уклоняться от следствия.

Последнее имело место в случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега; 6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости (ст. 257 Устава).

Результаты деятельности полиции на практике оформлялись в виде актов. При этом они не имели доказательственного значения, а служили «подсобным материалом» для производства предварительного следствия следователем.

Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них. Более того, Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, если оно не подтверждено в присутствии суда, не имеет доказательственного значения [10, с. 91]. Только протоколы, составленные следователем, являющимся представителем судебной власти, могли зачитываться в суде, а установленные в них факты признаваться доказательствами по делу. Однако из данного правила имелось исключение. Согласно ст. 258 Устава, если полицией было застигнуто совершающееся преступление, а также если во избежание утраты следов преступного деяния до прибытия на место происшествия следователя она (полиция) заменяла последнего. При этом ею могли проводиться следственные действия, не терпящие отлагательства, такие как: осмотр, освидетельствование, обыск и выемка. В такой ситуации протоколы, вынесенные при производстве дознания, имели доказательственное значение. После завершения дознания полиция передавала его судебному следователю.

В соответствии со ст. 321 Устава прокурор и его товарищи не должны требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях они обязаны собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания. Безыменные пасквили и подметные письма не составляли законного повода к начатю следствия; но если они заключали в себе указание на важное злоумышление или преступное деяние, угрожающее общественному спокойствию, то служили поводом к полицейскому розыску или дознанию, могущему повлечь за собой и само следствие (ст. 300 Устава).

Подводя итог, хочется заметить, что полицейское дознание во второй половине XIX века в России активно использовалось в раскрытии преступлений. Основной его функцией было обеспечение дальнейшего расследования. Дознание основывалась на сочетании оперативно-розыскных и процессуальных средств, включая розыск, опрос, наблюдение, а также проведение отдельных следственных действий. Современное российское право является достойным преемником правовых традиций в развитии полицейского дознания.

★

Примечания

1. Вандышев В., Малинин В., Александрова О. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 63–70.

2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М., 1997.
3. Волянский А. Ф. Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики : сб. статей. – М., 2004. – Ч. 2. – С. 5–7.
4. Давыдов Н. В. Уголовный процесс. – М., 1907.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 1.
6. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г. – Ч. III. – СПб., 1869.
7. Коротких А. М. Правовые основы деятельности органов предварительного расследования в России по Судебным уставам 1864 года // Российский следователь. – 2007. – № 11. – С. 36–38.
8. Коротков А. П. Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 27–29.
9. Маклинский В. П. Практическое руководство для судебных следователей. – СПб., 1907.
10. Матусевич Г. В. Институт возбуждения уголовного дела. История развития // Закон. – 2003. – № 9. – С. 90–93.
11. Мордухай-Болотский В. Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. – СПб., 1880. – С. 69–71.
12. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : приказ МВД РФ от 4 мая 2010 № 333 // Российская газета. – 2010. – 25 июня.
13. Словарь русского языка / под общ. ред. С. Л. Обнорского. – М., 1953.
14. Смирнов М. П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом : учеб. пособие (постатейный). – 5-е изд., расширенное и перераб. // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 15 января 2014 г.).
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935.
16. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 3 / под общ. ред. М. Н. Гернет. – М., 1914.
17. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1895. Вып. 1–2.

ЗУЕВ Сергей Васильевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), доктор юридических наук, доцент. E-mail: zuevsergei@newmail.ru

ZUEV Sergey Vasilievich, Head of the Criminal Law Chair, South Ural State University (National Research University), Doctor of Law. E-mail: zuevsergei@newmail.ru

УДК 343.288

А.В. Кудряшов
A.V. Kudryashov

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ МВД РОССИИ НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В статье проводится анализ отечественного уголовного законодательства, в частности рассматривается пункт «о» части первой статьи 63 УК РФ – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство,отягчающее наказание. По мнению автора, данное положение нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом по занимаемому должностному положению. Подвергается анализу определение Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2011 г. № 1623-О-О «По запросу Лабьитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируется статья 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, сотрудники органов внутренних дел, нарушение конституционных принципов, уголовное законодательство.

INFLUENCE OF REFORM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON THE CRIMINAL LAW

The article analyzes domestic criminal law and, in particular, paragraph “o” - Part 1, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, that is, committing intentional crime by a law enforcement officer as aggravating circumstances. In author's opinion, this provision violates the constitutional principle of the equality of citizens before the law. The article analyzes definition of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1623-O-O, 8th December, 2011, at the request of Labytangi Court of the Area about testing the constitutionality of the paragraph «o» – Part 1, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the Article 286.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Disregarding orders by law enforcement officers».

Keywords: Constitution of the Russian Federation, law enforcement officers, constitutional principles violation, criminal law.

Задуманная государством реформа Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2010 году наложила свой отпечаток и на российское уголовное законодательство. Так, Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 155–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесено в Уголовный кодекс Российской Федерации несколько изменений, которые были направлены на ужесточение наказания и уголовной ответственности в случае совершения преступления сотрудниками органов внутренних дел.

Часть первую статьи 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» дополнили пунктом «о» следующего содержания: «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». По нашему мнению, в данном положении есть некоторые несоответствия с Основным законом нашего государства – Конституцией Российской Федерации.

В статье 19 Конституции Российской Федерации закреплены принципы равенства граждан

перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [1]. Однако, по нашему мнению, рассматривая пункт «о» статьи 63 УК РФ – «обстоятельства, отягчающие наказание» – нарушается принцип равенства граждан перед законом по занимаемому должностному положению.

Подобное положение соответствовало бы принципам равенства всех граждан перед законом, если бы преступление было совершено сотрудником органов внутренних дел при исполнении им служебных обязанностей. В данном случае преступление посягало бы на общественные отношения связанные с авторитетом государственной власти, и, безусловно, считалось бы более тяжким преступлением либо обстоятельством, отягчающим наказание. Однако из смысла пункта «о» статьи 63 УК РФ вытекает, что любое

бытовое умышленное преступление, не связанное с выполнением служебных обязанностей по противодействию преступности, совершенное сотрудником органов внутренних дел, будет обстоятельством, отягчающим наказание.

Данная норма в уголовном законодательстве в отношении сотрудников органов внутренних дел как субъектов умышленного преступления в дальнейшем может привести не к тому желаемому результату, который хотели бы видеть органы государственной власти. Подобными положениями существенно принижается статус сотрудника органов внутренних дел как представителя государственной власти, ставит его в один ряд с лицами, совершившими преступление при рецидиве, в соучастии либо при совершении преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего.

Определение Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2011 г. № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» дает следующие разъяснения по данной проблеме.

Сотрудники органов внутренних дел, поступая на службу, принимают Присягу, в частности дают клятву уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, достойно переносить связанные со службой в органах внутренних дел трудности, быть честными, мужественными и бдительными, охранять, не щадя своей жизни, установленный Конституцией и законами Российской Федерации правовой порядок, а также подтверждают готовность нести в случае нарушения Присяги предусмотренную законом ответственность [2].

Совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного

соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания [3].

Проведя анализ определения Конституционного Суда Российской Федерации, можно прийти к выводу, что его мнение не является убедительным. В особенности, не является обоснованным положение о том, что совершение преступления сотрудниками органов внутренних дел происходит в противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти. Возникает закономерный вопрос: каковы цели и задачи у сотрудников других правоохранительных органов – ФСБ, прокуратуры, следственного комитета, суда, – которые также противодействуют преступности. Данные лица также совершают преступления, однако их правовой статус разительно отличается от статуса сотрудников органов внутренних дел. Многие из них согласно закону имеют неприкосновенность. А положение о формировании негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти вообще выглядит циничным в свете совершения преступлений лицами, занимающими должности в законодательных и исполнительных органах государственной власти, органах местного самоуправления. Чиновники, совершающие преступления коррупционной направленности, наносят больший ущерб авторитету государственной власти, а в сравнении с сотрудниками органов внутренних дел, при совершении преступления не только несут менее строгое наказание, но и зачастую уходят от уголовной ответственности благодаря статусу неприкосновенности.

По нашему мнению, вышеуказанное определение Конституционного Суда Российской Федерации основано на политическом решении, связанном с реформой органов внутренних дел и нежеланием вступать в конфронтацию с другими ветвями государственной власти. Подобными определениями Конституционного Суда Российской Федерации ставится под сомнение положение, обозначенное в статье 10 Конституции Российской Федерации, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и что данные ветви власти самостоятельны.

Также в УК РФ введена новая статья 286.1 «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа». Состав данного преступления

выражается в умышленном неисполнении сотрудником органа внутренних дел приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, причинившем существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

В данной уголовно-правовой новелле также просматривается нарушение принципов равенства

всех граждан перед законом, законности, справедливости. Складывается впечатление, что к сотрудникам органов внутренних дел предъявляются завышенные требования по соблюдению законности в своей профессиональной деятельности в отличие от других сотрудников правоохранительных органов, которые также проходят службу и выполняют схожие функции по противодействию преступлениям и иным правонарушениям.

★

Примечания

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. федер. законов от 30 декабря 2008 г. № 6–ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7–ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органа внутренних дел Российской Федерации : постановл. Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 70.

3. По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определ. Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

КУДРЯШОВ Андрей Владимирович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук. E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

KUDRYASHOV Andrey Vladimirovich, Assistant Professor of the Criminal Law Chair, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

УДК 343.22

А.Н. Мартынов
A.N. Martynov**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

На основе системного анализа определяются криминалистически значимые типичные особенности лиц, совершающих мошенничество в сфере кредитования с использованием юридических лиц.

Ключевые слова: мошенничество, криминалистическая характеристика, кредитование, юридическое лицо.

**FORENSIC CHARACTERISTICS OF PEOPLE COMMITTED FRAUD
IN CREDIT ACTIVITIES USING THE LEGAL BODIES**

Typical significant forensic features of the people committed fraud in credit activities using the legal bodies are determined on the basis of the system analysis.

Keywords: fraud, forensic characteristics, credit activities, legal body.

Субъект преступления – один из элементов состава преступления. Этап расследования, связанный с установлением лица, совершившего преступление, в теории криминалистики определен как первоначальный этап расследования. Последующий этап заключается в преодолении сопротивления следствию со стороны лица, привлеченного в качестве обвиняемого, опровержение его доводов, собирание доказательств и доказывание его виновности, а также иных обстоятельств, указанных в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Следователь существенно облегчит трудный процесс расследования, если будет обладать знаниями о типичных свойствах личности, совершающей конкретный вид преступления. Наука криминалистика и вычленяет типичное в личностных характеристиках преступников. Сложность решения этой задачи заключается в разнообразии черт каждой личности, многочисленности криминальных ситуаций (обстановки) совершения преступления. Сочетание названных факторов приводит к множественным особенностям реагирования лица на ситуации и обстановку. Ключ к пониманию поведения преступника – в знании его личностных свойств.

Многообразие проблем уголовного судопроизводства и сложность их решения объясняет универсальность криминалистики как науки, заставляет использовать системный подход как методологически значимое средство научного познания – исследование объекта как системы. «Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, на выявление многообразных

типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» [10, с. 587]. Если личность рассматривать как систему, то следует признать правильным сбор информации с использованием комплексного подхода к личности преступника, использование знаний различных отраслей наук, в том числе уголовно-правового направления: криминологии, юридической психологии, уголовно-правовой характеристики личности преступника. Так, уголовно-правовой аспект знаний для криминалистики важен в связи с необходимостью доказывания имеющих правовое значение свойств личности: возраста, психической полноценности; иных характеристик лица, влияющих на квалификацию преступления, на определение наказания. Криминологический аспект проявляется в изучении личности преступника как одного из факторов в исследовании преступности в целом, ее причин, состояния, прогнозирования тенденций развития, а также предупреждения. «Многообразие ситуаций, возникающих при осуществлении преступной деятельности и в ходе расследования преступлений, создает предпосылки к тому, что при изучении личности преступника криминалистически значимым может оказаться любое из множества его человеческих свойств: от анатомических и биологических (папиллярные узоры, группа крови, запах и т. д.) до психологических и социальных (особенности протекания психических процессов, мировоззрение, профессия и др.)» [6]. Так, на этапе первоначального расследования для установления возможного преступника криминалистически значимыми являются сведения о типичных признаках внешности человека

(руках, ногах, зубах и т. д.), его функциональные особенности (голос, жестикуляция, походка). Ими могут быть письменно-речевые навыки, следы-вещества (кровь, запах). Эти знания о наиболее часто встречающихся типичных особенностях личности лица, совершающего конкретный вид преступления, позволяют следователю более точно определять направления поиска преступника, а также решать идентификационные задачи при отработке лица на причастность к расследуемому преступлению.

Важными могут оказаться знания о социальном статусе. Социальный статус часто непосредственно коррелирует (связан) со способом совершения преступления. Осуществить преступление конкретным способом в ряде случаев может только лицо, относящееся к определенной социальной группе: врач, бухгалтер, член исполнительного органа юридического лица и пр.

Знания о типичных *психологических свойствах* преступников конкретного вида преступления также имеют особое значение как определяющих цель, мотив, способ совершения преступления, и создающих для следователя благоприятные условия в доказывании обстоятельств преступления.

С позиции решения тактических задач следствия криминалистически ценными являются сведения об особенностях психофизиологических, психологических свойствах личности преступника определенной категории. Названные сведения активно используются в криминалистике для разработки рекомендаций о выборе следственных действий, порядке и последовательности их проведения (операции и комбинации); преодоления ситуаций неопределенности, тактического риска. Данного вида информация облегчает следователю задачу перевода ситуаций из неблагоприятных в благоприятные, установления доверительных отношений, склонения к подаче ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

И.И. Тазин необходимость в междисциплинарном подходе объясняет тем, что «изучение личности преступника как целостного образования и раскрытие внутренних истоков его поступков требует объединения усилий различных наук с акцентом на синтез познавательных возможностей философии и психологии, с одной стороны, – и криминологии и криминалистики – с другой. Междисциплинарный подход в работе обусловлен как спецификой предмета познания, так и интегративной природой криминалистики как науки» [9, с. 7]. Следует согласиться, что продуманно составленная с учетом особенностей вида

преступлений «криминалистическая характеристика личности преступника в структуре криминалистического знания носит «сквозной» характер, находя свое отражение во всех основных разделах науки криминалистики» [1, с. 11].

Таким образом, широкий подход к изучению личности преступника (как собственно и иных лиц уголовного судопроизводства) означает распространение направлений научных исследований лица и выявление криминалистически значимых типовых качеств личности, в том числе в таких сферах как социально-демографической; уголовно-правовой; нравственно-интеллектуальной, психофизической и психологической.

Обозначенной выше научной позиции следует придерживаться и при определении криминалистических черт преступника в экономической сфере деятельности, в том числе лиц, совершающих преступления в сфере кредитования с использованием юридических лиц.

К настоящему моменту имеется ряд исследований, в рамках которых с позиции интересов криминалистики изучалась личность преступника в экономической сфере. Так, установлено, что «доля лиц мужского пола, совершающих преступления в банковской сфере составляет 76%, соответственно женщин – 24%. Женщины в преступных группах выполняют роли непосредственных исполнителей (подставных лиц), главной целью которых является подписание кредитного договора с банком за вознаграждение от организаторов преступных схем. В соучастии совершается 74% преступлений [5]. Проведена классификация банковских преступников и по возрастным группам [7]. Характеристики по возрастному критерию, образовательному уровню подтверждаются и ранее проведенными исследованиями. Так, А.Х. Боташева указывает, что «конкретные проявления мошенничества в банковской сфере осуществлялись в 79,5% случаев лицами мужского пола и в 20,5% – женского. Наивысший уровень криминальной активности мошенников в банковской сфере приходится на возрастную группу 35–40 лет (30%)». Такие показатели исследователь объясняет «тем, что для того, чтобы совершать мошенничество в банковской сфере, необходимо, как правило, обладать некоторым общественным статусом, который появляется к этому возрасту» [2]. Обращается внимание на достаточно высокий образовательный уровень, обладание значительным жизненным опытом, наличие семьи, склонность к авантюризму и корыстную мотивацию преступления.

Соглашаясь с необходимостью в криминалистической характеристике учитывать сведения относительно пола, возраста, места жительства, образования, уровня материального достатка, семейного положения, наличия детей и пр., вынуждены отметить, что их корреляционный потенциал в ориентировании следователя на выдвижение версий и выявление способов совершения преступлений в банковской сфере ограничен. Такого же мнения придерживаются и сами исследователи. В поисках «выхода» на корреляционные связи они акцентируют особое внимание на социально-психологических особенностях личности преступника в сфере экономики. Р. Л. Ахмедшин убежден: «Криминалистическое изучение личности преступника должно быть преимущественно ориентировано на личность как носителя социально-психологических характеристик, выраженных в ее криминалистически значимых поведенческих реакциях, отражающихся в конкретных условиях преступного события [1, с. 10]. И.И. Тазин указывает: «в криминалистическом аспекте вовлечение мотивационно-смысловой сферы личности преступника в процесс расследования будет дополнять методику расследования преступлений». Утверждает, что познание особенностей мотивационно-смысловой сферы может «способствовать выработке тактических рекомендаций по производству следственных действий и предупреждению преступлений в таких направлениях, как: сужение круга подозреваемых путем определения соответствия характера совершенного преступления смысловому содержанию личности предполагаемого преступника; преодоление его противодействия следствию на основе тактических комбинаций «смыслоподкрепление» и «смыслоразрушение»; прогнозирование поведения неизвестного преступника и обеспечение оперативно-розыскных органов соответствующей информацией; индивидуально-профилактическое воздействие на подследственного на основе «смыслоподкрепления» и «смыслоразрушения» [9, с. 10].

Следует отметить: в отдельных проанализированных нами исследованиях имеются определенные неточности. В частности, Демидов Н.Н. осознает, что «криминалистически значимая информация о личности преступника является системообразующим элементом криминалистической характеристики преступления отдельного вида и позволяет разработать вероятностный психологический портрет неустановленного преступника (положение первое защиты – А.М.)». При этом указывает, что «психологический портрет неустановленного преступника представляет

собой совокупность криминалистически значимой информации о его личностных чертах, социально-демографических данных о нем, характерных поведенческих особенностях» (положение пятое защиты) [4]. Представляется, что социально-демографические данные составляют самостоятельный элемент криминалистической характеристики личности преступника и не могут в должной мере раскрыть психологический портрет преступника.

В целом же результаты нашего исследования не имеют существенных отличий от результатов, приведенных выше.

Однако нами выявлен важный элемент в характеристике личности преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования с использованием юридического лица. Он имеет существенное криминалистическое значение. Но ему в изученных работах акцентированное внимание не уделено. Таким крайне важным качественным элементом в характеристике личности преступника являются сведения о его положении относительно юридического лица, в отношении которого осуществляется преступная деятельность по склонению к выдаче кредита, погашение которого не планируется. При разработке криминалистической характеристики личности по основанию вхождения в состав сотрудников кредитного учреждения преступников необходимо дифференцировать:

1. Преступник является членом кредитной организации, при этом он:

а) член преступной группы, обладающий властными и организационно-распорядительными полномочиями;

б) член кредитной организации с узко определенными полномочиями.

2. Мошенник с кредитной организацией служебных отношений не имеет.

Данный признак имеет большое коррелирующее значение. Обладание соответствующими организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями (или их отсутствие) опосредует (предопределяет):

выбор схемы преступления;

последовательность, преступных и не преступных действий;

использование соответствующего вида и уровня средств достижения преступного результата;

возможность склонения к содействию лиц, от решения которых в определенной степени зависит достижение преступного результата;

возможность максимально полно организовать противодействие следствию в случае возбуждения уголовного дела.

Именно должностное положение лица кредитной организации является побуждающим (инициирующим, провоцирующим) преступную деятельность фактором. Организационно-распорядительные полномочия высокого уровня, существенно облегчают получение кредита мошенническим способом. Преступники имеют возможность оказывать определяющее воздействие на других сотрудников банка, от решений которых зависит выдача разрешений на перевод кредита.

Одним из таких примеров является факт мошеннических действий по выделению кредита ООО «Королев и компания» в коммерческом банке «Великие Луки банк».

Банком в лице председателя Правления Тимофеевой Г.Н. и обществом с ограниченной ответственностью «Королев и компания» в лице Королева И.П. заключен кредитный договор от 10 октября 2007 года № 396/к. В соответствии с договором ООО «Королев и компания» был предоставлен кредит в размере 2750000000 рублей со сроком погашения 07 октября 2010 года и уплатой за пользование кредитными денежными средствами 11% годовых. Однако по истечении оговоренного договором срока кредит обществом не возвращен, проценты не оплачены. Как показало судебное разбирательство,

общество являлось аффилированным лицом по отношению к Банку: участником ООО «Королев и компания» с долей в уставном капитале 50% являлась дочь Тимофеевой Г.Н., председателя правления банка. В решении суда указано: «данное обстоятельство, не могло не быть известно при заключении договора из представленных в кредитных досье учредительных документов, карточки председателя правления Банка, что должно было послужить при заключении договора основанием для дополнительной проверки реальности осуществления указанным Обществом предпринимательской деятельности» [3]. Вопрос о выдаче кредита не вносился на одобрение кредитного комитета. Предварительное заключение экономиста планово-экономического отдела о категории качества ссуды делала экономист этого отдела Григорьева С.А., которая также является дочерью Тимофеевой Г.Н. Судебным приставом-исполнителем установлено, что общество «Королев и компания» предпринимательскую деятельность не ведет, по месту регистрации не находится [8].

Названное качество личности преступника является важным криминалистическим элементом личности преступника, осуществляющего мошенничество в сфере кредитования с использованием юридического лица.

Примечания

1. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2006. – 46 с.
2. Боташева А. Х. К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере // Общество и право. – 2009. – № 2. – С. 97.
3. Данным требованием регламентируется такая сделка в соответствии со статьей 81, статьей 83 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», с разделом 2 Положения Банка «О совершении сделок со связанными с Банком лицами и оценке рисков, возникающих при их совершении».
4. Демидов Н. Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 189 с.
5. Иконников Д.Н. Характеристика личности банковских преступников // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 20–22.
6. Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1999. – 718 с.
7. Наиболее активной категорией являются лица в возрасте от 36 до 40 лет (26%). Далее от 26 до 30 лет (18%); от 41 до 45 лет (16%); от 21 до 25 лет (16%); от 31 до 35 лет (12%).
8. По делу открытого акционерного общества Коммерческий банк «Великие Луки банк» : решение Арбитражного суда Псковской области 22 апреля 2013 г., дело №А52-5024/2012.
9. Тазин И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2006. – 23 с.
10. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – 840 с.

МАРТЫНОВ Александр Николаевич, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России (г. Москва). E-mail: sergeev_ab@bk.ru

MARTYNOV Alexandr Nikolaevich, Head of the Chair of State and Legal Disciplines, the Academy of Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow). E-mail: sergeev_ab@bk.ru

УДК 343.14

К.И. Попов
K.I. Popov

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ

Развитие цивилизации, научно-технические достижения, заставляют мировое сообщество вести борьбу с преступностью, которая применяет все более изощренные виды и способы совершения противоправных действий. В статье рассматривается следственное действие – контроль и запись телефонных и иных переговоров, а также использование доказательственного значения результатов контроля и записи переговоров в условиях современного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: контроль и запись переговоров, следственное действие, результаты следственного действия, доказательства, доказывание, преступление, использование результатов в доказывании.

USING THE CONTROL RESULTS AND NEGOTIATION RECORDING IN PROVING

The increasing development of civilization, scientific-and-technical achievements makes the world community combat crime, which uses more and more sophisticated means and ways of committing illegal actions. The article considers the investigative action - monitoring and recording of telephone and other conversations, as well as the usage of evidentiary value of the control results and negotiation recordings in the conditions of modern criminal procedure legislation.

Keywords: control and record of negotiations, investigative action, results of investigation, evidence, proving, crimes, using the results in proving.

Эффективность контроля и записи телефонных и иных переговоров во многом предопределяется не только уровнем организации этой деятельности и её сочетанием с тактическим разнообразием применяемых приёмов и способов, но и умелым использованием зафиксированных результатов данного следственного действия в ходе расследования уголовного дела.

Под результатами контроля и записи телефонных и иных переговоров понимаются полученные органами предварительного следствия на основании и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, фактические данные, зафиксированные в фонограмме, имеющие значение в расследовании уголовного дела [7, с. 392].

Информация, передаваемая по телефонным линиям и иным видам связи, после поступления на технические средства контроля фиксируется на физическом носителе (магнитные ленты аудиокассет, проволоки, компьютерные диски и т. п.).

Указанные материалы следует рассматривать как «иные документы». В условиях технического прогресса понятие документов значительно шире и не ограничивается лишь письменной формой. Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде.

К ним могут относиться также материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации [6, с. 111].

Результаты данного следственного действия по их целевому использованию условно можно разделить на две категории:

1. Запись переговоров информационного характера, указывающих на возможные источники фактических данных (связи подозреваемого, его встречи с сообщниками, места хранения предметов и документов, могущих быть впоследствии вещественными доказательствами, различная информация о признаках внешности, используемом автотранспорте и т. д.), обеспечивающие выбор организационных и тактических приемов осуществления тех или иных следственных действий. Эти данные могут не содержать конкретных сведений о совершенном или готовящемся преступлении, но могут использоваться для проведения таких следственных действий, как обыск, опознание, очная ставка. Кроме того, подобная информация позволяет принять меры, препятствующие уничтожению орудий преступления, денежных средств, полученных в ходе преступной деятельности, реализации преступного замысла и др.

2. Запись переговоров, имеющих непосредственное доказательственное значение, т. е.

фактические данные, прямо указывающие на признаки преступления и причастных к нему лиц. В дальнейшем они могут использоваться как в оперативно-розыскной деятельности, так и в качестве доказательств в процессе расследования после их соответствующей проверки и процессуального закрепления. Возможность их использования в качестве доказательств определяется следователем. Результаты (материалы), полученные следователем в ходе проведения контроля и записи телефонных и иных переговоров, могут быть использованы для:

планирования расследования уголовного дела при выдвижении и проверке следственных версий;

подготовки и проведения следственных действий, использования эффективных тактических приёмов и средств по расследуемым уголовным делам;

установления мест нахождения лиц, скрывшихся от следствия, суда, отбывания наказания, а также без вести пропавших;

доказывания причастности определенных лиц к преступлению и наличия связи между соучастниками преступления [4, с. 268].

Рассмотрим указанные направления более подробно.

1. Под планированием расследования понимается мыслительная деятельность компетентного лица, состоящая в постановке конкретных задач по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, определению их исполнителей, а также средств их достижения.

По возбужденному уголовному делу следователь разрабатывает план расследования, в котором находят отражения вопросы обеспечения следственных действий имеющимися силами и средствами. Особое значение применительно к рассматриваемому следственному действию имеют положения, касающиеся взаимодействия с оперативными подразделениями, расчета необходимых технических средств фиксации информации, получения с участием специалистов необходимых образцов голоса для сравнительного исследования, использования результатов фоноскопической экспертизы в расследовании уголовного дела.

Вместе с тем для определения направления расследования следователем могут выдвигаться различные версии, которые позволяют развивать знание от вероятного (предположительного) к достоверному (истинному) знанию изучаемого события или отдельных его обстоятельств. Именно поэтому они играют роль метода познания в расследовании преступления.

Для построения версий имеют значение непосредственно установленные следователем обстоятельства, содержащие сведения о событии преступления. Основу их построения составляют факты, полученные в ходе следственных действий, в том числе и при контроле телефонных переговоров подозреваемого и его сообщников.

Следователь, ознакомившись с информацией, содержащейся в документах, может планировать проведение целенаправленных конкретных следственных и судебных действий (обысков, выемок, допросов и т. д.).

При получении материалов (записи переговоров), свидетельствующих о совершенном или готовящемся преступлении, они могут использоваться следователем для:

выявления мест нахождения предметов и документов, которые могут быть доказательствами по уголовному делу;

определения перечня, времени и последовательности осуществления следственных действий;

выбора эффективных тактических приёмов следственных действий;

определения тактики действий в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц [5, с. 325].

Информация, полученная следователем в процессе контроля и записи телефонных и иных переговоров, помогает ему понять мотивацию поведения подозреваемого при даче ложных показаний (угроза, шантаж, подкуп и т. д.), получить значимые сведения о роли подозреваемого в преступной группе, его связях, убедиться в достоверности показаний. Например, наличие такой информации позволяет тактически грамотно провести допрос и убедить допрашиваемого дать правдивые показания.

На практике использование материалов телефонных переговоров для подготовки и осуществления судебных действий встречается крайне редко. Однако данные сведения могут быть учтены судом при решении вопроса об изменении меры пресечения подсудимому в случаях установления в процессе данного следственного действия фактов противодействия подсудимых в установлении истины.

2. Одной из функций предварительного следствия является розыск обвиняемого (ст. 210 УПК РФ). Розыск скрывшегося обвиняемого представляет собой комплекс мероприятий, проводимых инициатором розыска и по его заданию органами внутренних дел в местах возможного нахождения скрывшегося лица. Для розыска и установления лица, совершившего преступление, информация, полученная в ходе контроля и

записи переговоров, может тактически грамотно использоваться следователем в целях:

создания ситуации, вынуждающей разыскиваемого к установлению связей с соучастниками преступления, родственниками или к посещению определенного места, известного органам следствия;

проведения целевых розыскных мероприятий по ограничению свободы передвижения разыскиваемого лица;

создания условий, препятствующих сокрытию следов преступления;

склонения соучастников разыскиваемого лица к оказанию помощи следствию в решении задачи его розыска;

склонения обвиняемого к явке с повинной с помощью лиц, пользующихся у него авторитетом;

введения разыскиваемого в заблуждение относительно розыскной ситуации;

проведения комплекса следственных и розыскных мероприятий в местах вероятного нахождения или появления обвиняемого [1, с. 518].

3. Решение о возможности использования результатов контроля и записи переговоров в процессе доказывания принимается следователем. При рассмотрении следователем вопроса о допустимости результатов данного следственного действия в качестве доказательств в первую очередь учитываются следующие обстоятельства:

наличие данных, от кого исходит фонограмма записи переговоров;

указание на источник получения записи переговоров;

наличие в сопроводительных документах обязательных реквизитов и подписей уполномоченных должностных лиц.

Использование материалов контроля и записи телефонных и иных переговоров в качестве доказательств по уголовным делам возможно в следующих формах:

1. При назначении необходимых видов судебных экспертиз.

На практике разрешение вопросов принадлежности записанного голоса тому или иному лицу относится к компетенции сравнительно нового вида экспертизы, которую называют фоноскопической (от греческого «phone» – звук и «grapho» – пишу). На фоноскопическую экспертизу должен направляться только оригинал звукозаписи.

Цель фоноскопической экспертизы – проверка подлинности фонограммы, отсутствия признаков ее монтажа, идентификация голоса говорившего и звукозаписывающей аппаратуры, а также решение ряда диагностических вопросов.

Предметом фоноскопической экспертизы являются фактические данные (сведения), содержащиеся в фонограммах, которые стали объектами расследования и судебного рассмотрения, и требуют специальных познаний эксперта для установления истины.

Для исследования речи используется языково-измерительный метод, сочетающий измерение и математико-статистическую идентификацию физических параметров речи с учетом психофизиологических и языковых (семантических, фонетических, психолингвистических, социально-лингвистических и др.) особенностей речи, ее патологии.

2. Непосредственное использование материалов при допросе.

Материалы с записью переговоров могут быть использованы в процессе допросов подозреваемых и обвиняемых, а также свидетелей и потерпевших на протяжении всего процесса расследования.

При допросе особенно эффективно использование результатов контроля и записи телефонных и иных переговоров в целях изобличения допрашиваемых во лжи.

3. Результаты контроля и записи телефонных или иных переговоров могут непосредственно использоваться в процессе доказывания в качестве самостоятельного источника доказательств.

4. Согласно ч. 6 ст. 186 УПК РФ следователь в течение всего срока контроля и записи телефонных и иных переговоров вправе в любое время истребовать от органа, их осуществляющего, фонограмму для осмотра и прослушивания. Для этого следователь направляет на имя начальника органа, осуществляющего контроль и запись переговоров, запрос, в котором просит предоставить фонограмму переговоров, осуществленных по указанным каналам связи в определенный период времени [2, с. 156].

Фонограмма предоставляется следователю в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором должны быть указаны даты и время начала и окончания записи указанных переговоров и краткие характеристики использованных при этом технических средств (тип пленки, год выпуска, наименование завода-изготовителя и заводской номер звукозаписывающей аппаратуры).

При пересылке материалов принимаются меры к предотвращению их повреждения, деформации, размагничивания, иного изменения их свойств.

Допускается перенос ряда материалов (нескольких аудиозаписей) на единый носитель, который

направляется следователю. Это обстоятельство должно находить отражение в сопроводительных документах.

В современных условиях на фоне идеи построения правового государства, демократизации уголовного процесса и последовательного проведения судебной реформы существенно возрастает роль фоноскопической экспертизы контроля и записи телефонных и иных переговоров и заключения эксперта как судебного доказательства. Дальнейшее расширение возможностей органов предварительного следствия в сфере контроля и записи переговоров позволяет получать вещественные доказательства для успешного расследования общественно опасных деяний, связанных с коррупцией и взяточничеством.

Существует проблема отнесения фонограммы телефонных переговоров к определенному виду доказательств. В статье 186 УПК РФ законодатель определил, что фонограмма в полном объеме приобщается к уголовному делу на основании постановления следователя как вещественное доказательство. Не во всех телефонных и иных

переговорах содержится необходимая доказательственная информация, поэтому следователь должен постоянно знакомиться с материалами прослушивания и делать пометки на тех, которые несут эту информацию и затем будут приобщены к материалам уголовного дела. Если контроль и запись телефонных переговоров проводился в порядке ст. 186 УПК РФ, то протокол осмотра и прослушивания фонограммы составляет сам следователь в присутствии понятых [3, с. 555].

Фонограмма записи телефонных переговоров – это фактические данные, на основании которых можно установить наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Таким образом, фонограммы как результат контроля и записи телефонных и иных переговоров, приобщаемые к материалам уголовных дел, служат одним из наиболее объективных источников доказательств, имеющих существенное значение для раскрытия и расследования преступлений.

★ Примечания

1. Аверьянова Т. В., Статкус В. Ф. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : научно-практическое пособие. – М. : Юрайт, 2011. – 648 с.
2. Башкатов Л.Н., Боровский М. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2010. – 199 с.
3. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части. – СПб. : Питер, 2010. – 720 с.
4. Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М. : Юстицинформ, 2008. – 268 с.
5. Качалов В. И., Качалова О. В. Уголовно-процессуальное право: учеб. пособие. – М. : МГИУ, 2007. – 388 с.
6. Копылова О. П. Уголовный процесс. Общая часть. – Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2007. – 128 с.
7. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб.. – М. : Юристъ, 2005. – 815 с.

ПОПОВ Константин Иванович, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, Уральский государственный университет физической культуры, кандидат юридических наук. E-mail: ya.lp2001@yandex.ru

POPOV Konstantin Ivanovich, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Ural State University of Physical Training, Candidate of Law. E-mail: ya.lp2001@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

УДК 349.6

Ф.М. Тюльпанов
F.M. TylipanovСРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ деятельности органов исполнительной власти США и России в сфере регулирования охранительных отношений. Характеризуются экологические функции государственных органов исполнительных структур. Определяется система этих органов. Сделаны выводы об эффективности системы управления органов исполнительной власти в области охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая система органов управления, эффективность исполнительных органов, сравнительный анализ США и России.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF EXECUTIVE
REGULATORY BODY SYSTEMS IN ENVIRONMENT
PROTECTION IN THE U.S. AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the comparative legal aspect of the American and Russian executive bodies in protective relations regulating. Ecological functions of state executive bodies are characterized. The system of such bodies is defined. Conclusions are made about the effectiveness of executive regulatory body systems in environment protection.

Keywords: ecological system of regulatory bodies, effectiveness of executive bodies, the comparative analysis of the U.S. and Russia.

Совершенствование государственного управления в области природопользования и охраны окружающей среды – одна из актуальных проблем, решением которой необходимо заниматься постоянно. Реформы исполнительных органов, проведенные в России в последние годы, не всегда были положительными. С 2004 по 2012 гг. структуры исполнительных органов постоянно изменялись. Особые изменения произошли в 2004 году.

Указами Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [4] и от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» [2], даны разъяснения содержания важнейших функций управления, включая нормотворческую, контролирующую и надзора, а также функции по управлению государственным имуществом и по оказанию услуг.

В юридической литературе, а также в законодательных актах употребляются такие термины, как «управление охраной окружающей среды», «управление взаимодействием общества и природы», «управление природоохранительной деятельностью», «управление в области

использования природных ресурсов и окружающей среды», «экологический менеджмент» и т. д., но вместе с тем отсутствует зачастую понятие «государственное управление». Существуют различные точки зрения и позиции ученых по понятию «экологическое управление». И это самостоятельная проблема, требующая досконального изучения.

Органы исполнительной власти характеризуются в ст. 8-10 Закона об охране окружающей среды РФ. Понятие управления в области охраны окружающей среды включает: основы этого управления (полномочия РФ, ее субъектов, органов местного самоуправления, их разграничение между собой, основные принципы управления), а также систему органов исполнительной власти РФ (федеральных, субъектов РФ, специально уполномоченных органов в области использования и охраны окружающей среды).

Вместе с тем их объединяют общие принципы деятельности, выражающиеся в функциях в сфере экологии.

К основным из них относятся: прогнозирование, планирование и использование природных объектов; изучение природных объектов и ресурсов природы; регистрация и учет их; предоставление в

пользование; определение предметов ведения между федеральными органами власти и субъектами Российской Федерации (разграничение собственности); установление общих принципов налогообложения и сборов Российской Федерации и другие.

В ст. 14 Закона «Об охране окружающей среды» определены понятия – прогнозирование и планирование. Прогнозирование – это процесс научного познания, а планирование – процесс активного воздействия.

Прогнозирование осуществляется на основе данных предположительного характера, а планирование – на основе точных данных. Прогноз постоянно корректируется, а выраженный в форме закона план изменить нелегко.

Особенности планирования природоохранительной деятельности требуют постоянного совершенствования его методики.

Анализируя деятельность органов управления природопользованием и охраной окружающей среды, можно убедиться в том, что несмотря на особенности каждой группы, налицо их органическая связь в содержании.

Рассматривая функции органов управления природопользованием и охраны окружающей среды, необходимо напомнить, что они реализуются различными методами, в зависимости от правового положения этих органов. Под функциями понимаются основные направления в деятельности государственных органов управления природопользованием и охраны окружающей среды.

В литературе неоднозначно определяется классификация функций государственного экологического управления. Так, О.Л. Дубовик выделяет следующие функции управления, используя при этом формальные признаки: 1) принадлежность субъекта управления к системе публичной власти; 2) обозначение субъекта управления в актах, регулирующих его полномочия в качестве уполномоченного в сфере управления природопользованием и охраной окружающей среды либо путем указания на конкретные управленческие задачи; 3) осуществление управленческой функции от имени государства; 4) наделение субъекта управления для осуществления функции соответствующими правовыми средствами (например, устанавливать запреты, ограничения, применять санкции, давать разрешения, определять условия деятельности, давать обязательные для исполнения руководящие указания и т. п.) [3, с. 402–403].

Можно согласиться с данной классификацией функций экологического управления. Вместе с тем следует выделить основные из них:

ведение природоресурсных кадастров;
прогнозирование использования и охраны природных ресурсов;

планирование природопользования и охраны окружающей среды;

нормотворческая деятельность органов управления природопользованием и охраной окружающей среды.

Характеризуя функции ведения кадастров, следует отметить, что кадастр – это высшая форма учета природных ресурсов. Только при наличии данных учета можно осуществлять сбалансированное природопользование и охрану окружающей среды. Так, к примеру, природопользование и охрана окружающей среды не могут быть сведены только к строительству очистных сооружений и созданию защитных зон. Важно вести учет и контроль за использованием природных ресурсов в целом. Под системой государственного управления в области природопользования и охраны окружающей среды понимается совокупность органов исполнительной власти, наделенных определенными полномочиями публичной властью, осуществляющие организацию рационального природопользования и охрану окружающей среды.

Большинство ученых выделяют три группы органов, осуществляющих экологическое управление по объему и характеру. В.В. Петров справедливо предлагает разделить государственные органы исполнительной власти на 3 группы – комплексные, отраслевые и функциональные, т. е. иные органы, на которые возложены отдельные функции в определенной сфере окружающей среды, выполняющие одну или несколько родственных функций [6, с. 177].

В первую группу органов общей компетенции входят: Президент РФ, его администрация, Межведомственная комиссия по экологической безопасности Совета безопасности РФ, Правительство РФ и правительства (администрации) субъектов Федерации, а также органы местного самоуправления (муниципальные образования).

Во вторую группу органов специальной компетенции входят органы исполнительной власти эколого-правового блока, их решения обязательны для юридических и физических лиц, а также и для органов управления на местах.

Это основные органы, осуществляющие функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства, охраны природных ресурсов, включая управление государственным фондом недр, лесным хозяйством.

К ним также следует отнести органы специальной компетенции, выполняющие функции контроля. Таковыми являются: Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор); Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор); Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор); Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор); ФСБ России.

К этим же органам относятся федеральные агентства, представляющие услуги юридическим и физическим лицам. В частности, это: Федеральное агентство по недропользованию (Роснедра); Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы); Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз); Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом (Росимущество) и другие.

К третьей группе относятся иные органы в области управления и охраны окружающей среды: МВД; Федеральная таможенная служба РФ; Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Ростехрегулирование); Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Росстрой).

Вместе с тем вопрос об экологическом управлении в теории права является сложным и до конца не решенным.

В настоящее время, существует достаточно большое количество объективных и субъективных оснований для эффективного решения поставленных перед органами управления задач.

В соответствии с Указом Президента РФ от 21 мая 2012 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» – структура органов исполнительной власти состоит из следующих звеньев: федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств [5].

Однако деятельность органов исполнительной власти в области управления природопользованием и охраной окружающей среды все же недостаточно эффективна. Реформы, происходящие в последние годы, не достигли своей цели. В литературе справедливо отмечается незначительная роль самого механизма правового регулирования, посредством которого должны быть реализованы законодательные нормы в области природопользования и охраны окружающей

среды. Немаловажным является вопрос о принятии субъектами Федерации нормативных правовых актов, которые обеспечивали бы практическую деятельность органов специальной компетенции в регулировании природоресурсных и охранительных отношениях [7, с. 25].

Этот вопрос требует самостоятельного изучения, и он заслуживает более глубокого анализа. Нам бы хотелось проанализировать деятельность органов исполнительной власти США и РФ на уровне сравнительно-правового анализа.

Система органов исполнительной власти США по сравнению с российскими имеет некоторые особенности. Во-первых, форма правления США – президентская республика. Вся исполнительная власть принадлежит президенту. Федеральное правительство и администрация президента – по существу один и тот же орган. Губернаторы и администрация штатов аналогичные структуры правительства, как и на федеральном уровне.

В политической структуре США имеется кабинет, который проводит консультации, выполняет роль совещательного органа, помогает принимать важные решения президенту по различным вопросам. Решения могут оформляться правовыми актами президента. Состав кабинета определяется президентом, – в который входят руководители ведущих департаментов (министерств): иностранных дел, финансов, обороны, юстиции, внутренних дел, сельского хозяйства, торговли, труда, здравоохранения и социального обеспечения, жилищного и городского строительства, энергетики, транспорта и по делам ветеранов [1, с. 67–68].

В систему администрации президента входят исполнительный аппарат, федеральные департаменты и агентства. В 1970 г. был создан Совет по качеству при президенте. Обязанность Совета – подготовка посланий президента Конгрессу США о состоянии окружающей среды. Совет, являясь рабочим органом президента, участвует не только в определении общенациональной экологической политики, но также его деятельность направлена на реализацию задач, вытекающих из экологического законодательства. Основные функции и полномочия Совета определяются указами президента и Законом 1970 г. «Об улучшении качества окружающей среды». Совет наделен правом законодотворческой инициативой в области экологических отношений. Он не наделен административно-властными полномочиями и не дублирует деятельность других органов власти. Совет наделен полномочиями координатора федеральных ведомств по вопросам охраны

окружающей среды и издаёт нормативно-методические документы в этой сфере деятельности. Специальным органом, уполномоченным решать вопросы охраны окружающей среды, является Агентство по охране окружающей среды (ЕРА). Это самостоятельный федеральный орган исполнительной власти, руководитель которого назначается президентом США и, как правило, утверждается Сенатом. Руководитель ЕРА является членом президентской команды, что говорит о его высоком статусе.

Таким образом, ЕРА осуществляет функции межотраслевого управления. Главными функциями являются: сохранение и улучшение качества трех сфер окружающей среды – водных ресурсов, атмосферного воздуха и земли, а также целостности озонового слоя планеты. К основным видам деятельности ЕРА относятся: нормотворческая, планирование, координация, методическое руководство, обучение и подготовка кадров, научные исследования, техническая помощь, мониторинг, контроль, государственный экологический надзор, финансирование [1].

В России такого органа нет. Существующее Министерство природных ресурсов и экологии не выполняет по существу функции охраны окружающей среды. Оно является комплексным органом. В его ведении находятся федеральные службы, наделенные контролирующими функциями – Росприроднадзор, Росгидромет, и агентства, выполняющие функции предоставления услуг природопользователям, – Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы), Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз), Федеральное агентство по недропользованию (Роснедра). Что касается правового положения федеральных органов исполнительной власти США, они определяются не специальными нормативными актами (положениями), как это утверждается Правительством РФ, – все службы, министерства руководствуются конституционными нормами США, а также законами: о национальной политике в области охраны окружающей среды, об административном судопроизводстве и другими законодательными актами, регулируемыми природоохранные отношения по отдельным объектам природы.

Специальные функции ЕРА определены законодательными актами. Таким же образом во всех штатах созданы аналогичные ЕРА. На основании действующих в штатах конституций определяются система и структура органов власти и управления, а также их компетенция. Необходимо подчеркнуть все ЕРА штатов не находятся в административном подчинении федеральному

Агентству по охране окружающей среды, а подчиняются только по горизонтали – создававшим их органам власти и управления штатов. Руководители этих органов назначаются губернаторами штатов.

Следует отметить, что департаменты в штатах имеют различные названия, но в целом сущность их деятельности сводится к обеспечению сохранности окружающей среды. К примеру, в штатах Арканзас, Айдахо, Аризона, Вайоминг, Луизиана, Мичиган, Миссисипи, Небраска, Оклахома, Орегон, Юта – они называются департаментами по качеству окружающей среды, а в таких штатах, как Аляска и Нью-Йорк – департаменты по обеспечению сохранности окружающей среды. В других штатах: Коннектикут, Массачусетс, Мэн, Нью-Джерси, Флорида – департаменты по охране окружающей среды. В штате Иллинойс имеется Комитет по контролю за загрязнением окружающей среды, кроме существующего департамента, а в штате Кентукки создан Департамент по обеспечению сохранности природных ресурсов и наряду с этим органом существует Комиссия по качеству окружающей среды. В некоторых штатах на эти органы, помимо выполняемых функций по охране окружающей среды, возлагаются и другие функции, не связанные с охраной природы. Так в штатах – Канзас и Колорадо на департамент, выполняющий функции охраны природных ресурсов, возложены и такие функции, как охрана здоровья граждан.

Следует отметить, что структура органов специальной компетенции в США по организации их природоохранной деятельности и природопользованию определяется особенностями самих штатов, включая климатические, географические, экономические, социальные условия, а также перспективы развития этого штата. Более подробно деятельность департаментов штатов в области охраны окружающей среды можно рассмотреть на примере южного штата Калифорния, где численность населения составляет 37,3 млн человек, что гораздо выше плотности населения в других штатах. Агентство по охране окружающей среды штата (Cal/EPA) является самостоятельным ведомством в правительстве штата.

Структура (Cal/EPA) состоит из пяти подразделений: департаменты по вопросам атмосферного воздуха, контроля водных ресурсов, по вопросам использования пестицидов, по контролю за токсичными веществами и Отдел по вопросам улучшения качества окружающей среды и охраны здоровья людей. Все департаменты наделены определенными функциями, начиная от

научных исследований до обеспечения соблюдения и исполнения природоохранных законодательных норм. Осуществляют мониторинг качества окружающей среды, оказывают помощь бизнесу в деле соблюдения норм и правил охраны окружающей среды, организуют и проводят мероприятия по повышению экологического воспитания граждан. Все отделения осуществляют свою деятельность совместно с другими службами, а особенно межведомственным Национальным комитетом по борьбе с загрязнением окружающей среды в результате разлива нефти и выброса в окружающую среду вредных загрязняющих веществ.

Также, как и ЕРА, департаменты штатов в области охраны окружающей среды осуществляют свою деятельность в двух направлениях: во-первых, взаимодействуют со всеми федеральными ведомствами, которые управляют охраной окружающей средой, и, во-вторых, взаимодействуют с соответствующими структурными подразделениями штатов. В связи с этим важную роль играет ЕРА, поскольку она выполняет функции координатора всех департаментов штатов. Помимо нормотворческой деятельности, ЕРА разрабатывает программы в области охраны окружающей среды, которые утверждаются на всех уровнях государственного управления: федеральном, штатов, местном (региональном), локальном.

В свою очередь, штаты представляют свои отчеты по проделанной работе в соответствии с программой и законодательными нормами (стандарты штатов, правил, регламентов). Определенные функции по охране окружающей среды выполняют Департаменты (министерства): внутренних дел, обороны, сельского хозяйства, энергетики, торговли, здравоохранения и социального обеспечения, жилищного строительства и развития городских инфраструктур, продовольствия и лекарств, безопасности и охраны здоровья работников.

В ведении Департамента внутренних дел находятся парки и федеральные земли, Департа-

мента сельского хозяйства – пестициды, Департамента энергетики – энергоресурсы, Департамента здравоохранения и социального обеспечения – пищевые продукты и лекарства, Комиссии по использованию ядерной энергии – вопросы безопасности ядерных электростанций, Департамента торговли – морские и прибрежные ресурсы.

Главная задача правоохранительных ведомств США – управление землями, а не функции охраны общественного порядка и обеспечение безопасности граждан, как это осуществляется в России органами внутренних дел. В США, кроме названных органов исполнительной власти, в качестве самостоятельных ведомств выступают федеральные агентства по управлению лесами в составе Министерства сельского хозяйства, Служба береговой охраны США в составе Департамента (министерства) национальной безопасности, которая выполняет военные и гражданские функции. Кроме того, существует Национальная администрация по вопросам океана и атмосферы, являющаяся федеральным ведомством в составе Министерства торговли и выполняющая природоохранные функции. Кроме того, в составе Министерства юстиции имеется департамент, занимающийся вопросами окружающей среды и природных ресурсов. В частности, департамент занимается ведением гражданских и уголовных дел об экологических правонарушениях.

Таким образом, мы видим, что в США исполнительные органы осуществляют свои действия, не дублируя друг друга, а взаимодействуют со всеми другими службами, ведомствами выполняющие функции природоохранного законодательства. Важно отметить, что штатам предоставляется самостоятельность в решении экологических вопросов, вытекающих из законов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов.

Желательно создание специальных судов либо отделов по производству рассмотрения экологических дел в Российской Федерации.

Примечания

1. Браславский Л. И. Экология и охрана окружающей среды: законы и реалии США и России : моногр. – М.: Инфра-М, 2013. – С. 67–68.
2. Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти : указ Президента от 20 мая 2004 г. № 649 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 21. – Ст. 2023.
3. Дубовик О. Л., Кремер Л., Люббе-Вольф Г. Экологическое право : учебник. – М. : Юрайт, 2005. – С. 402–403.

4. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945.
5. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 // Российская газета. – 2012. – 26 мая.
6. Петров В. В. Экологическое право России : учеб. – М. : Изд-во Бек, 1995. – С. 177.
7. Русин С. Н. Полнота правового регулирования нормирования в области охраны окружающей среды и эффективность государственного управления : проблемы теории и практики // Экологическое право. – 2003. – № 4. – С. 25.

ТЮЛПАНОВ Фарид Муллагалиевич, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: f.g.tulpanow@mail.ru

TUYLPANOV Farid Mullagalievich, Assistant Professor of State and Civil Disciplines Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: f.g.tulpanow@mail.ru

УДК 343.775

С.Т. Фаткулин
S.T. Fatkulin

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Противодействие экологической преступности является одним из направлений уголовной политики государства. При этом уголовная политика реализуется различными методами: совершенствованием уголовного закона, изменением санкций норм Особенной части уголовного права, криминализацией или декриминализацией конкретных деяний и т. д. В статье высказываются предложения о классификации экологических преступлений, дается анализ современного состояния экологической преступности, путей реформирования уголовно-экологического законодательства, и высказываются предложения по совершенствованию борьбы с экологическими преступлениями.

Ключевые слова: экологическая безопасность, уголовная ответственность, классификация экологических преступлений, разграничение уголовной и административной ответственности за экологические преступления.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY IMPLEMENTATION FOR ENVIRONMENTAL CRIMES

Countering environmental crime is one of the areas of state criminal policy. The criminal policy is realized in different directions: improvement of the criminal law, improvement of the standards of the Special Part of the sanctions of the criminal law, criminalization or decriminalization of specific acts, etc. The article makes suggestions for the classification of environmental crimes, analyzes the current state of environmental crime, ways to reform the criminal environmental legislation, and makes suggestions for improving the fight against environmental crimes.

Keywords: environmental security, criminal liability, classification of environmental crimes, distinction between criminal and civil liability for environmental crimes.

Экологические проблемы в нашей стране, как и в большинстве стран мира, относятся к важнейшим экономическим и социальным проблемам. Природа находится в столь плачевном состоянии, что ее неблагополучие отражается на условиях жизни и здоровья людей: растет число генетических отклонений, сокращается средняя продолжительность жизни российских граждан. В этих условиях особо актуальными являются научные исследования, нацеленные на поиск решений, способных уменьшить риск дальнейшего обострения экологической ситуации. К их числу относятся исследования по развитию и совершенствованию уголовно-правового законодательства, направленного на противодействие экологической преступности.

В статье 42 Конституции РФ провозглашается право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Это достигается путем правильного и эффективного применения законодательства об ответственности в области охраны окружающей среды и природопользования. Уголовная

ответственность за совершение экологических преступлений наряду с другими средствами воздействия на правонарушителей, посягающих на установления природоохранного законодательства, представляет один из наиболее действенных рычагов защиты интересов человека, общества и государства в сфере обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды [3].

Уголовно-правовая ответственность как правовой институт – это система юридических мер, признанных обеспечивать эффективное применение и реализацию принудительных мер уголовно-правового воздействия на нарушителей в целях соблюдения установленного законом порядка использования природных ресурсов и сохранения благоприятных для человека условий окружающей среды. Уголовная ответственность за экологические преступления считается экологизированной частью уголовного права, обеспечивающей соблюдение природоохранных требований законодательства, общества, государства. Сама отрасль российского права – экологическое право – делится на природоохранное и природоресурсное право (земельное, горное,

водное, лесное, фаунистическое). Экологизированные нормы уголовного и других отраслей российского права признаны «подпирать» обусловленные экономическим развитием общества, страны и вызываемые необходимостью их развития и модернизации экологические правила и повеления [5].

Особенностью данного правового института является его комплексность, так как в систему норм юридической ответственности входят нормы не только уголовного права, но и административного, земельного, лесного, водного, природоохранного, гражданского и др., создающие условия для реализации уголовно-правовых запретов. Уголовное законодательство о противодействии экологическим преступлениям претерпело за время своего развития значительные изменения. Иным стал подход к правовой и общественной оценке экологических правонарушений. Приоритетное значение ныне имеют не экономические интересы, а защита экологических интересов, условий, благоприятных для состояния здоровья человека.

В последние десятилетия в связи с бурным социально-экономическим развитием российского общества происходит процесс формирования и накопления данных судебно-следственной практики об отдельных признаках и проявлениях преступных посягательств на окружающую среду, в рамках которой не редко разрабатываются элементы новых составов экологических преступлений, закрепляемых впоследствии в уголовном законодательстве. В теории уголовного права совокупность экологических посягательств на окружающую среду постепенно выделяется в отдельную группу уголовных правонарушений, требующих криминализации и явно претендующих на самостоятельное место в структуре системы Особенной части уголовного права.

В основу их обособления и обоснованной научной классификации были положены особенности объекта посягательства и объективной стороны большинства составов. Возросло значение общественных отношений в сфере обеспечения экологической безопасности; способов совершения преступлений, связанных с негативными проявлениями производственных процессов (загрязнение, повреждение, противоправное использование различных материалов и производств). Стали очевидными признаки антиобщественной мотивации субъективной стороны составов экологических преступлений (корыстные мотивы, вандализм, должностная коррупционная заинтересованность). Выявлены пробелы в

развитии собственного экологического уголовного законодательства, когда в УК РФ в недостаточной мере учитывались качественные изменения в характере и степени общественной опасности экологической преступности, в частности распространённость организованной преступности, появление группировок, специализирующихся на совершении корыстных высокодоходных экологических преступлений посредством расхищения национальных природных ресурсов, широкое использование новейших достижений науки и техники (информационных технологий, искусственных химических компонентов, автотранспорта, авиационной техники, оптических приборов и других технических средств). Не получила должного развития тенденция к отражению и восприятию норм международного права, уголовно-правовых стандартов по охране природы, не предусматривалась ответственность за совершение ряда международных экологических преступлений или преступления международного характера (экоцид, трансграничные перевозки химических, радиоактивных и иных особо опасных веществ, загрязнение морской и воздушной среды, территорий сопредельных и других государств [7].

Общая характеристика современного законодательства об особенностях уголовной ответственности за совершение экологических преступлений в реальной криминогенной ситуации требует комплексного анализа состояния его источников, структуры, основных новелл и принятия нестандартных решений вопросов законодательной техники и правореализации. Отметим, что в результате многочисленных поправок, внесенных в гл. 26 «Экологические преступления» УК РФ, ни одна из 17 содержащихся в ней статей не сохранила своего первоначального содержания. Изменения носили разнонаправленный и непланомерный характер, касались различных характеристик содержания и признаков состава экологических преступлений. Совершение большинства из них отличается высокой степенью латентности. Эффективность уголовно-правового воздействия на экологические преступления, меры по их предупреждению и противодействию, к сожалению, представляются довольно проблематичными. Судебная практика по этой категории преступлений фактически минимальна и не поддается системному анализу.

В науке экологического права и исследуемой подотрасли уголовного права, изучающей проблемы уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, отсутствует единая концепция идей и принципов эффективного

противодействия преступности в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Представляется, что потребность в такой обобщающей концепции, отвечающей принципу устойчивого развития человечества, протекающего в условиях гармоничного, научно управляемого взаимодействия природы и общества, является велением времени. Ее целью должна стать интеграция всех правовых средств защиты окружающей среды, прежде всего от преступных посягательств на ее нормальное развитие и рациональное использование ее потенциала [6].

В связи с этим нельзя согласиться с авторами, отрицающими ранее укоренившиеся теорию и методологию решения вопросов уголовно-правового подхода к противодействию преступным посягательствам на безопасность внешней среды, основанного на признании единства подотраслей природоресурсного и природоохранительного права, и предлагающими вывезти природоресурсную подотрасль экологического права в сферу юрисдикции гражданского права [2]. По нашему мнению, объявление общенациональных природных ресурсов исключительно имуществом, т. е. объектом купли-продажи, нарушает право каждого человека пользоваться благами природных ресурсов Российской Федерации, ведет к ограничению конституционных прав граждан. Отчуждение для удовлетворения социально-экономических потребностей некоторых групп населения части природных ресурсов из природной среды в имущество (т. е. преобразование экологической категории этих ценностей в экономическую) может привести к снижению уровня охраны экологических интересов населения страны. Сопrotивление общественности попытке неконтролируемой приватизации водных и лесных ресурсов при обсуждении соответствующих законодательных проектов показало реальность подобных рисков нарушений научно обоснованного баланса защиты качества природной среды, сохранения ее природного естественного состояния. Следовательно, для защиты природоохранительных интересов необходимо применение не только административно-правовых методов, но и комплекса средств уголовного права, а также освоение методологии научного подхода к дифференциации и взаимному дополнению средствами различных отраслей правозащиты окружающей среды от противоправных посягательств [4].

Вопросы вызывает состояние правоприменительной практики в использовании норм

уголовного права в противодействии посягательствам на окружающую среду. Квалификация этих деяний как неперемный компонент правоприменения не всегда адекватна подлинной общественной опасности экологических преступлений; ее степень нередко недооценивается правоохранительными органами. Как свидетельствует обобщение судебной практики, проводимое Верховным Судом РФ, выработанный наукой алгоритм процесса квалификации общественно опасных деяний как метод и необходимый этап правоприменения не всегда успешно используется судами при рассмотрении уголовных дел об экологических преступлениях.

Пленум ВС РФ в целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования неоднократно принимал постановления, направленные на разъяснение многих неясных, допускающих неоднозначное толкование терминов и понятий экологического раздела уголовного законодательства признаков различных видов ответственности. В связи с этим следует напомнить о постановлениях Пленума ВС РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» и от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности в области охраны окружающей среды и природопользования». Учитывая бланкетность большинства специальных экологических составов, фактическую их рассредоточенность по многим разделам Уголовного кодекса РФ, следует признать возрастание значения вопросов их применения в названных постановлениях.

Все составы преступлений в действующем УК РФ, сформулированные по признаку выполняемых ими функций, относящихся к природопользованию и охране окружающей среды, можно разделить на три категории: специальные экологические составы, смежные и дополнительные. Специальные экологические составы отражены в ст. 246–262 гл. 26 «Экологические преступления» УК РФ. К ним также относятся составы, сформулированные в иных главах УК РФ (например, ст. 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей», ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», ст. 358 УК РФ «Экоцид»). Эти составы имеют своим основным объектом

общественные отношения, прямо не связанные с охраной окружающей среды, но при определенных обстоятельствах способны исполнять охранительные экологические функции. То же распространяется и на так называемые смежные составы преступлений в области природопользования и охраны окружающей среды, которые выполняют экологические функции лишь при определенных объективных обстоятельствах: ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей», ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ», ст. 217 УК РФ «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах», ст. 219 УК РФ «Нарушение правил пожарной безопасности», ст. 220 УК РФ «Незаконное обращение с радиоактивными веществами», ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта», ст. 269 УК РФ «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов», ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» и др. Данные составы приобретают природоохранное значение лишь тогда, когда в результате совершаемых их субъектами противоправных действий нарушаются правила природопользования и причиняется вред окружающей среде.

Некоторые составы не являются по своей природе экологическими, но при определенных обстоятельствах также могут быть использованы в целях охраны окружающей среды. К дополнительным составам относятся некоторые преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 292 УК РФ «Служебный подлог», ст. 293 УК РФ «Халатность»). Предусмотренные этими статьями преступления могут применяться в ряде конкретных случаев напрямую к тем должностным лицам, которые своими действиями или бездействием способствовали причинению вреда окружающей среде, грубо нарушали правила природопользования.

Действующее уголовное законодательство непрерывно совершенствуется в направлении расширения сферы объектов, в отношении которых учреждается уголовно-правовая защита, уточняются объемы и содержание применяемых санкций. Можно отметить следующие наиболее существенные проявления этого процесса: впервые в 1996 г. в Уголовный кодекс РФ включен термин «экологические преступления», хотя и

без разъяснения его содержания; уточнены цели норм, устанавливающих ответственность за нарушение экологических преступлений; расширен и получил более четкое выражение круг непосредственных объектов преступных посягательств; конкретизирован перечень предметов экологических преступлений [8].

Одним из направлений реформирования главы об экологических преступлениях становится интеграция составов. Значительное внимание законодателя привлекла проблема конкуренции составов экологических преступлений, имеющих немаловажное значение при их квалификации. В связи с этим можно говорить о неоправданной конкуренции между собой различных норм гл. 26 УК РФ (например, ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и иных статей об экологических преступлениях), что негативно сказывается на уровне юридической техники при формулировании ряда составов, ведет к созданию заведомо «мертвых» в смысле практического применения норм, многие из которых четко не разведены с аналогичными нормами, содержащимися в иных главах УК РФ.

В целом в УК РФ 1996 г. втрое возросло число уголовно-правовых норм о более опасных деяниях, связанных с причинением вреда природной среде и здоровью человека. В соответствии со ст. 15 УК РФ о категоризации преступлений экологические правонарушения относятся в основном к группе средней тяжести. Исключения составляют лишь санкции за деяние, предусмотренные ч. 3 ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», ч. 3 ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ч. 4 ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений», которые могут быть отнесены к категории тяжких. Анализ уровня санкций за экологические преступления в УК РФ 1996 г. позволяет сделать вывод о существенном снижении верхнего предела наказания: он снижен в 11 из 38 составов, названных в гл. 26 УК РФ.

С позиции оценки уровня пенализации и реформирования санкций за экологические преступления констатируется стремление законодателя усилить дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от характера и опасности содеянного, его последствий, личности подсудимого; происходит уточнение и расширение перечня смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств; проведено существенное возрастание размеров наказания имущественного характера и разнообразия мер наказания, не связанных

с лишением свободы; расширен перечень альтернативных санкций за счет включения в них новых размеров штрафов и их увеличения (до 500 тыс. руб.), обязательных работ (до 480 часов), принудительных работ (до пяти лет). Вместе с тем сохраняется явная неадекватность ответственности объему и степени общественной опасности некоторых экологических преступлений, особенно при причинении значительного экономического ущерба [1].

На практику применения судами уголовных наказаний влияет конкретизация ранее известных и введение новых квалифицирующих обстоятельств совершения экологических преступлений, влияющих на оценку степени их общественной опасности. Расширена сфера применения уголовно – правовых норм за счет отражения в законе разнообразия охраняемых объектов, видов и областей человеческой деятельности, иного уточнения в названиях статей и их диспозициях предметов посягательства. Отличительными чертами юридической техники гл. 26 УК РФ является использование специфического понятийного аппарата, демонстрирующего современное состояние науки и технологии, детальное описание элементов состава преступления, закрепление широкого спектра преступных последствий, многие из которых описываются с помощью оценочных категорий.

Вместе с тем нерешенной остается проблема разграничения экологических преступлений и смежных административных правонарушений. Глава 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» КоАП РФ содержит ряд составов, близких по объекту посягательства или даже совпадающих по названию с аналогичными уголовно-правовыми составами (например, ст. 8.6 КоАП РФ «Порча земли» и одноименная ст. 254 УК РФ; ст. 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» КоАП РФ и ст. 251 «Загрязнение атмосферы» УК РФ). В КоАП РФ насчитывается более 20 статей, запрещающих деяние, непосредственно причиняющие вред различным объектам окружающей среды. Определение степени их общественной опасности для установления надлежащей юрисдикции требует учета судом целого комплекса признаков и условий.

На один из таких вопросов, касающихся незаконной охоты, Пленум ВС РФ указал в своем постановлении от 18 октября 2012 г. № 21, в п. 14 которого говорится, что разграничение незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ) осуществляет по

таким признакам, как причинение крупного ущерба, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, либо на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Примечательно, что Пленум ВС РФ обращает внимание судов на необходимость учитывать взаимосвязь и взаимозависимость административной и уголовной ответственности при квалификации деяний, находящихся на грани преступления и административного правонарушения, отмечая, что объективной стороной административного правонарушения является нарушение правил охоты, т. е. требований к осуществлению охоты и сохранению охотничьих ресурсов на всей территории ресурсов Российской Федерации, в частности нахождение физических лиц в охотничьих угодьях с орудиями охоты без соответствующего разрешения. Такие действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ в случае, если они не содержат признаков преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ (п. 14 указанного Постановления).

Решение некоторых вопросов законодательного регулирования противодействия экологическим преступлениям вызывает критические замечания. Так, отсутствует четкость в разграничении ряда составов преступлений в гл. 26 УК РФ и формулировок административных правонарушений (например, ст. 251 УК РФ и ст. 8.21 КоАП РФ). По-видимому, их разграничение и устранение дублирования определяются по степени вредности или общественной опасности, решаемых в ходе правоприменения; по итогам административной и судебной практики. Взаимодействие и взаимодополнение этих отраслей права нуждаются в дальнейшем осмыслении, толковании и развитии.

В числе иных факторов объективного и субъективного порядка, свидетельствующих о несовершенстве действующего законодательства об ответственности в сфере охраны окружающей среды и природопользования, порождающего несогласованность в практике их квалификации, можно назвать пробельность уголовного законодательства, его несоответствия развитию общего экологического законодательства. К проблемам правоприменения относятся также сохранение и даже возрастание множественности бланкетных диспозиций и признаков объективной стороны составов, усложняющих процедуру

квалификации. Процесс дифференциации уголовно-правовых составов должен быть продолжен в целях более полного отражения криминологической ситуации в экологической сфере.

Национальные природные ресурсы нуждаются в особой уголовно-правовой защите. Особенности коррупциогенной направленности некоторых экологических преступлений и наличие известных, связанных с ее проявлением компонентов, не получили пока отражения в экологическом

законодательстве. Этим целям не в полной мере соответствуют статьи УК РФ, устанавливающие ответственность за нарушение лишь некоторых, выборочных правил использования и охраны природных объектов и ресурсов, например ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных животных растений», ст. 257 УК РФ «Нарушение правил охраны рыбных запасов» и другие.

★ Примечания

1. Дубовик О. Л. Анализ изменений действующего законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI российского конгресса уголовного права. – М., 2011. – С. 384–385.

2. См.: Боголюбов С. А. Земельное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 38–47

3. См.: Дагель П. С., Бушуева Т. А. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду // Правоведение. – 1981. – № 6. – С. 49–55.

4. См.: Дубовик О. Л. Реализация уголовной и административной ответственности за экологические правонарушения; актуальные проблемы толкования и применения // Экологическая безопасность: проблемы, поиск, решение. – М., 2001. – С. 120–130.

5. См.: Петров В. В. Экологические преступления – понятия и составы // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 88–99; Дубовик О. Л. Комментарий к главе 26 «Экологические преступления» // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации ; под ред. А. В. Наумова. – М., 1999. – С. 635–684; Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права. – М., 2011. – С. 25–28.

6. См.: Плешаков А. М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994.

7. См.: Радчик О. Л. Уголовная ответственность за преступление в области обращения с опасными веществами и отходами по законодательству зарубежных государств // Экологическое право России : материалы конференции ; под ред. А. К. Голиченкова. – М., 2004. – С. 349–352.

8. См.: Фаткулин С. Т. Уголовно-правовая охрана земли от порчи : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 28 и др.

ФАТКУЛИН Сафаргалей Таминдарович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат юридических наук. E-mail: safar53@mail.ru

FATKULIN Safargaley Tamindarovich, Assistant Professor of the Criminal Law Chair, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of Law. E-mail: safar53@mail.ru

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ!

УДК 93

А.И. Семенов
*A.I. Semenov***ОТ НАЧАЛЬНИКА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
МАГНИТОГОРСКА – ДО НАЧАЛЬНИКА МУРА**

В статье рассматриваются этапы профессиональной деятельности комиссара милиции III ранга А.М. Урусова.

Ключевые слова: А.М. Урусов, сотрудники уголовного розыска, УГРО г. Магнитогорска, МУР.

**A.M. URUSOV AS A HEAD OF MAGNITOGORSK
AND MOSCOW CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT**

This article discusses the professional activity stages of A.M. Urusov, the Police Commissioner rank III.

Keywords: A.M. Urusov, criminal investigation officers, Magnitogorsk Criminal Investigation Department, Moscow Criminal Investigation Department.

Среди сотрудников уголовного розыска нашей области и страны, впоследствии занявших высокие посты в системе НКВД/МВД, особое место занимает руководитель легендарного Московского уголовного розыска в годы Великой Отечественной войны комиссар милиции III ранга Александр Михайлович Урусов [2, с. 108–115; 3, с. 767].

А.М. Урусов родился 19 марта 1905 г. в Тюмени в семье рабочего. Трудовую деятельность начал с 11-летнего возраста в местном речном порту. В 1919 г. был принят на службу заведующим делопроизводством в отдел розыска транспортной ЧК г. Тюмени, одновременно учился в начальном училище. В 1920–1921 гг. А.М. Урусов служил начальником канцелярии в управлении водного угрозыска Сибкрая. Затем последовала работа в Тюменском окружном административном отделе (отделе Рабоче-Крестьянской милиции и уголовного розыска): милиционер, завделопроизводством уголовного розыска, инспектор и начальник активно-секретного отделения окружного угро. В 1928 г. 23-летний Александр Урусов назначается начальником тюменского окружного уголовного розыска. В честь двенадцатой годовщины РКМ (1929 г.) А.М. Урусов за «неподкупно-честное, сознательное отношение к делу, неутомимую энергию и самоотверженность в деле борьбы с преступностью» был награжден боевым оружием – револьвером системы «Наган». Награду молодому начальнику уголовного розыска вручал начальник административного отдела (начальник милиции) Тюменского округа Гуго Августович Зыльвиндер. В 1932 г. Г.А. Зыльвиндер возглавил в г. Челябинске 2-ю Уральскую

областную школу среднего начсостава РКМ, а еще позднее стал начальником милиции г. Златоуста [6, с. 89–90].

10 августа 1930 г. А.М. Урусов по решению Уральского обкома ВКП(б) был назначен начальником уголовного розыска Магнитогорского городского административного отдела. Магнитогорская милиция, как и сам город, берет свое начало с 1929 года, когда у подножия горы Магнитной возникли первые палатки будущих строителей крупнейшего в мире металлургического комбината. Официально милиция в Магнитогорске была создана приказом полномочного представителя ОГПУ по Уральской области в мае 1930 г. В августе этого же года организуется городской административный отдел (в феврале 1931 г. реорганизован в отдел РКМ и УР). В адм.отдел в тот период входили: отделение уголовного розыска, организационное отделение, отделение наружной службы, кавалерийский дивизион и взвод конного резерва. Территорию города обслуживали три отделения милиции, в которых работали участковые (надзиратели), милиционеры и сотрудники паспортных столов. При отделе милиции существовал арестный дом [1, с. 266–267]. В составе ОУР, которое возглавлял А.М. Урусов, действовало пять групп: по борьбе с особо опасными преступлениями (убийства, грабежи, злостное хулиганство); группа по должностным и хозяйственным преступлениям; по борьбе с кражами; по борьбе со скотоконократством; группа негласного состава и проводники служебно-розыскных собак. В начале 30-х гг. коллективизация и индустриализация привели

к значительному ухудшению материального положения населения и, соответственно, росту преступности. В новых условиях для государственной власти защита социалистической собственности и борьба с экономической преступностью приобретали важный характер. Именно в это время хищения государственной и общественной собственности были приравнены по степени тяжести и социальной опасности к составу контрреволюционного преступления. В соответствии с новым курсом в карательной политике советской власти ужесточались и меры, предпринимавшиеся по борьбе со спекуляцией. С начала 30-х г. борьба с «хищниками, расхитителями, спекулянтами» становится приоритетной в деятельности органов внутренних дел. Вместе с А.М. Урусовым в становлении уголовного розыска и ликвидации преступности в городе принимали участие М.С. Медвянов (позднее сменил на посту А.М. Урусова), Е.В. Вершинин (заместитель начальника ОУР по научно-технической части, позднее – начальник ОУР г. Читы, начальник Молодечненского управления милиции в Белоруссии), В.Г. Коновалов (фотограф), Беликова (дактилоскопист), М.Я. Валитов, Козлов, Челноков, Зотов, А.С. Рошкетаяев, А.И. Селищев, Власов и другие. Известно, что за свою недолгую работу в Магнитогорске первый начальник угро был поощрен «за усердную службу» весьма ценной по тем временам наградой – костюмом.

В конце 1931 г. А.М. Урусов был отозван в Москву для учебы в Центральной высшей школе РКМ, после окончания которой получил назначение в Управление милиции по Уральской области (г. Свердловск). В столице Уральской области А.М. Урусов служил на различных должностях в уголовном розыске: начальник отделения, заместитель начальника отдела, начальник уголовного розыска. В 1937 г. он был назначен заместителем начальника, а в 1938 г. – начальником УРКМ УНКВД по Свердловской области. В последней должности Александр Михайлович пробыл до конца 1943 г. В этом же году ему было присвоено специальное звание комиссара милиции III ранга. Кстати, в книге «Солдаты правопорядка» (Екатеринбург, 2002) имя А.М. Урусова, одиннадцать лет прослужившего в милиции Свердловской области, из которых пять лет – ее руководителем, к сожалению, даже не упоминается [5]. Под руководством А.М. Урусова в г. Свердловске в конце 30-х – начале 40-х гг. работал в уголовном розыске А.В. Крысин, один из основателей и организаторов экспертно-криминалистической службы Урала. В 1944–1948 гг. А.В. Крысин возглавлял

Управление милиции г. Челябинска, в 1948–1949 гг. – Управление милиции УМВД Челябинской области.

В январе 1944 г. А.М. Урусов приказом наркома внутренних дел СССР был переведен на должность заместителя начальника Управления милиции г. Москвы и начальника Московского уголовного розыска.

В годы Великой Отечественной войны задачи МУРа значительно изменились. Наряду с профилактикой правонарушений и раскрытием преступлений, муровцы осуществляли контроль за состоянием охраны заводов и предприятий, участвовали в патрулировании города, в изобличении дезертиров, в борьбе с фашистскими лазутчиками и диверсантами, обеспечивали порядок при вражеских авианалетах, вели учет пострадавших от бомбежек и пожаров, выполняли ряд других, не свойственных ранее уголовному розыску функций. Мобилизация части сотрудников в действующую армию привела к заметному сокращению численности уголовно-розыскной службы. Однако сотрудники МУРа справились с возрастающим объемом работы, что и было отмечено в представлении о награждении московской городской милиции орденом Красного Знамени в 1944 г. При А.М. Урусове для экстренного вызова на место происшествия, принятия своевременных мер по раскрытию наиболее опасных преступлений в МУРе впервые была организована дежурная часть. В 1944 г. научно-техническое отделение московского уголовного розыска было реорганизовано в отдел, расширился питомник служебного собаководства.

Известно, что действие повести братьев Вайнеров «Эра милосердия», как и популярного кинофильма «Место встречи изменить нельзя», происходит в Москве осенью 1945 г. Авторы повести, несмотря на то, что один из них длительное время служил в органах внутренних дел, отступают от исторической действительности: герои повести в одном случае называют себя сотрудниками МУРа, в другом – сотрудниками отдела борьбы с бандитизмом (ОББ). Действительно, отделы (отделения, группы) борьбы с бандитизмом существовали в уголовном розыске. Так обстояло дело и в МУРе, отделение по борьбе с бандитизмом которого было организовано при легендарном руководителе МУРа Л.Д. Вульффе в 1930 г. Однако в 1941 г. организация борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма была выведена из уголовного розыска и возложена на самостоятельные подразделения НКВД (УНКВД). И, тем не менее, можно с полным основанием говорить, что «муровские

опера» Жеглов и Шарапов, созданные творческой фантазией писателей, «служили» под началом комиссара милиции III ранга А.М. Урусова.

В первые послевоенные годы сотрудники уголовного розыска г. Москвы занимались профилактикой разбойных нападений, борьбой с вооруженными ограблениями граждан и государственных учреждений, изъятием оружия у населения, предупреждением и раскрытием краж государственной собственности и личного имущества граждан, борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью. Совместно с сотрудниками других милицейских служб, сотрудники уголовного розыска в этот период участвовали в ликвидации многочисленных вооруженных групп, шак воров и грабителей, что обусловило укрепление правопорядка и законности в столице. Массовый всплеск уголовной преступности во второй половине 40-х гг. XX века заставлял советское руководство пойти на ужесточение карательных мер против уголовников и совершенствование оперативно-розыскной деятельности. В Москве и в Московской области немедленно арестовывались все лица, проходившие по оперативным учетам и уличенные в конкретных преступлениях, а их дела передавались в Особое совещание НКВД СССР. В 1947 г. были введены в действие указы об усилении уголовной ответственности за хищения государственного имущества и усилении охраны личной собственности граждан. В новых условиях преступный мир начинал перестраивать свою криминальную деятельность. Преступники стали действовать более осторожно, законспирированно, ушли в глубокое подполье. Некоторые переквалифицировались с

разбоев и краж на вымогательство и мошенничество (в указах отсутствовало понятие этих опасных имущественных преступлений). В связи со сложившейся обстановкой руководство МВД разработало ряд мер, направленных на уничтожение преступного подполья. Уголовному розыску предлагалось усилить борьбу с гастролерами, широко использовать для выявления преступного элемента притоны-ловушки, агентурное выявление намерений уголовников, через агентурную сеть – разложение криминальной среды изнутри и др. В итоге усилия правоохранительных органов в конце 40-х гг. привели к оздоровлению криминальной обстановки в столице и стране в целом.

Последующая служебная карьера А.М. Урусова складывалась так: в 1951–1953 гг. он возглавлял Управление милиции Московской области; в 1953–1955 гг. служил начальником оперативного отдела Главного управления милиции (ГУМ) МВД СССР; затем два года находился в командировке в Венгерской Народной Республике советником по линии МВД. С 1957 г. на пенсии. В 60–70 гг. являлся активным членом Совета ветеранов МВД СССР. Умер А.М. Урусов в 1975 г. в г. Москве.

В период службы в органах внутренних дел А.М. Урусов был удостоен звания Заслуженного работника МВД, награжден знаком «Почетный работник НКВД и милиции» (1936), боевым оружием (1929), орденами Красной Звезды (1937), Знак Почета (1940), Трудового Красного Знамени (1945), Красного Знамени (1945, 1954), Ленина (1945), медалью «За победу над Германией» (1945) и др.

Примечания

1. Разумный А. Милиция города // Магнитогорск: краткая энциклопедия. – Магнитогорск, 2002.
2. Семенов А. И. Наши земляки на службе Отечеству. А.М. Урусов – начальник УГРО г. Магнитогорска и МУРа // Актуальные проблемы деятельности подразделений криминальной милиции: межвуз. сб. науч.-практ. статей. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2008.
3. Семенов А. И. Урусов Александр Михайлович // Челябинская область: энцикл. – Челябинск, 2005.
4. Семенов А. И., Яковлев В. Н. Милиция Челябинской области. Опыт энциклопедической статьи // Юридическая теория и практика. – 2006. – № 1 (1).
5. Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
6. Страницы истории Челябинской школы милиции. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2000.

СЕМЕНОВ Александр Иванович, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат исторических наук, доцент. E-mail: pspo.sdiu@mail.ru

SEMENOV Alexandr Ivanovich, Assistant Professor of the Chair of Social Studies and Management, Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (National Research University), Candidate of History. E-mail: pspo.sdiu@mail.ru

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **8-15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к оформлению статей

- **УДК** (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилию и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотацию (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (от 5 до 7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – **0,75 см**.
- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в алфавитном порядке. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- После статьи указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы (на русском и английском языках), контактный телефон, адрес электронной почты автора (обязательно).

При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная арабскими цифрами.

Для размещения статьи в нашем журнале к рукописи необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).
3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная рецензентом и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу:
454081, г. Челябинск, ул. Артиллерийская, 100, Факультет ПСПО ЮУрГУ,
Редакция журнала «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»
и (или) на **E-mail: pravoporyadok74@bk.ru**
Тел./факс: 8 (351) 243-05-25.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Сроки предоставления статей для опубликования: №1 – до 1 февраля; №2 – до 1 августа. Авторский экземпляр номера журнала высылается, на указанный в заявке адрес, наложенным платежом (№1 – после 15 апреля; №2 – после 15 октября).

Редакция журнала

Сведения об авторе*
представленной в Редакцию рукописи статьи

(название статьи)

ФИО <i>(полностью)</i>	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы <i>(полное наименование организации)</i>	
Адрес места работы, учебы <i>(с указанием индекса)</i>	
Контактный телефон <i>(с указанием кода города)</i>	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала <i>(с указанием индекса)</i>	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данные сведения, автор дает согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет.

«__» _____ 20__ г. _____ / _____ /

* - В случае подготовки статьи в соавторстве, сведения предоставляются каждым из авторов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

Фамилия И.О.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация. В статье рассматриваются.....(от 5 до 7 строк)

Ключевые слова: (от 5 до 7 слов)

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст [3, 75]. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст [2, с. 16]. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст.

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст [4].

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст [1, с. 13]. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.
 Текст. (от 8 до 15 страниц)

Примечания

1. Антонов, В. Ф. Развитие института крайней необходимости // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 12–18.

2. Денисенко, В. В. Теория административно-деликтных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Денисенко. – СПб., 2002.

3. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 912 с.

4. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 21 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

ФАМИЛИЯ Имя Отчество, ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, тел.: 8(900)000-00-00, E-mail: FIO@mail.ru

«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»

дата

подпись